

Эрос и Танатос

Диниелам Набиев (род. в 1991 г.) живет в Уфе. По профессии маркетолог. Его дебютный роман «Эрос и Танатос» — в некотором роде дитя пандемии. Находясь на долгой самоизоляции, Диниелам Набиев еочинил историю про хорошего парня из интеллигентной семьи, который в «лихие девяностые» становится киллером. Но роман выбивается из канона «жанровой прозы». Читатель встретит здесь интересные реалии семидесятых-восьмидесятых, картины советского дворового детства, службы в армии, студенчества, «шабашек», зоны — всего того, что не оправдывает, но очеловечивает его героя, раздираемого двумя влечениями — к жизни и к смерти...

Диниелам Набиев Эрос и Танатос

Диниелам Набиев

Эрос и Танатос

АСЕПИ

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПРЕЗИДЕНТСКОГО ФОНДА
КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ

Диниелам Набиев

Эрое и Танатое

Роман

Москва
АСПИ
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-449
Н13

*Издано при поддержке
Президентского фонда культурных инициатив*

Набиев Д.

Н13 Эрос и Танатос. Роман / Динислам Набиев. — М.: АСПИ,
2022. — 302 с.

ISBN 978-5-517-09288-5

Динислам Набиев (род. в 1991 г.) живет в Уфе. По профессии маркетолог.

Его дебютный роман «Эрос и Танатос» — в некотором роде дитя пандемии. Находясь на долгой самоизоляции, Динислам Набиев сочинил историю про хорошего парня из интеллигентной семьи, который в «лихие девяностые» становится киллером. Но роман выбивается из канона «жанровой прозы». Читатель встретит здесь интересные реалии семидесятых-восьмидесятых, картины советского дворового детства, службы в армии, студенчества, «шабашек», зоны, — всего того, что не оправдывает, но очеловечивает его героя, раздираемого двумя влечениями — к жизни и к смерти...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-449

ISBN 978-5-517-09288-5

© Набиев Д., 2022

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

НЕ БРАТЬ БЫ ВОВСЕ В РУКИ ТЯЖЕЛОГО МЕЧА!

Мы не предполагали, что в списке лучших девяти работ, рекомендованных к печати мастерами Всероссийской литературной мастерской АСПИ, может оказаться жанровый криминальный роман, — но он оказался.

Все, на первый взгляд, просто: сомнительный герой в острых обстоятельствах, преступления, долго ожидающие наказания... Но слишком многое мешает «Эросу и Танатосу» числиться сугубо по департаменту жанровости. Традиционный на первый взгляд pulp fiction оборачивается то притчей, то «физиологическим очерком», то романом воспитания, играет с мифом, бытописательствует, жалуется, занудствует, — и все в регистре искренности, в совершенной свободе от постмодернистского прищура. Это многоликий — и многонаселенный роман, в котором предстают живые, неидиллические миры советского детства, студенчества, армии, тюрьмы, зоны, лихих девяностых, нашего времени.

«Эрос и Танатос» — в некотором роде дитя пандемии, «литература локдауна». В первую волну пандемии Динислам Набиев, молодой маркетолог из Уфы, оказался вместе с семьей в изоляции в родительском доме. За письменный стол его, ранее не писавшего прозу, усадили и воспоминания родителей, и общее для весны 2020 года ощущение нарушенного хода вещей и неопределенного будущего.

Потом Динислам принял участие в конкурсе «Мир литературы. Новое поколение» (проводившемся АСПИ при поддержке

Динислам Набиев

Президентского фонда культурных инициатив) — и приехал в Москву с этой большой, неровной, но, бесспорно, захватывающей книгой.

Поздравляем автора с неординарным дебютом — и верим в его успех.

ПРОЛОГ

— Простите, а вы мне не подскажете,
Что это за город — там, на горе?

— Вот это? Э-э-э... *Инен баш баласы!*
Это же ЭФЭ!

*Юрий Шевчук,
альбом «Периферия»*

Город словно ватным одеялом был укутан плотной пеленой дождя. Его капли не падали вниз и не летели в стороны, влеко-мые ветром, а висели неподвижно в воздухе. Впрочем, они были настолько мелкие, что дождь мог сойти за туман. Но все же это был дождь. Мелкий, противный, утопивший весь Город.

Было время, когда Город еще не превратился в фасеточно-глазого монстра о тысячу голов, который никогда не спит, непрерывно переваривая в чреве человеческую массу. День был днем, а ночь ночью. Днем Город наполнялся людьми и машинами, движением, которое условно можно было назвать даже упорядоченным, а не тем броуновским адом, что наступил спустя несколько десятилетий. Ночью Город пустел. Лишь изредка громыхал дежурный трамвай, торопливо вышагивал припозднившийся прохожий, да тать, как ему и положено, таялся в ночи, выжидая своего часа. Конечно, могла тренькнуть где-нибудь во дворе расстроенная гитара и рассыпаться семечками девичий смешок. Только не в такую погоду.

Все светофоры в огромном городе ночью мигали желтым. Сейчас это трудно представить. В четыре часа утра трафик мало отличается от дневного, и мигающий желтым светофор встретить практически невозможно. А весь город, одновременно

мигающий желтым... Огоньки светофоров, отражаясь в бесчисленных каплях повисшего в воздухе дождя, превращались в огромные желтые шары, вспыхивающие и гаснущие во тьме. Иллюзия воды и света при абсолютной тишине искажала восприятие пространства и рождала странные образы. Если встать в начале широкого и прямого, как стрела, Проспекта, тогда единственного в Городе, он виден весь — и кажется, что ты на подводной лодке врываешься в тоннель секретного бункера. А если бы удалось воспарить над улицами и отлететь немного в сторону, то Город, раскинувшийся на горе, показался бы маяком в бескрайнем море. Маяком, мигающим теплым желтым светом, указывая путь затерявшимся кораблям.

Вспоминая это, Эрик въезжал в Город через Южные ворота — главные в Городе. Самые красивые, самые востребованные и самые узкие. Всего ворот было три. Город являл собой почти остров. Он раскинулся на горе, омываемой водами двух рек — и ими же сжатой в узкий хребет: рекой Светлой — широкой, спокойной, действительно светлой, и Темной — извилистой, коварной, с бесчисленными водоворотами. Южными и Западными воротами служили мосты через Светлую реку.

С севера же Город, словно корабль, прицепившийся кормой к причалу, да так и вросший в него навсегда, имел единственный сухопутный перешеек. Северными воротами можно было считать въезд со старинного тракта. Но, помимо него, во многом благодаря огромной, живущей по своим законам промышленности, здесь образовалось еще бесчисленное множество дорог, дорожек, тропинок и воровских тропочек. Потому воротами Северный въезд можно считать весьма условно.

Восточных ворот у Города не было совсем. И, вероятно, не будет никогда.

Грандиозный проект их строительства, конечно, существовал. Он беспощадно опустошал казну на протяжении десятилетий, но строительство не продвинулось ни на шаг. Оно даже

толком не началось. Куда исчезали деньги, горожан не сильно трогало, так как они все равно куда-нибудь исчезали бы. Не будь Восточных ворот, было бы Скоростное метро, Воздушные острова или что-то такое же прекрасное и недостижимое. А может, виной всему была коварная Темная река.

Примечательно, что в незапамятные времена Восточные ворота существовали. О строительстве мостов через такие крупные реки, как Светлая и Темная, тогда речи, конечно, не шло. Существовали только речные переправы. Одна из них, Дудкин перевоз, как раз и располагалась у восточных, Спасских ворот древнего Города. За переправой начиналась старинная дорога в Сибирь. Название свое переправа получила от имени владельца, ушедшего стрельца Антоши Дудки. Тот не только выпросил разрешение на устройство платного перевоза у самого царя Алексея Михайловича, но и завел на берегу рядом с переправой корчму. Позже, после появления Старого Сибирского тракта, превратившегося впоследствии в главный Проспект, Спасские ворота и Дудкин перевоз оказались на окраине жизни. Город потерял Восточные ворота. Дудкин перевоз сохранился до сих пор и служит подспорьем «безлошадным» дачникам, обосновавшимся на левом берегу Темной реки, а Спасские ворота, как, впрочем, и сама древняя крепость, просто исчезли с лица земли.

...Старый Ырынбурский тракт уперся в Южные ворота. Город парил над водами Светлой реки. Мигал желтым призывным огнем. Слева, на горе, эпический всадник, осадивший коня перед самым обрывом на вершине, оставался невидимым. Вода не его стихия, и он притих, спеленутый со всех сторон влагой этого то ли тумана-переростка, то ли дождя-недомерка. Въехав на мост, Эрик физически ощутил громаду приближающегося Города. Входя в него, ты становишься его частью, песчинкой на его мостовых. Белая река, капли о былом, ах, река-рука, поведи крылом.

Въезжая в Город, Эрик ожидал наткнуться на очередной полицейский пост. Пока он добирался сюда, его останавливали несколько раз. Самый серьезный кордон оказался перед формальной границей Города. Там, где раньше был стационарный пост ГАИ. Четырехполосная дорога была перегорожена бетонными блоками. Узкий проезд охраняли несколько полностью экипированных и вооруженных бойцов. Гайцы проверяли документы. Здесь задержали дольше всего. И только тут, глядя на промокших насквозь крепких ребят в масках, Эрик впервые всерьез подумал о Чуме, которая охватила весь мир. Она добралась и сюда. Она реальна! Живешь, строишь планы, — и можешь оказаться в чумном бараке завтра или через неделю. И запросто можешь не выжить. Долго размышлять об этом Эрик не хотел. Не сейчас! Он наконец обрел долгожданную свободу. Ничего, что на поверку она оказалась совсем не такой, как представлялась. Времена не выбирают.

Никакого поста в Городе не оказалось. Как, впрочем, и обычного движения. Пустынные улицы, мигающие желтым светофоры. Чума словно заставила ночной Город откатиться на полвека назад.

За мостом Эрик свернул к Обелиску. Зацепившись за острую пику гранитного монумента, мысли рассеялись, разлетелись и всплывали теперь хаотично, словно мерцающие огоньки. Почему египетская цивилизация оставила столько памятников? Растащили по всему миру гробницы с мумиями, обелиски, каменные изваяния... В европейских столицах — египетские обелиски на площадях. Огромные залы музеев заполнены трупами фараонов и их усыпальницами. Кажется, только Китай сумел сохранить в неприкосновенности очень известное и крайне интересное захоронение — гробницу императора Цинь Шихуанди. Там полностью раскопали знаменитую терракотовую армию, но к самому кургану не притронулись.

Мысли продолжали скакать. Да, Египет. Очевидно, сухой климат Северной Африки способствовал сохранности... Гробницы

пережили Римскую империю... Должно быть, в этой самой Африке теперь жарища — страшное дело...

Но этот обелиск не был родом из Северной Африки. Его вырезали здесь, из местного гранита, установлен на берегу Светлой реки, правда, почему-то в овраге, для олицетворения великой дружбы двух народов. Причем здесь Египет? О чем я вообще...

Он стремился в Изумрудный Гай — относительно молодой район Города, раскинувшийся на высоком и крутом берегу Темной реки. Эрик не смог бы даже себе внятно объяснить, зачем он туда едет. Никто его не ждал. Тем не менее он ехал именно туда. Дорога под обелиском вдруг резко расширилась. Город сильно изменился в его отсутствие. Выбрав скорее по наитию, Эрик помчался дальше по ночным улицам, въехал в Изумрудный Гай и дальше, с трудом вспоминая дорогу, пробирался сквозь лабиринт невесть откуда взявшихся современных многоэтажек. По прежним меркам это были просто небоскребы, по двадцать — тридцать этажей каждый, несколько кварталов, стоящих вплотную. Огромная бездушная громада: из всего бесчисленного множества окон сейчас не горело ни одно. Это само по себе странно для большого города, даже учитывая глубокую ночь. Карантин, вспомнил Эрик.

Куда же он рвался, чего хочет на самом деле? Встать под темными окнами, зная только, что где-то в недрах этого муравейника есть кто-то близкий, свой? И это щемит душу, заставляет его стоять посреди ночи в морosi дождя, пытаюсь угадать, какие окна ему нужны...

ЧАСТЬ 1

*...Эрос действует с самого начала жизни
и выступает как «влечение к жизни...»*

З. ФРЕЙД

ГЛАВА 1

* * *

Родился Эрик здесь, в Городе. В Темниковке, бывшей когда-то отдельным городком, но давно уже втянутой спрутом большого Города и ставшей неотъемлемой его частью. Неотъемлемой, но все же немного отдельной. Сами темниковцы происхождением своим гордились, говорили о нем с неким вызовом, а жители центральной части Города к Темниковке и ее обитателям относились настороженно. Район пользовался дурной славой, зачастую — вполне заслуженно. Так уж исторически сложилось, что вся основная промышленность была сосредоточена на севере. Там, где город не был так жестко ограничен реками. Темниковка не просто примыкала к промзоне — она охватывала ее, была неразрывно внедрена в ее тело. Сюда же, в Темниковку, в годы Великой войны был временно эвакуирован, да так и остался навсегда, огромный завод с верховьев Волги. Большая часть жителей трудилась на заводах. Криминогенная обстановка в Темниковке была самой напряженной в Городе, и, кажется, к концу XX века атмосфера здесь была ровно такая же, как в любой рабочей слободке конца века XIX. В семидесятые еще ходили «стенка на стенку».

Звали Эрика на самом деле Эрос. Отец, грек по национальности, настоял на этом имени. Он горячо убеждал супругу, что символизм имени бога любви несведущие люди воспринимают слишком однобоко, — на самом деле он олицетворяет главное влечение на Земле — влечение к жизни. «Эрос Криони звучит очень красиво». Устав спорить, она махнула рукой. «Все равно

будет Эриком», — решила для себя. Так оно и случилось. Отец сам лишь несколько раз торжественно назвал малыша Эросом, а потом незаметно для себя «съехал» на «Эрик». Позже, при поступлении в школу мама договорилась, что в журнале его запишут как Эрика, так что сам он редко вспоминал свое настоящее имя.

Помнил себя Эрик отчетливо лет с пяти. С подготовишки детского сада: ненавистные огромные тефтели с рисом, которые заставляли есть (неужели самым противным в детском питании были тефтели?), бордовый бархатный бант (у всех были красные из атласа) к годовщине Великого переворота, тоскливые прогулки, поцелуи за одеялом во время тихого часа (не понимая толком зачем, но воспринимая восторг аудитории). Лица той бойкой девчонки Эрик уже не помнил, но полынно-горький вкус ее губ мог почти физически почувствовать на протяжении всей жизни.

Зато дворовая жизнь прочно сохранилась в памяти, стала частью Эрика. Дом, в котором они жили, можно было назвать темниковским Кораблем — по аналогии с первым — «центровым». Там, в центре Города, звалась Кораблем длинная многоподъездная, облицованная белой плиткой девятиэтажка. Дом Эрика был также безграничен в длину, но уныло сер и имел всего пять этажей. И если тот, в центре, горделиво стоящий на возвышении с прекрасным видом из иллюминаторов верхних палуб, и впрямь походил на океанский лайнер, то темниковский скорее напоминал списанную баржу, пришвартованную к краю огромного пустыря.

Дом этот не был частью квартала. Он стоял как-то особняком. Со стороны подъездов был тротуар, проезжая часть с никому в те времена не нужной парковкой, и дальше — довольно большое, ничем не занятое пространство, заканчивающееся гаражами и оградой детского сада (Эрик ходил в другой, гораздо дальше от дома). Летом это пространство было футбольным

полем, зимой — хоккейной площадкой. С другой стороны, также за тротуаром и проезжей частью, раскинулся поистине необъятный по любым меркам пустырь. Занимал он по меньшей мере гектаров десять. Ровно посередине имелось даже небольшое озерцо. Мальчишки презрительно называли его болотом, хотя заболоченными были лишь берега, а по самому озеру особо отчаянные плавали на небольших плотках и даже устраивали морские баталии.

Темниковский Корабль одиноко притулился к пустырю с севера. За ним начинался микрорайон, называемый Северными дворами. С другой стороны необозримое пространство пустыря заканчивалось задворками огромного ДК. «Дворец культуры» не был насмешкой над своим названием. Его он носил по праву. Монументальное и величественное сооружение парадной стороной выходило на большую площадь, каскад лестниц и фонтанов спускался от него к главной транспортной развязке Темниковки. Здесь начиналась другая жизнь. С парадными витринами (пусть не такими, как в центре, но все же...), суетой, удушливой гарью «Икарусов» и очередью рогатых «тролликов». Остановка «ДК» была конечной почти для всего транспорта, приезжающего из центра. В том числе и для экспресса в аэропорт. И, если повезет, можно было увидеть, как в него кроме обычных пассажиров заходят молодеватые летчики и стюардессы с бесконечными ногами.

Пустырь считался законной вотчиной их дома, их дворовой братии. Другие жилые дома располагались поодаль. Правда, на самом видном месте, на возвышенности между домом Эрика и озером, бельмом на глазу красовался двухподъездный барак чудесного розового цвета. Был ли выбор цвета случайным или так хотели немного скрасить жизнь несчастным жителям дома, где не было водопровода и канализации, теперь уже не узнать. Деревянный «двухчочковый» (видимо, по количеству подъездов) нужник располагался практически перед балконом

Эрика, до уличной колонки с водой было метров двести. Из всех обитателей барака претендовать на обладание пустырем мог только один пацан чуть постарше Эрика. Имени его во дворе никто не знал, но за способность вскипеть за секунду он имел погремуху Карбид.

А затевали на пустыре... Чего только не затевали! Из невинных детских забав можно вспомнить разве только те самые битвы на плотках, ловлю головастика и дафний летом, катание со склонов озера на лыжах и санках зимой. Детей разного возраста во дворе было очень много. Дом большой, да и возраст жильцов подобрался такой, что все были с детьми. Жили дружно. Сплоченный такой дворовый коллектив. Стая. Старшие главенствовали, но мелких не особо обижали. Более того, чуть ли не с дошкольного возраста привлекали к затеям совсем не детским, вязали пацанов общими делами. Например, вполне обычным было, если пара-тройка старшеклассников бросала клич: «Айда на пустырь шакалить!» Все пацаны, которые были во дворе, обязаны были пойти. Собиралась ватага человек в двадцать, попадали в нее и несколько малышей.

Эрик не помнил, сколько ему было, когда он в первый раз пошел шакалить со всеми. Класе в первом, наверное. Не пойти было нельзя. Не имело никакого значения, как ты лично относишься к этой затее, да и что там понимает мальчишка в семь лет. Либо ты со всеми, либо один, то есть изгой. Шакалили очень просто. Через пустырь проходила единственная асфальтированная дорожка. Все, кому нужно было к конечной остановке или обратно, ходили здесь. Путь кратчайший, всегда чисто, асфальт. Но кроме этой оживленной дорожки пустырь пересекало огромное множество стихийных тропинок — они тянулись, извиваясь между зарослей кустарника и немногочисленных деревьев. В таких зарослях стая шакалят поджидала свою жертву. Ею становился любой пацан школьного возраста. Подходили малыши, учтиво просили 20 копеек. Совершенно не важно,

как вел себя пацан, — итог всегда был один: карманы выворачивали полностью. Часы, цепочки, браслеты — снимали все. До драки, как правило, никогда не доходило. В зависимости от борзости «клиента» из кустов появлялись все новые и новые персонажи, — крупнее и крепче с каждой необдуманно брошенной фразой или действием. На памяти Эрика все жертвы расставались со своими сокровищами добровольно. Кто-то плакал, кто-то играл желваками, представляя, как он отомстит этим мелким говнюкам (мечты, мечты...). Наверное, если бы хоть раз попался отчаянный парень, бросился в драку, несмотря на перевес противника, все кончилось бы плохо. Стайный инстинкт и детская жестокость, подкрепленная ощущением безнаказанности, ни к чему хорошему не приводит. Не было у тех темниковских мальчишек принципов — только понятия. Разорвали бы шакалята свою жертву. Трудно сказать, как бы с этим Эрик жил потом. Вырос бы другим человеком или сумел забыть все как дурной сон. Но тогда пронесло.

Повезло маленькому Эрику не раз. По степени риска шакалка была одним из самых безопасных занятий на пустыре. Можно было утонуть в «болоте», не удержавшись на плоту, но никто пока не утонул, и это казалось маловероятным. Гораздо опаснее были драки «стенка на стенку». Совсем малышей, конечно, не брали. Но лет с 10–12 отказаться идти драться на пустырь было нельзя. Дрались дворами. Северные, к примеру, люто враждовали с козловскими. Кто был этот мифический Козлов (или Козловский), никто не знал. Тем не менее он наверняка существовал и был просто неимоверно «крут», так как добровольно называться «козловскими» в полукриминальной Темниковке по другой причине вряд ли было возможно. Еще поблизости были дворы Светлые, Темные, Поселок Дураков (веселое название микрорайона — это отдельная история). Наиболее ожесточенно бились на пустыре северные с козловскими. Поножовщины не было, но и джентльменских правил

никаких не существовало. Сознательно насмерть не забивали, а случайно могли. Пробитые штакетником черепа и сломанные конечности были делом обычным. Эрик, став постарше, участвовал в таких драках пару раз. Но как-то краем прошло. Все равно еще мелкий был, сам в гущу отчаянно не лез, а специально его никто не отлавливал и не дубасил. Главными бойцами были парни постарше. Потом Эрик с родителями переехал в центр, и там, во дворах князевских и графских (каковы амбиции в центре, однако!), циркулировали больше рассказы о былых сражениях, чем реальные массовые драки. Так что не только без особых моральных травм обошлось, но и без физических. Хотя возможностей для этого было достаточно.

Благодаря старшим, Эрик очень рано увлекся пиротехникой. Слова этого он, конечно, не знал, как в целом и «Химия» была для него лишь книжкой из раздела «Учебники» в книжном магазине. А надпись «8 класс» относилась к иному, взрослому миру. Тем не менее уже в первом классе он знал несколько разных способов изготовления зарядов для бомб. Бомбы просто взрывали за гаражами.

Самым простым было соединение воды и карбида в стеклянном пузырьке. Он же был самым опасным. Газ выделялся очень быстро. Чтобы успеть плотно завернуть крышку и бросить пузырек, нужно обладать изрядной сноровкой. Гораздо удобнее были бомбы селитровые. Селитра свободно продавалась в любом хозяйственном магазине. Ее легкомысленно продавали даже детям. Где в этот момент были родители? О чем они думали? Или чем? Маленьким сорванцам все сходило с рук. Пропитанная селитрой газета служила идеальным газогенератором. Подожженная, она очень быстро тлела, выделяя газ. Времени запечатать пузырек с тлеющей газетой было больше. Но случалось, что и тут не все успевали отбросить самодельную бомбу подальше. Были и руки, посеченные осколками, и даже выбитые глаза. Мимо Эрика все осколки пролетели мимо. Снова пронесло.

Все варились в одном котле. Старшие всегда брали младших в любую затею. Это было не обязательно приобщение к взрослому миру вымогательства и драк. Футбол, хоккей, десятки других игр во дворе — малышня путалась тут же, под ногами, и никто ее не шпынял. Двор был поистине огромен, места хватило бы всем, даже если бы мальчишки и девчонки взялись одновременно заниматься своими разными делами. Однако все носились гурьбой. Нравы в Темниковке все же были суровые. Было ли такое единство поколений уникальным — Эрик не знал. Но ни в школе, ни в других дворах, где ему потом пришлось жить, он больше с таким не сталкивался.

В одном из углов пустыря затеяли большую стройку. Строили административное здание, которое должно было вместить в себя все руководящие органы района. Весь ум, всю честь и всю совесть Темниковки и просто администрацию. Стройка эта продолжалась много лет. На радость детям, никто ее толком не охранял, доски от забора быстро перекечевали на темниковские садовые участки, и стала она отдельной площадкой для игр.

Однако ко времени той истории стройка еще только начиналась. Котлован был вырыт огромный, в соответствии с масштабами воздвигаемого Храма Высшей Темниковской Власти.

Эрик тогда только окончил первый класс. Старшим мальчишкам как-то удалось заманить его сверстников на дно того самого котлована. Взрослые пацаны выстроились кольцом по краю и стали забрасывать малышню комьями земли. В этом не было никакой особой жестокости: вы в Темниковке, ребята! Обстреливаемая и уже изрядно грязная мелюзга не воспринимала ситуацию трагично и пыталась отвечать. Правда, снизу вверх бросать существенно тяжелее. Да и силы были явно неравны. Большая часть снарядов, посылаемых снизу, из котлована даже не вылетала. В лучшем случае разбивалась у ног старшеклассников под их дружный хохот. Земли на дне котлована почти

не было. Только плотная глина, которую тяжело отковыривать. Бросаемые сверху комья разбивались в пыль. Иногда, конечно, прилетало и старшим, но это их скорее раззадоривало, а малыши уже стали выбиваться из сил. Наконец, Эрику улыбнулась удача и один из его снарядов угодил точнехонько по лицу девятиклассника Олега. Тот вскрикнул как-то уж очень громко, не убрал рук от лица. На рубашку полилась кровь. Эрику случайно подвернулся под руку густо обмазанный глиной кусок гранитного щебня. Позже выяснилось, что у Олега помимо повреждения мягких тканей оказалась сломана челюсть и выбиты три передних зуба.

Прибежавшие через пару часов разбираться родители Олега, увидев первоклассника, слегка охолонули. Но потом еще долго изводили маму Эрика жалобами на здоровье парня. А досталось ему здорово. Челюсть заживала долго, зубы пришлось вставлять искусственные, шрамы на лице остались на всю жизнь. Эрика потом никто не упрекнул, не напомнил о том случае. Олег смотрел неприязненно, но ничем его не отделял от прочей малышни. А во всех общих затеях они участвовали вместе, как и прежде.

* * *

Могло все закончиться совсем по-другому. В соседнем подъезде жил мальчишка на пару лет старше Эрика. Звали его Федя, и был он любимцем всего двора. Красивый, улыбчивый. От него как будто веяло светом и добротой. Вся малышня обычно крутилась возле него. Учился он не в одной с Эриком школе, а где-то на самой окраине Темниковки, у железной дороги. В этой самой школе старшеклассники за какую-то провинность забили Федьку до смерти. Он не был «борзым пацанчиком». Не мог сам ввязаться в драку. Не мог, наверное, даже дерзко ответить. Чем он сумел так досадить этим нелюдям, Эрик

не знал. Подрбностей никто первокласнику не рассказывал. Хоронить Федю вышел весь двор. И взрослые, и дети. А Эрика не покидало ощущение нереальности происходящего.

Смерть как таковая не была для Эрика чем-то далеким и непонятым. Он еще не сталкивался с потерей близких, даже на городском кладбище бывать не приходилось ни разу. Но со смертью и, что самое странное, с похоронами он сталкивался довольно часто.

О том, что человек смертен, а иногда смертен внезапно, темниковцам напоминать было излишним. Пусть трамвайные рельсы делали лишь робкую попытку проникнуть в эту часть города, образовав небольшое кольцо в южной, самой далекой от их двора, оконечности Темниковки. Зато самая настоящая железная дорога, «Старый Транссиб», проходила менее чем в километре. Для того чтобы попасть в ближайший парк или на стадион, необходимо было эту дорогу перейти. Тоннель под железкой был темен, загажен и почти всегда затоплен, а переход «черт знает где» по пешеходному мосту представлялся темниковцам нерациональным и нелогичным. Рациональность с логикой регулярно пожинали свои кровавые плоды.

Однажды метрах в тридцати от их ватаги, только вознамерившейся перебежать железку, товарный состав, вылетев из-за поворота, переехал женщину с двумя сетками в руках. Собралась толпа. Детская жестокость или детская же неспособность осмыслить чужую смерть были ли причиной их равнодушного любопытства, но происшествие запомнилось как обыденный эпизод. Также как случайно найденный ими труп мужчины за гаражами или скончавшиеся прямо у них на глазах двое забулдыг. В их доме, с противоположной от подъездов стороны, располагалась аптека. Эти несчастные купили по фунфырику чемеричной воды. Выпили прямо на крыльце аптеки. Отходили оба здесь же неподалеку в кустах, хрипя и синея на глазах у местной детворы. Скорая не успела, увозили уже трупы.

Не то чтобы смерть тогда специально интересовала Эрика, или как-то влекла к себе. Очень часто оказывалась близко. Слишком часто для маленького мальчика. Следовала рядом, демонстрировала свое присутствие. Он нечаянно оказывался среди любопытствующих мальчишек и, случалось, заставлял миг перехода. Грань, за которой живое становится неживым. Нельзя сказать, что он искал такие моменты. Так распорядилась судьба.

Похороны же Эрик мог наблюдать по несколько раз в неделю прямо со своего балкона. По непонятной причине их проулок облюбовали похоронные процессии. Никакого объяснения этому не было. Ни морга, ни кладбища в округе не имелось. Но процессии с непреклонной регулярностью шествовали по их проулку. Всегда в одну сторону — слева направо. Темниковский «корабль» ко всей своей ущербности по отношению к «центровому» еще и не был ровным, а каскадом спускался с небольшой возвышенности. Задолго до того, как шествие появлялось в поле зрения, даже через закрытые окна глухо слышалась «Соната для фортепиано № 2 си-бемоль минор» Фредерика Шопена. С балкона третьего этажа можно было в подробностях разглядеть и унылую медь оркестра, и неоднородно скорбную толпу, и самого «заставившего себя уважать», благо гробы несли открытыми. Эрик вскоре регулярным зрелищем быстро пресытился и в какой-то момент перестал обращать внимание на Шопена, словно это был шум проезжающей машины или грохот с соседней стройки.

Странная любовь Эрика к кладбищам впервые и неожиданно проявилась в деревне у бабушки со стороны матери, к которой родители отправляли его каждый год на все лето, и это было прекрасное время. К бабушке в одно время с ним приезжала из другого города его двоюродная сестра. Они с Эриком были ровесниками и очень сдружились. Бабушка, чтобы как-то их занять, да и по собственному душевному стремлению, часто водила их на могилу недавно умершего деда.

На похоронах его Эрик не был. Хоронили зимой в лютый мороз, а Эрик был еще мал. При жизни деда подружиться они не успели. К тому времени, когда Эрик стал приезжать к ним в деревню, дед уже не вставал с постели. Он пришел инвалидом с Чухонской войны. От полученных ран мучился до конца жизни. Одна нога не гнулась, страшно болела ночами. Может, поэтому, может, по складу характера, дед был суров и молчалив. Умение держать язык за зубами потом приписывали Эрику как дедово наследство.

Про немногословность старика ходили легенды, иногда довольно забавные. Но большей частью они сводились к тому, что дед был, что называется, «могила». Ему можно было доверить любую тайну и быть уверенным, что она не станет никому известна. Из него и так каждое слово нужно было тащить клещами, где уж праздные беседы вести или пересуживать. Одна история, рассказанная бабушкой перед самой смертью, Эрика, тогда уже студента, просто потрясла. После смерти деда бабушка на зиму, заколов дом, уезжала к детям, потом переехала в Город окончательно. Дети их друзей, односельчан тоже в свое время перевезли родителей. Общались уже оба поколения. Люди эти были удивительно добросердечны и щедры. Казалось, готовы последнее с себя снять, только бы угодить друзьям. Особенно запомнился Эрику старый Иван, друг его покойного деда. Открытое, всегда приветливое лицо, добрые глаза с лучиками морщинок. Удивительно светлый человек. Умирая, бабушка рассказала Эрику его историю.

Дед, хоть и не участвовал в Великой войне, так как был уже, считай, без ноги после Чухонской, льготы ветерана и инвалида имел. Дали как-то бесплатную путевку в военный санаторий и ему, и Ивану, тоже ветерану. Поехали на курорт вместе, устроились в двухместной палате, отдыхают, лечатся. Как-то в столовой к ним подходит один из отдыхающих и говорит Ивану, что узнал его. Дескать, во время войны был в плену и помнит,

как тот в концлагере сотрудничал с немцами. Сказал и отошел. Иван, бледный как смерть, трясущимися руками собрал вещи и, не говоря ни слова, уехал домой.

Что успел передумать, возвращаясь в родную деревню? Как и сколько ждал, что за ним придут? По нынешним его документам выходило, что он и в плену-то никогда не был. Дед нашел того человека, проговорил с ним всю ночь. Выспросил подробно, что делал Иван в лагере, как жил. К утру они оба выяснили, что по большому счету никого Иван не предавал. Выживал, как мог. Что-то там шустрил при администрации, прислуживал. Заключенным из барака своего старался помогать. Потом, после освобождения, как-то выправил себе чистые документы. Неразберихи на большой войне всегда хватает. С точки зрения закона по тем временам — не высшая мера, но лет десять советских лагерей — точно. А по-людски если рассудить... Не пошел тот человек в органы сдавать Ивана. Дед же спокойно провел в санатории весь положенный срок, вернулся в родную деревню и ни слова никому не сказал. Только жене своей признался перед смертью, взяв с нее клятву молчать. Эрик узнал эту историю, когда никого из ее героев в живых уже не было.

Дети помогали бабушке прибираться на дедовой могиле, дергали сорняки, чистили ограду. А потом долго гуляли по старому и довольно большому деревенскому кладбищу. Бабушка, вероятно, приводила в порядок чувства, успокаивала себя этими прогулками. Дети поначалу просто ходили за ней разглядывая памятники и находя интересные имена. Особенно привлекали Эрика старые могильные камни без оград на мусульманской части кладбища. Заросшие мхом, иногда потерявшие форму, они казались загадочными хранителями древних тайн. Даже бабушка, свободно читающая по-арабски, не могла разобрать поеденную временем вязь. Участок с этими камнями стал безмерно притягивать Эрика. Он мог просидеть возле этих камней полчаса, час, пока бабушка с сестрой не станут

настойчиво звать домой. Эрик стал просился на кладбище все чаще, но бабушка не могла ежедневно бросать остальные дела, как бы ни хотела. Любовь Эрика к древним местам упокоения сохранилась на всю жизнь. Взрослым человеком, попадая в любой город, который мог похвастаться богатой историей, он непременно отправлялся на старинное кладбище.

ГЛАВА 2

* * *

До шестого класса Эрик учился в Темниковке. Школьная жизнь того периода ему почти не запомнилась. Учился он неплохо, что давало ему право на негласный пакт о нейтралитете. Он не создает проблем школе, школа не докучает ему. Основная жизнь происходила во дворе, а там переход из класса в класс не имел особого значения.

Серьезную роль в его жизни сыграла только школьная секция пулевой стрельбы. При школе был настоящий тир. Старшеклассники там учились стрелять в рамках начальной военной подготовки, которая во времена Империи была чуть ли не основным школьным предметом. В четвертом классе Эрик узнал, что в тире работает секция стрельбы и туда берут малышей. Он сразу же записался, все, что связано с оружием, притягивает мальчишек, как магнит. Примерно через год занятий тренер Дмитрий Алексеевич повез показывать троих своих воспитанников в областной стрелковый клуб.

Тренер Таня взяла мальчишек, поверив ему на слово. Мальчишкам сказала:

— Занимайтесь! Будете показывать результаты — отлично! Будем делать из вас чемпионов. Нет — стреляйте для себя, не выгоню, у меня в группе все равно некомплект.

Ездить в клуб Эрику пришлось через всю Темниковку, да еще и с пересадкой. Но он уже загорелся. О чем говорил их школьный тренер, ребята поняли с первых занятий. Настоящая спортивная винтовка была раза в два массивнее и тяжелее, но в то же время

значительно удобнее школьных ТОЗов, а «целевые» спортивные патроны с латунной гильзой одним своим блеском демонстрировали превосходство над уныло-серой «валовкой», которой они стреляли до сих пор. Профессиональные винтовки взрослых стрелков казались причудливыми агрегатами, распознать в которых обычное оружие было непросто. Кроме того, не только взрослые, но и ребята постарше стреляли в специальных кожаных куртках. Эрик занимался бы только ради того, чтобы получить такую!

Вскоре в Таниной группе он остался из их троицы один. Женька не захотел далеко ездить, а Вася перешел к «кабанистам». Стрельба по бегущей мишени показалось ему интересней. Какое-то время Эрик занимался, не ставя перед собой амбициозных целей (кроме кожаной куртки, разумеется), но произошло событие, которое заставило его изменить отношение к спорту. Эрику, как и всей их группе, крупно повезло. Таня вышла замуж за директора клуба Петровича и быстро забеременела (последовательность, впрочем, не очевидна). Петрович был не только директором областного стрелкового клуба, но и выдающимся тренером, который воспитал настоящего олимпийского чемпиона. Когда Тане стало тяжело с огромным животом мотаться по стрельбищам, Петрович забрал ее группу себе. Тренировки стали совсем другими. Тратить попусту время Петрович не собирался. Эрик начал заниматься всерьез, не пропускал ни одной тренировки. Наконец, появились результаты в виде призовых мест и спортивных разрядов. И, конечно, — кожаная куртка.

Атмосфера в стрелковом клубе всегда была очень доброжелательная, а внутри команды сложились просто удивительные отношения. Большинство ребят были гораздо старше Эрика. Несколько парней и девушек уже учились в институте. Остальные оканчивали школу или техникум. Эрика, как самого младшего, все опекали. Особенно девушки. К нему и семикласснику Ирику относились как к малышам. Иногда иронично, но очень

тепло, по-семейному. Им определили роль забавных младших братишек и в шутку, не разделяя, называли «Эрик и Ирик» по аналогии с героями популярного в то время мультика «Болек и Лелек».

С биатлонистами и стендовиками, секции которых размещались здесь же, их разводили расписанием, так как тир был один. Ребята встречались с ними только на загородном стрельбище во время сборов или соревнований. Почти каждый день они собирались в клубе только своей небольшой командой, тренировались три-четыре часа, а потом по традиции допоздна чаевничали в комнате отдыха. Девушки приносили выпечку из дома или готовили прямо в клубе. Парни таскали из дома картошку и пекли ее в духовке вместе с печеньем. Домой разъезжались ближе к 11 вечера. В те времена шестиклассник один ночью в троллейбусе не вызывал вопросов.

Самое удивительное касалось обращения с оружием. Сегодня это назвали бы беспечностью, граничащей с преступлением. Отправляясь на соревнования, проходящие вне клуба, спортсмены, независимо от возраста, самостоятельно получали в оружейке свои винтовки и отправлялись к месту проведения на общественном транспорте. Винтовки тащили за спиной в простых кожаных чехлах. Единственная мера безопасности — передвигались группой. Так же добирались до загородного стрельбища на сборы и соревнования. Путь: две остановки на троллейбусе, десять минут пешком до железнодорожной станции, четыре перегона на электричке и три километра пешком по лесу и полю. Дети путешествуют с боевым оружием. И так из года в год по несколько раз за сезон. Удивительно, но все обходилось благополучно. За все годы ни разу ничего не случилось.

Настоящим раем оказалась жизнь на сборах. Рыбалка, песни у костра, полуночный покер. Да и просто новые люди. Здесь, наконец, встречались представители всех видов стрелкового

спорта. Однажды у Эрика на сборах почти случился бурный роман с биатлонисткой Наташей, которая была старше на два года, обладала божественной фигурой, голубыми глазами и чудесным носиком. По прошествии времени трудно сказать, что им помешало, возможно, грозный тренер, возникающий в самый неподходящий момент, парень из ее команды, обещающий промахнуться мимо мишени прямо Эрику между глаз... Эрик заканчивал восьмой класс.

Завершилась спортивная карьера Эрика неожиданно и глупо. Он к тому времени уже выполнял норму КМС. Петрович ко всему прочему был еще и директором того самого загородного стрельбища, на котором проходили сборы и большие соревнования. Занимало оно огромную территорию. Здесь располагались коттеджи для спортсменов, большая столовая, производственные помещения и стрелковые рубежи, в том числе и для военных. Петрович после окончания очередного спортивного сезона предложил ребятам в добровольно-принудительном порядке поработать летом на стрельбище, навести порядок на рубежах, в производственных помещениях: бардак там всегда был знатный, а желающих работать за копейки не находилось. Привлечь ему удалось только Эрика и Ирика. Петрович не уговаривал, а вынес вердикт:

— Заодно потренируетесь. Это же лучше всяких сборов! Питание бесплатное. Даже денег немного заплатим.

Эрик тогда перешел из девятого в десятый. Ирик школу окончил, в институт не собирался и чем займется, пока не знал. Ребята скрепя сердце согласились.

Трудового энтузиазма хватило на три недели. Работой их Петрович нагрузил, что называется, по полной. К вечеру валились с ног, где уж тренироваться. Однако самое печальное заключалось в том, что общаться было абсолютно не с кем. Сезон закрыт. Ни сборов, ни соревнований. Никаких биатлонисток. Тренировались только запоздавшие стендовики. Ребята напросились

пострелять из пистолета, благо патронов никто не считал. Досыта настрелялись уже на второй день. С рыбалкой не заладилось, вдобавок испортилась погода. Совсем затосковав, Болек и Лелек позорно дезертировали с трудового фронта. Отпросились на выходные и больше не вернулись.

Потом, когда начинался новый сезон, показалось неловким явиться Петровичу на глаза. Объяснений не хотелось. К тому же произошли кое-какие изменения в школе. Появились новые интересы. Девушки, вино... кино и домино. Навыки стрельбы, однако, остались с Эриком на всю жизнь. Когда и как они пригодятся, Эрик представить себе в то время, конечно, не мог. Из очевидного — в армии — как раз негодились. Пальба из «калаша» разительно отличается от академичной стрельбы из спортивной винтовки.

* * *

В новую школу Эрик перешел в середине шестого класса. Школа престижная, языковая, одна из трех самых известных в Городе. Эрик ожидал увидеть чинно-благородных юношей и девушек, свободно изъясняющихся между собой на английском. Но оказалось, что дети везде одинаковы. На первой же перемене подвалили три упуяра, не отличающиеся от темниковских. Эрик и вякнуть ничего не успел, как получил под дых. Вероятно, для профилактики. Тут же подлетел его новый сосед по парте, с которым они даже познакомиться толком не успели.

— Вы сами чего щемитесь?

— Да ладно, Кама! Ты чего? Мы так, поприкалываться, — «включила заднюю» малолетняя шпана.

— Ну и отвалили от него!

— Не ссы! Если чо, мне говори, — уже Эрику.

Звали парня Камиль. Однако все, даже классная, называли его Камой. Он не отличался внушительной фигурой. Среднего

роста, худощавый, ничем не примечательный, — но дерзкий и решительный. И за словом в карман не лез, и от слов к делу переходил не задумываясь. У шпаны был в авторитете, желающих выяснять с ним отношения обычно не находилось. Еще он с детства занимался современным пятиборьем. Эрик узнал об этом уже потом, когда они подружились, и всегда завидовал ему белой завистью. Вот это спорт для настоящих мужчин! Не какой-нибудь модный триатлон, где из человека делают тупую и фантастически выносливую машину. Пусть бег и плавание — для общей физической подготовки. Но фехтование, стрельба, конкур! Настоящий джентльменский, даже мушкетерский набор.

Во всем, что не касалось спорта, Кама был полнейший шалопай. Учился из рук вон. Его тянуло на дружбу со всякой шпаной и приключения сомнительного характера. При кажущейся твердости и целостности характера Кама был сильно подвержен влиянию среды. Классная, видя это, специально посадила к нему новенького. Каким-то удивительным чутьем она угадала, что общество Эрика окажет на Каму благотворное влияние. Что Эрик перетянет его на светлую сторону. Так на какое-то время и вышло. Они подружились на долгие годы. Кама кроме того, что спас ему как-то жизнь (хотя вряд ли это считается, потому что сам он и был виновником смертельной опасности), через много лет случайно подарил Эрику встречу с человеком, ставшим для него самым дорогим.

Эрик с Камой просидели за одной партой чуть больше двух лет. После окончания восьмого класса школа активно избавлялась от лоботрясов, попавших сюда «по прописке» и не стремившихся к знаниям. Кама не был «по прописке» и имел весьма высокопоставленного в городской иерархии отца (в этой школе, к слову, было достаточно настоящих мажоров). Никто бы не посмел его выгнать. Однако он ушел сам. Учеба его совсем не увлекала, он хотел больше самостоятельности.

Отношения их с Эриком не прервались, они регулярно встречались. Кама поступил в какую-то бурсу, связанную с транспортом. Автомобилями он болел с раннего возраста. Его отцу предлагалась служебная машина с водителем. На ней он ездил даже на дачу в выходные дни. Кама же, даже будучи еще школьником, без всяких прав, раскатывал на отцовской личной «восьмерке». К автомобилю прилагался бонус в виде номеров. Транспорта в Городе было совсем мало, неприкасаемые автомобили гаишники считывали легко и старались не останавливать. Кроме совсем уж вопиющих случаев. Так, однажды Кама на огромной скорости влетел под «кирпич» на площадь перед зданием правительства. Никак не отреагировав на неистовые трели милицейских свистков и танцы с полосатыми палочками, он пролетел через площадь, не сбавляя скорости. А чего останавливаться? Прав-то нет! В погоню отправились две милицейские машины. Эрик, находившийся в тот момент вместе с Камой в машине, раньше такое видел только в кино и немного напугался. Каму же ситуация забавляла. Уйти от погони ни по центральным улицам, ни дворами им не удалось. Нагоняй от отца Кама пережил спокойно и ключи от машины таскать не перестал.

В школе действительно стало интересно. Из каждой двух классов формировался один. Так, Эрик оказался в 9В, который впоследствии станет увековеченным в анналах школьной истории 10В. Оставшаяся в школе половина их бывшего класса могла похвастаться самыми красивыми и бойкими девчонками. Из другого класса к ним пришли несколько настоящих «крутых» парней. Умные, веселые, развитые не по годам и умеющие жестко постоять за себя, если понадобится. Смесь в 9В получилась взрывоопасная. Эрик вошел в команду самых продвинутых. К десятому классу вечеринки становились все чаще, алкоголя — все больше. Дети пытались повзрослеть, как умели. Или как получалось.

Образовавшаяся с уходом из класса Камы пустота заполнилась очень быстро. Эрик близко сошелся с тремя парнями.

Лева — красавчик блондин с благородным профилем, крепкой спортивной фигурой и безмерной уверенностью в себе. Арсений, напротив, сублильный интеллигент со зрением минус восемь. Но интеллектуал, эстет, обладатель уникального чувства юмора и просто душка. Третий — Седой — получил свое прозвище, как ни банально, за раннюю седину, уже в старших классах тронувшую виски (какая-то генетическая аномалия). Как и Лева, он был физически крепок, еще более самоуверен, даже нагл. Спуску никому не давал. Сначала затевал драку и только потом думал, зачем она. Четко делил мир на своих и чужих. Для своих был добрым и надежным товарищем.

Они образовали неразлучную четверку. Сошлись на общности интересов к рок-музыке, литературе и стремлении расширить свои познания в мире выпивки. Последнее превалировало. Во многом вина лежала на невероятно популярном в их среде Ремарке, герои которого бесконечно перепивали собутыльников. Не особо отставал от него и старина Хэм. Пили с девчонками на бесконечных вечеринках (на «флэту»), в скверах (на «Флажке» или «Некште»), подъездах (в «парадняке»), подвалах и даже школьном туалете на переменах. Одним из любимых мест были задворки «Польтпроса», куда бегали курить на переменах почти все старшекласники их школы. «Дом политического просвещения» выходил помпезным фасадом с мраморными лестницами на Бродвей (главную улицу Города, носящую имя Великого Вождя), а с противоположной стороны — на проулок имени верной спутницы Вождя. Даже в солнечный день среди серых каменных колонн в проулке было сумрачно. Прохожие здесь случались редко, а служители храма просвещения не особо интересовались тем, что происходит у них на заднем дворе.

Арсений, как самый интеллигентный и начитанный из их четверки, всегда ратовал за расширение кругозора, в том числе и в мире благородных напитков. С его подачи парни пытались

отыскать ноты гнилых яблок в хересе или «пи-пи де-ша». Вина было много: от копеечного плодово-ягодного до дорогого импортного вермута. Плодовое вино, беспощадно уничтоженное позже как класс, было разного качества, и помимо откровенного шмурдяка, типа «Осеннего сада», имелось несколько сортов великолепного «Яблочного» — натурального, со вкусом настоящих яблок. Незаслуженно презираемый теперь портвейн в то время также не ограничивался «Агдамом» и «Топорами». Молдавский «Розовый» продавался пяти или шести категорий от самого дешевого за рубль до марочного за три. От ассортимента сухих болгарских и молдавских вин на витрине рябило в глазах.

Арсений и к закуске старался подходить творчески. Он мог объявить:

— В «Океан» завезли замороженных крабов. Мы обязаны изыскать средства и купить хотя бы парочку на четверых!

Чаще всего его инициативы приветствовались. Но иногда рационализм брал верх. Когда Арсений решил приобрести их к таинству приготовления глинтвейна и настаивал на марочном сухом вине, Эрик отрезал:

— Розовый портвейн! И сахар уже добавлен, и градус подходящий. Ты компотом нас собрался поить? Подумай сам, они даже созвучны: портвейн — глинтвейн.

Однажды Арсений чуть не огреб от приятелей по первое число, когда из купленного на последние копейки пива изготовил «настоящий британский Флип, старинный напиток лордов». Горячее пиво с сахаром, корицей и сырым яйцом после нескольких тщетных попыток влить в себя было отправлено в унитаз. Арсений бит не был, но выслушал много неизвестных ему до сих пор сочетаний матерных слов.

На вечеринках с напитками особо не эстетствовали. Главной задачей было напоить девчонок. В ход шли сладкие ароматные «Изабелла» и «Лидия». Ласковые женские имена внушали доверие, девочки теряли бдительность и меру. В крайних случаях

доходило до «Абрикосового аромата». Коварный диск-жокей всегда компоновал программу так, что к финалу звучали только медленные композиции, а свет в комнате пропадал совсем. Объятия в танцах робко пытались перейти в первые прикосновения и поцелуи. Эти прелюдии ни разу не закончились настоящим сексом, несмотря на то, что воздух просто густел от витающих феромонов и прочих вымышленных субстанций. Никто не решился перейти грань. Они же были друзьями в конце концов. А еще — детьми, какими бы взрослыми себе ни казались.

Вообще, завести настоящий роман у себя в классе считалось моветоном. Для интрижек ребята находили девушек за пределами школы (или хотя бы класса) и снисходительно подтрунивали над романами одноклассниц на стороне. Это не мешало почти всей сильной половине быть влюбленными в одноклассницу Юлю. Впрочем, она так и осталась для всех прекрасной и недостижимой мечтой.

Эрик завел роман в десятом классе. Ну, как завел. Скорее, безвольно отдался натиску волны. Он играл за школьную сборную по баскетболу. На одной из игр случайно оказалась девятиклассница из соседней школы. Пришла с подружками поболеть за своих. После игры возле раздевалки решительно протянула руку:

— Настя.

Настина энергия и напор не уступали надвигающемуся локомотиву. Эрик не стал сопротивляться и просто «лег на рельсы». Ростом Настя была не ниже Эрика, с не по годам развитыми формами. С ней не стыдно было показаться перед одноклассниками, интересно поболтать и, главное, она сама затащила его в постель. О чувствах Эрик задумываться не успевал. Их безумно тянуло друг к другу и в первое время они вели себя как сумасшедшие кролики из Кентукки. Правда с тем, чтобы остаться наедине, постоянно возникала проблема. Гулять вечерами они могли сколько угодно. Но где вечером найти свободную

квартиру? У всех дома родители. Если же чьих-то родителей по какой-то счастливой случайности нет, в свободной хате немедленно устраивается шумная вечеринка. Оставался день. Ситуация усугублялась тем, что Настя училась в первую смену, а Эрик — во вторую. К тому же с Настей кроме родителей жила бабушка. Они, конечно, умудрялись уединиться у нее под носом, но раскрепощению это не способствовало.

Довольно решительная Настя прогуливала утром уроки, чтобы прийти к Эрику. Это было лучшее начало дня, которое только можно себе представить. Пока однажды они не оказались на грани провала.

Утром, стоило маме выйти за дверь, прибежала Настя.

— Слушай, Насть! — тоскливо сказал Эрик, — мне тут вещи свои постирать надо. Если мы того... увлечемся, время не считаем, могу не успеть. Давай, я сначала постираю быстренько?

Настя критически посмотрела на полную ванну белья.

— Я сама, так быстрее.

Мама что-то забыла, выходя из дома, вспомнила на полдороге и решила вернуться. Входит и видит: незнакомая девочка в школьной форме увлеченно стирает белье. Из прихожей также видно, что Эрик в одних трусах лежит на диване в гостиной. Мама только покачала головой, сказала: «Здрасьте!», забрала то, за чем возвращалась, и ушла. Эрик покрылся холодным потом.

Роман продлился недолго. Они, кажется, и не ссорились, но со временем охладели, начали как-то отдаляться друг от друга и в конце концов расстались, сохранив спокойные приятельские отношения.

Место Камы за одной партой с Эриком занял Захар. Спокойный, рассудительный парень. Захар неизменно участвовал во всех затеях, считался штатным фотографом класса, но на первые роли никогда не лез. Ребята быстро сошлись. Сложилось так, что помимо основной «отвязанной» тусовки, в которую

входила большая часть класса, образовалась еще маленькая компания, которая иногда собиралась отдельно от всех. Это были спокойные дружеские посиделки без пьяного угара и безумных танцев. Чаще — в дни рождения, иногда — просто так, без повода. Все ребята были из «старого» класса. Эрик часто бывал у Захара дома, нередко встречался с его родителями и часто рассказывал о нем своим.

Когда они уже в десятом классе выяснили, что являются братьями, удивлению не было предела. Троюродными — но все же! Их мамы, двоюродные сестры, встретились на родительском собрании — тут и выяснилось.

— Ну, здорово, братан! — встретил Эрика на следующий день Захар.

— Да, брат, поворот! Видишь, сама судьба нас за одну парту усадила.

Примерно в это же время Эрик как-то раз встретился с Камой, чтобы выпить пивка и обсудить последние новости. В первые дни сентября стояла на удивление жаркая погода и парни решили спуститься к речке. Кама жил в обкомовском доме на высоком берегу Светлой. Из окон его квартиры открывался отличный вид на спину величественного бронзового всадника, взнуздавшего своего коня над обрывом. Всадник, к слову, действительно был внушительных размеров. Его медный собрат из культурной столицы, поставь их рядом, казался бы сопровождающим рыцаря Санчо Пансой.

По козым тропкам спустившись к воде, ребята устроились на старом одеяле. Берег оказался абсолютно пустынным. Друзья несколько раз окунулись в прохладную уже воду и успели высосать больше половины принесенного пива из полиэтиленового мешка. В один входило до шести литров, объем как раз на двоих. Угол мешка необходимо было с силой вытянуть в трубочку, зажав большим и указательным пальцами. Осталось откусить кончик — и отличная поилка готова. Размеры

и форма этой «соски» служили предметом нескончаемых скабрезностей.

— Давай до бакена сплаваем, — предложил Кама.

Белый бакен покачивался метрах в ста от берега. Для Камы, проплывающего по восемь километров за тренировку, это было не расстояние, как бы пьян он ни был. А развезло парней на солнышке уже довольно ощутимо.

Дыхание он сбил практически сразу, не проплыв и половину пути. Понял, что неожиданно быстро слабеет и, боясь хлебнуть воды, перешел с кроля на брасс. Вода на стремнине оказалась неожиданно холодной. Несмотря на то что они зашли в воду значительно выше по течению, чтобы выплыть как раз на бакен, Эрик, потеряв темп, сломал и задуманную траекторию. Его пронесло мимо. Собрав последние силы, Эрик беспорядочно загребал руками. Кама, давно забравшийся на бакен, подбадривал его, но звуки доносились до Эрика как через вату. В глазах темнело. Он плыл уже прямо против течения и из-за этого еще больше терял силы. Как он все же добрался до бакена, Эрик уже не помнил. Кама втащил его на узкий бортик и держал за руки, чтобы не свалился. Бакен раскачивался, пиво просилось наружу. Тела своего Эрик не чувствовал.

Эрика охватила полная апатия. Исчезли возбуждение, страх, он даже перестал чувствовать усталость.

— А, поплыли! — сказал он и бухнулся в воду.

Какое-то время он держался на воде, отдавшись течению, потом стал погружаться. Отчетливо запомнилось полное безразличие ко всему и отстраненное восприятие того, как вода над ним сомкнулась, а солнце через ее толщу казалось небольшим желтым пятном. Солнечные блики напомнили ему безмятежное детство, деревенское кладбище в ясный день, теплый ветер и запах трав. Эрик был абсолютно спокоен. Когда кончился кислород в легких и разом подступило удушье, сознание, наконец, включилось. Сильно задержаться и нахлебаться воды

он, к счастью, не успел. Кама, поднырнув снизу, выволок его из-под воды за подмышки.

— Просто ляг на воду, — орал он, — лежи спокойно и ничего не делай!

Каме пришлось, еще раз нырнув, вернуть его в горизонтальное положение. Дальше он уперся ладонью в пятки Эрика, опустил голову и пошел подобием кроля, загребая одной рукой. Так они плыли, пока Эрик не уперся головой в песок.

Отдыхавшись, лежа на песке, они начали смеяться. Напряжение отпускало, хотя тело еще долго не слушалось Эрика. Он брел к месту пикника как зомби. Отнесло их не очень далеко, Кама даже в качестве буксира плыл энергично и быстро. Греясь на закатном солнышке, они допили пиво, подсохли и начали собираться домой. Для Камы это не было даже происшествием, заслуживающим внимания. Эрик же помнил случившееся всю жизнь.

* * *

Отдельной вехой в истории класса стала школьная поездка в зимние каникулы. Круиз предполагался увлекательный: Сочи — Тбилиси — Ереван и обратно. Все на поезде, в плацкарте. Романтика! До краха Империи оставалось по историческим меркам совсем недолго. Но в тот момент ничто, как говорится, не предвещало. Закавказье манило экзотикой, вином и свободой от родителей.

Его предстоящие попутчики — Каток, Толстый и Лapidус — оказались сторонниками жесткого планирования. Они выцепили Эрика дня за три до отъезда. Каток, здоровенный дядька ростом на голову выше немаленького Эрика, объемами и природной нахрапистостью вполне оправдывал свое прозвище. Желających спорить с ним обычно не находилось. Толстый обладал вполне спортивной стройной фигурой. А вот Лapidус как раз был добродушным толстяком.

— Так, парни, ехать нам долго. Бухло и закусон надо взять с собой. По станциям не набегаешься, — начал Каток собрание, — скидываемся, закупаем все оптом и прячем пока.

Никто не возражал.

— А где прятать-то будем? — поинтересовался осторожный Лapidус, — родители же провожать попрутся!

— Камера хранения! — предложил Эрик. — Сдадим заранее, потом прямо перед отправлением заберем!

Взяли ящик «Земфиры» и несколько бутылок водки. Мама Катка оказалась товароведом крупного гастронома. Забжав со служебного входа с большой сумкой, Каток вернулся с несколькими килограммами дефицитной «сухой» колбасы и импортной ветчиной в жестяных банках. С таким богатством можно было спокойно отправляться в путь.

Родители действительно приехали всех провожать и явно намеревались «помахать платочками» вслед уходящему поезду. Напряжение нарастало, встал вопрос непростого выбора. Шокировать предков ящиками алкоголя — неразумно. Уехать, оставив в камере хранения все любовно заготовленные запасы, — невыносимо.

— Давай из другого вагона выскочим, сбегает в камеру хранения и так же вернемся, — предложил Эрик.

Распрощались с родителями на перроне, зашли в свой вагон, продолжая махать из окна. И, оставив Лapidуса продолжать прощальный ритуал, бросились внутри поезда из вагона в вагон. Стремглав вылетели на перрон и помчались по переходам в камеру хранения. Обрато неслись: впереди Каток с позвякивающей стеклом сумкой, следом Эрик и Толстый с тяжелым ящиком в руках. Проводница вагона, в который они ломались, возмутилась было: «Куда с ящиком?! Вы из моего вагона вообще?»

— Тетенька! Опоздываем! Не добежим до своего вагона, пустите! — взмолились парни.

Когда они дошли до своих мест, как рыбы лова открытыми ртами воздух, поезд уже тронулся.

Причиной безбашенной смелости внутри поезда было то, что сопровождать их в поездке выделили двух молодых преподавателей английского. Оба, молодой человек и девушка, — практически вчера из университета. Интеллигентные милые люди. Обижать их было стыдно, бояться — глупо. Поэтому школьники, проявляя чудеса сознательности, ничего совсем уже беспредельного не устраивали и заботливо опекали своих руководителей, потихоньку взяв бразды правления на себя. Молодого педагога Адамыча в честь портвейна стали звать Агдамыч. Ну, вроде как даже уважительно. По отчеству же! Девушку звали Лидия Александровна, что довольно скоро эволюционировало: ЛидьСанна — Лисанна — Лиса. Трудно угадать, какие чувства испытывали Агдамыч и Лиса на самом деле. Но внешне всю поездку они были спокойны, доброжелательны, на рожон не лезли, и это оказалась лучшая тактика.

Не успели они пристроить свой ящик под сиденье, как Каток, уже выпросивший у проводницы стаканы «для чая», разлил бутылку водки на четверых. Эрик еще толком не отдышался, сердце колотилось, возбуждение комом подкатывало к горлу. Он дрожащей рукой схватил свой стакан, чокнулся «камнем», подумал, передернувшись: «Ох, теплая!»

«И немедленно выпил» (с).

Дальше пошла «Земфира».

Когда отправлялись, стояли сильные морозы. Конец декабря на Урале — не шутки. Сочи их встретил солнечной погодой и температурой плюс 20. Ребята приехали в полушубках, пальто, меховых шапках. Так и дефилировали по набережной, вызывая восторг редких туристов, особенно иностранных. У Эрика сохранились черно-белые фотографии: в шубах и шапках под пальмами в Ривьере.

Тбилиси запомнился только подъемом на гору Мтацминда к пантеону Грибоедова и винными автоматами. Так же, как

дома за 3 копейки автомат наливал стакан газировки, здесь за 20 копеек можно было получить стакан вина. За 15 копеек — кружку пива. Ребята пришли к единодушному мнению, что именно это и есть настоящий прогресс!

В Ереване они провели целую неделю. Жили в прекрасном, недавно отстроенном Доме дружбы народов. В преддверии Нового года гостиница была заполнена такими же группами школьников со всей страны, туристическими группами взрослых и даже иностранцами.

Новый год у Эрика не удался.

Все пошло наперекосяк с начала вечера. На дискотеке для школьников они с Ковылем познакомились с двумя десятиклассницами из Сибири. Две высокие яркие блондинки, Наташа и Аля, оказались бойкими девицами. Аля немного в теле, а Наташа — худенькая, стройная. Она очень грациозно изгибалась, заливаясь смехом. Потому хотелось непрерывно ее смешить. Сближение развивалось стремительно. Предложение выпить вина в номере они приняли на ура. После первой бутылки Ковыль предложил Але «подышать свежим воздухом» и глазами показал Эрику, что они не вернуться. Вечер становился все чудеснее. Вскоре Эрик с Наташей страстно целовались и даже начали избавляться от лишней одежды. Неожиданно в дверь раздался бешеный стук. Лapidус за дверью орал на весь коридор: «Наших бьют! Нас на бабу променял?» Эрик обреченно открыл.

— Там сибиряки наших бьют! В туалете внизу разборка целая! Выручать надо! — с криками ворвался Лapidус.

Внизу действительно вовсю шла разборка. Несколько парней сцепились, начиналась массовая драка. Из-за чего — никто ни помнил. Эрик, втиснувшись в толпу, тут же больно получил по уху. Работая локтями, он расчистил себе немного пространства и стал методично молотить по всем лицам, которые казались незнакомыми.

Драка закончилась неожиданно быстро. Кто-то крикнул: «Атас, менты!» В толпе резко схлынуло напряжение. Несмотря на то, что никаких ментов не оказалось, продолжать никто не хотел. В результате все закончилось братанием и совместной выпивкой. Новый год все-таки! Отказаться Эрик опять не смог, было бы не «по-пацански». После знакомства с сибирской водкой в номер к себе Эрик вернулся не скоро, сильно пьяным, с красным опухшим ухом и отбитыми кулаками. Наташа, конечно, не дождалась. К бою курантов Эрик уже спал на своей кровати, прижатый к стене спинами продолжавших праздновать одноклассников. Утром ему рассказали, что в разгар веселья приходила Ната, пыталась его разбудить. В отчаянии даже колотила его деревянными плечиками для одежды, которые подвернулись под руку. Безрезультатно. Эрик пытался потом найти ее, поговорить. Тем более что Ковыль продолжал активно крутить роман с Алей. Но Наташа, похоже, обиделась и явно его избегала.

Каково же было его удивление, когда через несколько лет он узнал, что Ковыль после окончания школы отправился в Новосибирск, поступил в местный университет и женился на Але. Злые языки (несомненно, из зависти) утверждали, что причиной такой трепетной любви с первого взгляда мог быть папа Али — ректор того самого университета. Это объясняло легкое поступление Ковыля, не ходившего в школе в отличниках. Однако версия выглядела сомнительной. Сердцу ведь не прикажешь. Аля действительно была яркой, красивой девушкой, а папа мог оказаться лишь приятным бонусом.

Конечно, они не только пьянствовали и кадрили девчонок. За неделю они изучили город, ездили в Эчмиадзин, на озеро Севан, в горы. Во время одного из выездов случилось происшествие, которое имело, как оказалось, долгосрочные последствия. В горах сломался автобус, возивший группу штатовских туристов. Ждать другого пришлось бы очень долго, и американцев

подсадили в автобус с нашими школьниками. Люди, совершившие эту идеологическую диверсию, не подозревали, что в этом автобусе два преподавателя английского языка, один из которых — тайный фанат всего западного, а дети изъясняются на английском почти свободно. В то время в своем провинциальном Городе ребята имели больше шансов встретить инопланетян, чем живых американцев. Потому шанс познакомиться они не упустили.

За два часа поездки они сумели наладить тесный контакт с представителями чуждой цивилизации. А Агдамыч и вовсе договорился провести совместную встречу в международном клубе, который, как оказалось, имелся при их гостинице. Мотивировал он это несомненной пользой практики общения с носителями языка.

Эрик в компании с Катком и Толстым все время был подшофе и воспринимал реальность нечетко. Он удивлялся, что администрация гостиницы так близко к сердцу приняла организацию этой встречи с иностранцами. Неприметные парни расставляли кресла в международном клубе, помогали всем рассаживаться и даже накрыли два фуршетных стола с прекрасным местным вином.

Встреча продолжалась часа два. Беседовали с американцами в основном, конечно, педагоги. Школьников интересовало только: какие музыкальные группы сейчас популярны в Штатах, сколько стоят джинсы и «Полароид», которым щелкали американцы. О существовании последнего обычные граждане Империи тогда не подозревали даже в столицах, не говоря уже об их Городе. Вероятно, он был недешев и в Штатах. По крайней мере, на всю группу такой фотоаппарат был один. Его владелец, седовласый джентльмен, раскладывал выскакивающие из чрева фантастического агрегата пластиковые квадратики на свободном столе. Когда в конце встречи он начал их переворачивать и это оказались готовые цветные фотографии, восторгам

не было предела. Эрику даже достался персональный портрет, который он потом долго хранил в книжном шкафу за стеклом, пока снимок окончательно не выцвел. От миловидной и очень яркой девушки возраста их преподавателей (ревнивые одноклассницы распустили слух, что она профессиональная проститутка и зарабатывает по 100 баксов за ночь) ему в подарок досталась кассета с записью какой-то рок-н-рольной группы. Девушка уверяла, что это сейчас самая модная группа в Штатах, но ни Эрик, ни самые продвинутые меломаны их класса о ней даже не слышали. Кассетного магнитофона у Эрика никогда не было, и кассета после прослушивания на технике приятелей была отправлена к полароидному снимку за стекло.

Зато шикарный кассетник после поездки появился у Агдамыча. Один из американцев еще при первой встрече в автобусе чрезвычайно заинтересовался карманным радиоприемником молодого человека. Тот был совсем простеньким и работал в двух самых популярных тогда в Империи диапазонах: длинные и средние волны. В Штатах бытовые радиоприемники ловили только УКВ и короткие. Приемники с диапазоном длинных и средних волн для населения просто не производились, так как все американские радиостанции вещали на УКВ. Что американец собирался слушать на длинных волнах, осталось тайной. Но, когда Агдамыч отказался продать свой приемник, штатник предложил по-братски махнуть его на новенький кассетный магнитофон. Агдамыч дрогнул.

Конечно, штатники показались ребятам веселее и раскрепощеннее собственных родителей. Типа, рубили фишку.

От Еревана до Тбилиси ехали глубокой ночью и преимущественно спали. Когда поезд на рассвете остановился на каком-то полустанке, в двери и окна вагона стали неистово стучать. Вагон был полон, свободных мест в плацкарте не было. Пассажиры спали. Проводник сопротивлялся до последнего, но, когда в окна полетели камни, сдался и открыл двери вагона.

Это оказалось не ограблением поезда, а всего лишь способом местных крестьян доехать до города. Эрик проснулся от гортанных голосов и гогота гусей в плацкарте. Ему здорово повезло, он ехал на верхней полке. Через несколько минут внизу везде сидели и стояли люди. Гуси, которых, вероятно, везли на продажу, были заперты в корзине и страшно возмущались своим положением. Где-то блеяла коза. Воздух наполнился терпкими ароматами чеснока, пота, и домашнего вина. Вся эта колоритная публика дружно сошла в ближайшем городке.

Грузинского «конторца» с большой долей вероятности Эрик постфактум определил. Или, по крайней мере, ему так казалось. Веселый молодой грузин проявил удивительный для своего возраста интерес к школьникам и почти всю дорогу от Тбилиси до Сочи расспрашивал их о поездке и сам травил байки про Грузию. Он очень горячо реагировал на отзывы о Тбилиси, вине, кухне, грузинском гостеприимстве и так и не сумел перевести разговор на политические темы. Зато, когда он услышал, что они не попробовали хачапури, воспринял это как личную трагедию.

— Вы побывали в Грузии и не попробовали хачапури! — вскричал он. — Сейчас я что-нибудь придумаю! Конечно, где-нибудь на станции хачапури не такой, как делает моя мама. Но если готовил грузин, даже в станционном ларьке это будет настоящий хачапури!

Он реально заметался, пытаясь определить по расписанию, какая следующая станция. Но было уже поздно. Поезд подъезжал к Адлеру. Как можно заподозрить такого душевного человека?

В следующем поезде, уже где-то под Куйбышевым, в их вагоне появился парень в спортивном костюме и без вещей. Билета у него не было, вроде как проводник по доброте душевной пустил.

— Привет, парни! Меня Слава зовут, — представился он, — можно я с вами посижу? Места у меня нет, а ехать еще долго.

Слава оказался их земляком. На вопрос, как очутился в поезде в одном спортивном костюме, рассказал увлекательную историю:

— Я в армии вообще-то служу. Часть недалеко от Куйбышева. Вот, в самоволку сорвался домой, мать болеет, проведать надо.

Слава казался очень открытым, много рассказывал о себе. Статус беглеца вроде как вызывал особое доверие, располагал к откровенности и очень скоро в плацкарте, где его приютили, собралась большая компания. Разговоры «обо всем» постепенно свернули к поездке, из которой они возвращались, и неизбежно привели к рассказу о встрече со штатниками. Слава ненавязчиво, но очень подробно, как потом оказалось, расспрашивал о впечатлениях от встречи.

Потом никто не мог вспомнить, как это вышло. Надо заметить, что высказывания получились более чем лояльные, хотя ребята и не подозревали, что их могут «писать». Подвыпивший Эрик даже заявил, что хотел бы в Конторе служить, если позовут. До центрального вокзала Слава не доехал, выскочил в пригороде. Про него забыли бы совсем, если бы Эрик не встретил его через несколько месяцев. Он только поступил в университет и в сентябре был отправлен «на картошку». Жить их определили то ли в пионерском, то ли спортивном лагере. В первый же день Эрик наткнулся на Славу, прогуливающегося по территории и присматривающегося к группкам отдыхающих после работы студентов. Он опять был в спортивном костюме (возможно, в том же самом).

— Привет! Ты что, отслужил уже? — Эрик приветливо улыбнулся.

Недоумение на лице Славы сменилось замешательством. Затем взгляд его стал ледяным.

— Ты не обознался случаем?

Но Эрик ошибиться не мог.

ГЛАВА 3

* * *

После окончания школы Эрик поступил в университет, на факультет журналистики. Он с детства очень много читал, даже пробовал писать в газету. После языковой спецшколы логичнее был бы инфак, но к языкам Эрик особого пристрастия не питал. Греческий он знал на бытовом уровне неплохо. Бабушка со стороны отца плохо говорила по-русски, и, пока она жила с ними, дома много говорили на греческом. Когда Эрик пошел в школу, она уехала жить к дочери в Ялту. Та в свое время вышла замуж за крымского грека и давно звала ее к себе. Читал на греческом Эрик, конечно, с трудом, писать практически не умел, а довольно бойкий разговорный сохранился. Вкупе с неплохим английским он мог считать себя полиглотом.

Однако после инфака была прямая дорога преподавать в школу, так как высококвалифицированные переводчики в их провинциальном Городе в советское время особо не требовались, а научные перспективы в этой области были более чем туманны. В школу Эрик точно не хотел. Вообще, не очень понимал, кем хочет быть. Какое-то высшее образование получать было нужно, а работу журналиста он представлял себе в довольно романтическом свете.

В сфере высшего образования входили в моду различные эксперименты. В год поступления Эрика абитуриентов, имевших в школьном аттестате только четверки и пятерки, а также сдавших два первых экзамена без троек, зачисляли сразу, без дальнейших испытаний.

Эрика, как и других поступивших, отправили «на отработку» — на дорожные работы. Их бригада, состоящая из двух профессионалов и шести студентов, занималась укладкой бордюров. Какой от этого был прок университету, Эрик не выяснял. После первой же переключки, услышав его фамилию, к нему подошел высокий чернявый парень.

— Константин Мавридис, — представился он.

— Эрик, хотя, вообще-то Эрос.

— Ого! Как Эрос Рамазотти, — улыбнулся Костя.

— А кто это?

После объяснений Кости стал меньше стесняться своего имени и чаще представляться девушкам именем Эрос.

В Городе всегда было много греков, которые обосновались здесь из-за вынужденного переселения из Крыма или после лагерей. Его семья никогда не стремилась близко общаться с диаспорой. Костина же семья, напротив, имела неисчислимое количество родственников как здесь, так и в самой Греции, и постоянно варилась внутри национального сообщества, была чуть ли не ядром диаспоры. Для Кости Эрик был свой, в первую очередь потому, что он грек. А Эрик был не против общения, так как Костя оказался умным парнем с широким кругозором и хорошим чувством юмора.

Работа оказалась по-настоящему тяжелой. После того как дорожная техника заканчивала обустроить «подушку» под будущее полотно, их бригада должна была сделать по краям отсыпку горячим асфальтом и установить бордюрные камни. Асфальт таскали в довольно объемных и тяжелых носилках, высыпая по линии, обозначенной бригадиром джутовым шпагатом. Раскаленный асфальт, если попадал на натянутый шпагат, отлетал обратно, норовя попасть в лицо или залететь за шиворот. Еще тяжелее оказалось таскать бордюрные камни, любовно называемые рабочими «пряниками». Парни еле перли их даже вдвоем. Профессионалы, доверив тяжелую работу

студентам, только устанавливали и выравнивали «пряники» на месте. К вечеру будущие журналисты валились с ног, но все равно отправлялись пить пиво.

Больше всего Эрику запомнилась работа в новом сквере. Самая легкая и самая странная. Обустроивали не проезжую часть, а тротуары для пешеходных прогулок. Тротуарные «пряники» были существенно легче дорожных. Но место, где власти решили разбить новый сквер, наведало разные мысли. Это было старое кладбище.

Кресты и оградки снесли уже давно, когда по краю кладбища прошла одна из главных городских артерий. Потому снос кладбищенских памятников прошел тихо, без возмущения общественности. К моменту начала работ по закладке сквера это место давно выглядело как заброшенный пустырь. Однако то, что это кладбище, знали все. Экскаваторщикам дали указание глубоко не копать, благо серьезная подушка под тротуар не требовалась. Вероятно, поэтому обошлось без разрытых могил. Пару раз попадались какие-то кости, но определить их принадлежность никто не взялся.

Студенты все были комсомольцами, атеистами, материалистами и прочая. Но странное чувство совершаемого здесь кощунства витало в воздухе. Особенно ранним утром, когда они только начинали собираться, дорожной техники еще не было, по проходящей рядом улице лишь изредка проезжал автомобиль и тишину нарушало только карканье ворон, гнездившихся здесь в тополях. Ощущение, что они на погосте, было очень реальным. Позже, через несколько десятилетий, отдавая дань усопшим, в этом сквере сначала поставили большой деревянный крест, а потом построили часовню.

Из-за этой отработки перед началом учебного года Эрику удалось отдохнуть всего неделю. Уже через три дня после торжественной линейки и начала первых лекций их курс был отправлен в колхоз на уборку картофеля. Именно тогда

и случилась их мимолетная встреча со Славой, которая многое ему объяснила.

После этого выезда «на картошку» Эрик с Костей сдружились окончательно. Вечерние посиделки с гитарой, ночные походы в женский барак... Кроме того, они составляли прекрасный тандем для «съема»: знакомиться «на пару» гораздо проще. Легче завязать и поддерживать разговор, перекидывая фразы друг другу, как мячик в пинг-понге. Кроме того, в компании у девушек создается иллюзия возможности выбора. А выбор предоставлялся неплохой. Два высоких, ярких, симпатичных парня. Жгучие брюнеты. Если благодаря материнской крови Эрика можно было принять за кого угодно по национальности — от украинца до татарина, то настоящий «греческий профиль» Кости сомнений в его принадлежности не оставлял. Главная (и на чей-то вкус великоватая) составляющая этого профиля отдельно, вероятно, могла бы принадлежать и кавказцу, и турку. Но в целом композиция складывалась в образ классического грека. Сам Костя по этому поводу часто использовал присказку: «Нос горбинкой — хрен дубинкой!» Был ли нос причиной или что другое, но девушки от Кости млели.

Впрочем, этот выезд в колхоз оказался далеко не последним. Ездили всю осень, практически до первого снега. Ни о какой учебе в первые месяцы речь не шла. Это было одной из прочно устоявшихся традиций советской Империи.

Даже много позже, когда Империя рухнула и в стране зарождались рыночные отношения, Эрик наткнулся в газете на репортаж с заседания мэрии, на котором глава близлежащего сельского района гневно упрекал власти за то, что в этом году ему присылали из города слишком мало работников умственного труда и у него пропадает урожай на полях.

Студенты нисколько не роптали на вынужденную «полевую» жизнь, трудились они все равно как придется, особо не напрягаясь.

Зато «на картошке» было гораздо веселее, чем сидеть на лекциях. Кроме того, все городские ребята оказались вполне подготовленными — пригодился опыт школьной «трудовой четверти». После окончания учебного года школьников отправляли в так называемые лагеря труда и отдыха. Остряки утверждали, что ключевое слово — «лагеря».

Что, впрочем, не совсем соответствовало действительности. Старшеклассников из школы Эрика всегда вывозили в лагерь, расположенный в колхозе имени красного комдива. Жили в уютных, выстроенных оригинальным «шалашиком» коттеджах, немного работали и очень весело отдыхали. Помимо официальных развлечений вроде турниров по футболу, волейболу, теннису и конкурсов типа «А ну-ка, девушки!», конечно, была и ночная жизнь: турниры по преферансу, спиртное, тесные посиделки с девушками.

Драйвером ночных забав, несомненно, выступал алкоголь. Запасы, привезенные с собой, истощались задолго до окончания «срока». Контроль за школьниками был куда более строгий, и добыча «горючего» становилась отдельным приключением. Эрику особенно запомнился случай, когда гонцом выпало быть ему. Их обычная компания собиралась устроить прощальную вечеринку и требовалась хотя бы одна бутылка спиртного, пусть символическая.

Из-за скудности средств, которые собирали буквально по копейкам, решено было приобрести бутылку водки: самая дешевая «Русская» стоила 5 рублей 30 копеек. Вышла полная кружка мелочи.

Идти предстояло далеко, ближайший магазин располагался на окраине поселка километрах в четырех-пяти от лагеря.

В назначенный день Эрик собрался в путь. Сопроводить его вызвалась Томка, на что Эрик с радостью согласился, вдвоем веселее. Они украдкой выбрались через щель в заборе и отправились в сторону поселка. Вдруг Томка дернула Эрика

за рукав: «Смотри, кто-то идет!» Действительно, прямо им навстречу двигался мужчина.

Выходить за территорию лагеря строго запрещалось. Эрик с Томкой присели.

Спрятаться было негде: вокруг свекольная ботва. Мужчина приближался. Вскоре ребята с ужасом узнали в нем директора своей школы Сан Саныча. Это был суровый и прямолинейный человек, дослужившийся до директора из военруков. Встреча именно с ним была катастрофой.

На меже свекольного поля он заметил что-то типа небольшой канавы, образовавшейся после отвала плуга. «Томка, быстрее за мной!» — позвал он. Пригнувшись, в полуприседе они метнулись к этой канаве. В самом глубоком ее месте как раз мог уместиться в длину один человек. Эрик уложил Томку и сам кое-как втиснулся за ней. Сан Саныч был уже близко, они видели его голову, покрытую завязанным по углам носовым платком. В холщовой сумке мелодично позвякивало стекло в такт ходьбе.

Эрик лежал, уткнувшись в Томкин затылок, и чувствовал, как бешено колотится ее сердце. Впрочем, как и его. В какой-то момент ритм их сердец вдруг совпал. Это было удивительное, волшебное ощущение. Два сердца, бьющиеся как одно. Эрик был прижат к Томе всем телом, ее запах начал кружить ему голову. Он почувствовал острое влечение, джинсы вдруг стали тесны, но он ничего не мог с собой сделать. Томка тоже, несомненно, это почувствовала, между ними как будто пробегали электрические разряды. Лежали они так, возможно, гораздо дольше, чем требовала осторожность. Вполне вероятно, что к тому моменту, когда они стали подниматься, Сан Саныч уже успел не только дойти до лагеря, но и подробно ознакомиться с содержимым своей сумки. Всегда бойкая на язык, смелая, ничего не стесняющаяся Томка должна была безапелляционно заявить в такой ситуации: «Ну, теперь, как честный человек,

ты должен на мне жениться!» Но сейчас она явно была смущена и даже покраснела. «Пойдем?» — тихо спросила она еще более сконфуженного Эрика. Тот облегченно подхватил: «Конечно!» Почти весь оставшийся путь они прошли молча. Наконец, Томка улыбнулась, покачала головой, глядя на Эрика, и они расхохотались. Напряжение исчезло.

* * *

Учиться дальше этой осенью Эрику не пришлось. Его неожиданно вызвали в военкомат на медицинскую комиссию. В начале октября ему исполнилось восемнадцать лет. В свое время из-за этой разницы в месяц с первым сентября Эрик пошел в школу только в восемь лет. Можно было договориться, но мама посчитала, что так будет лучше. Учеба в университете должна была дать отсрочку от призыва в армию. Но поколению Эрика особенно повезло. Именно тогда, вероятно, из-за демографической ямы, отсрочку отменили. Студентов стали массово призывать в армию. Тем, кто попадал в весенний призыв, давали сдать сессию после первого курса и призывали летом. Эрику «стукнуло» восемнадцать осенью, ровнехонько перед призывной кампанией, и его забрали без проволочек.

Все произошло настолько неожиданно и быстро, что Эрик ни с кем не успел толком попрощаться. Сегодня он на лекциях, а завтра уже с рюкзаком на сборном пункте. Сам же Эрик в эти дни не осознавал до конца происходящей в его жизни перемены, находясь в ступоре.

И еще — он попал в команду, предназначавшуюся для отправки во флот. Тогда это означало, что служить придется три года вместо двух. Три года! Эрика временами охватывало самое настоящее отчаяние.

Уже на сборном пункте, когда их команду начали строить, выяснилось, что Эрик при росте метр восемьдесят пять не попадает

даже в первую половину шеренги. Возглавляли ее парни ростом под два метра. Когда появился их «покупатель», по строю прокатился сначала ропот, потом — тихое ликование. Уныние от перспективы трехлетней службы в миг сменилось восторгом. Вместе со старым отставником, формировавшим их команду, к строю подходил здоровенный усатый мичман в форме морского пехотинца. Это была совсем другая история! Во-первых, морская пехота — это просто круто! Во-вторых, она считается береговым подразделением и служат там, как все сухопутные, два года. Эрик услышал, как старик говорит мичману: «Смотри, какую я тебе команду собрал! Лучшие!» Мичман прошел вдоль строя, оглядывая ребят, остановился, покивал отставнику и начал переключку. Душа Эрика просто пела от счастья.

Когда переключка закончилась и мичман собрался было двинуть какую-то речь перед строем, рядом возник невысокий пузатый майор с петличками связиста. Он что-то негромко говорил морпеху, показывая бумаги. Тот также тихо, но эмоционально, отвечал. О чем они спорят, Эрик не слышал. Снова появился все тот же отставник. После короткого разговора с ним мичман уже громко выматерился и указал на конец строя. Майор колобком покатился вдоль шеренги напрягшихся призывников. Остановился, отсчитал с конца несколько рядов, воздел свой пухлый перст и воткнул его между Эриком и стоящим справа парнем.

— Нале-во! — скомандовал он, глядя прямо Эрику в переносицу.

Возникла заминка. Никто не понимал, к кому относится команда, выполнять ее или нет.

— Конец шеренги, все от моей руки, нале-во! — уже прокричал майор.

Эрик повернулся, понимая, что в течение нескольких минут судьба его сделала два невообразимых финта.

Так Эрик попал в связисты. Майор оказался замполитом учебной части, готовящей специалистов секретной связи. Послан он был за пополнением ввиду полной своей бесполезности в части. На месте он, по нерасторопности или по пьянке, прозевал предназначенную для него команду и так замучил начальника сборного пункта, что тот разрешил ему оторвать хвост от любой другой, чей размер позволял это сделать.

Учебка, в которую привези новобранцев, располагалась на берегу огромного озера, знаменитого тем, что здесь был построен первый российский флот. Холодные осенние ветра гнали по нему настоящие волны с бурунами. В плохую погоду, когда противоположного берега не было видно, создавалось полное впечатление, что это самое настоящее море. Впрочем, озеро вскоре замерзло и, запорошенное снегом, напоминало скорее степь. По льду озера новоявленным бойцам приходилось совершать многокилометровые марш-броски на лыжах. В целом все воспоминания об учебке свелись к железной дисциплине, строевой муштре и занятиям в классах.

После учебки Эрик попал в роту обеспечения главного штаба войск самого что ни на есть стратегического назначения. Судьба вновь преподнесла очередной сюрприз. Вместо того чтобы заниматься связью по полученной в учебке специальности, он попал в охрану штаба. Несколько месяцев изучения секретной аппаратуры пропали даром. Зато очень помогла физическая форма, приобретенная за полгода в учебке. В войсках физподготовкой особо не напрягали, нужно было только время от времени сдавать нормативы на перекладине и брусках. Боевая же подготовка сводилась к редким занятиям по ножевому бою. Охране штаба полагался в качестве вооружения только штык-нож. Автоматы выдавали исключительно по тревоге.

По неизвестной ни для бойцов, ни для командования их роты причине называлась она «Рота Д». При этом, рот «А», «Б», «В» и «Г» не существовало. Что было зашифровано в этой литере

и почему именно «Д» — являлось, вероятно, военной тайной. Стала ли везением служба в таком подразделении — вопрос достаточно спорный. С точки зрения обустройства быта, конечно, имелось очень много плюсов. Но главный солдатский принцип «поближе к кухне, подальше от начальства» не работал совсем. Начальства в крупном штабе было не просто много. Его было в разы, на порядки больше, чем простых солдат. И солдаты эти были постоянно на виду. Состояла рота «Д» из двух взводов водителей высокого командования и взвода «разночинцев». В последний входили: отделение музыкантов, живущее большей частью в клубе, отделение чертежников, выторговавшее себе право работать по ночам, и отделение охраны, в которое попал Эрик. Охраняли они штаб центрального узла связи (потому-то и брали в охрану связистов), обязанностью имели в «мирное время» проверять документы у входящих в здание штаба, а по тревоге занимать вокруг штаба круговую оборону.

Когда Эрик в новенькой шинели и с вещмешком за плечами впервые попал в казарму, открывшаяся картина потрясла его до глубины души. После строгого порядка учебки творившееся вечером в расположении напоминало древнеримскую оргию (к счастью, без содомии). Дневальный с ногами сидел на тумбочке и читал книжку. Беспечность его, как впоследствии понял Эрик, объяснялась тем, что на лестничной площадке перед дверью дежурил «дух», который предупредил бы дневального в случае появления командиров. По расположению бродили разной степени расхристанности персонажи, одеждой мало напоминающие солдат. Прямо в центральном проходе отплясывали русский народный танец два молодых бойца. Причина их «веселья» в виде усатого коренастого старшего сержанта увлеченно наяривала на баяне, полулежа в кровати. Подойдя ближе, по тоскливым лицам парней Эрик понял, что пляшут они, как в известной сказке, не по своей воле. В дальнем углу дребезжала гитара и отчетливо слышалось девичье хихиканье.

То, что в роте могут оказаться посторонние девицы, не укладывалось у вымуштрованного учебкой бойца в голове. О том, что в воздухе висел густой табачный дым и смрад самогона не стоило и говорить. Но больше всего Эрика шокировало то, что по расположению испуганным зайцем метался прапорщик, к слову, одетый по форме, а за ним гонялся длинный худой ефрейтор в гимнастерке и кальсонах с криками: «Митрич, ты обещал! Давай бороться!» Прапорщик успел юркнуть в кабинет и запереться. Длинный, как выяснил потом Эрик, — ефрейтор по кличке Сяся, был водителем командира части, генерала Черных. Он какое-то время барабанил в дверь, потом лениво отправился в угол к девицам.

К бардаку в роте Эрик привык довольно быстро. Командир их отделения Саша Котелевский своих бойцов в обиду никому чужому не давал, а порядки в самой охране были установлены справедливые, в отличие от полного беспредела, творившегося у водителей. Благодаря этому никаких ужасов «дедовщины» Эрик в полной мере не испытал даже в первые месяцы службы.

А вскоре старшиной роты вместо безответного и жалкого Митрича был назначен старший прапорщик Лыч. Он оказался знаменит тем, что навел железный порядок в одном из самых отдаленных и запущенных гарнизонов, являвших собой до него чуть ли не воровскую малину. За эти заслуги он был выписан в главный штаб специально, чтобы повесить уровень дисциплины в распоясавшейся роте «Д». Со своей задачей человек с говорящей фамилией справился. И справился быстро. Первый же сапог, прилетевший ему в голову при попытке «построить» расслабленную «богему», он отправил в полиэтиленовом пакете в военную прокуратуру с заявлением о попытке нанести ему тяжкие телесные. Несчастный, чьи отпечатки и вытравленный номер военного билета нашли на сапоге, был быстро осужден и отправлен на два года в дисбат. Рота сначала опешила, потом люто возненавидела Лыча. Но вынуждена была подчиниться.

К концу службы Эрика расположение роты уже было не узнать. Чисто, светло, кровати ровно заправлены, днем на них никто не валяется, в столовую рота ходит строем. Все — как положено в армии.

Жизнь в штабе текла совершенно по другим законам. Старшина мог сколько угодно лютовать в расположении роты, но в штаб соваться не смел. Насколько он бы грозен с солдатами, настолько благоговел перед начальством. От обилия высшего командования старый служака терялся, робел и непроизвольно переходил на строевой шаг. Потому старался визитов в штаб всячески избегать. Охрана, привыкшая к вольнице и не сильно стремящаяся в создаваемое им светлое будущее, напротив, выдумывала любые мыслимые причины, чтобы избежать визитов в расположение роты. Они теперь являлись в казарму только к отбою. Ночное дежурство в штабе расценивалось как увольнительная.

Музыканты, вследствие отдельного проживания, были сами по себе и над рассказами об ужасном Лыче только посмеивались. А вот чертежникам, с которыми охрана, к слову, очень дружила, пришлось с inferнальным прапорщиком познакомиться. Когда-то в незапамятные времена их ушлые предшественники сумели убедить высокое начальство, что секретные схемы и чертежи необходимо выполнять ночью. В чем здесь логика — неизвестно, но график был утвержден. Днем чертежники спали в казарме, а после ужина отправлялись работать в бюро. Теперь, когда днем в казарме царил сущий ад (в аду ведь тоже все очень упорядоченно), ребятам пришлось убеждать начальство, что спать им тоже лучше прямо на рабочем месте, хоть бы и на раскладушках.

Чертежное бюро располагалось в подвале штаба и соседствовало только с Особым отделом, то есть с контрразведкой. Доступ в чертежное бюро был очень строго ограничен. Очень строго! Список допущенных лиц висел перед дверью и состоял

из пяти-шести фамилий высших офицеров главного штаба. Двери были двойные. Первая дверь открывалась по звонку (систем видеонаблюдения тогда еще не было). Человек входил, дверь за ним автоматически закрывалась на замок. Вторая дверь имела небольшое окошко, через которое можно было пообщаться с начальником чертежного бюро. Входить во вторую дверь было нельзя категорически. Документы действительно были сверхсекретные. Только после того, как окошечко во внутренней двери закрывалось, открывалась наружная дверь и посетитель мог выйти. Это в теории. У Эрика был среди чертежников приятель Серега Сказочкин. На втором году службы, когда Серега был уже в авторитете, Эрик частенько навещался к нему во время ночных дежурств на кофеек (напиток из цикория «Кубань», 26 копеек за пачку). Впускали его в святая святых без вопросов. Ему тогда и в голову не пришло хоть раз из любопытства повнимательнее заглянуть в лежащие на столах и закрепленные на кульманах схемы и карты. Сейчас, конечно, было бы интересно. Тогда Эрику было гораздо интереснее поговорить с Серегой о музыке, выпить цикориевого «кофе» и ознакомиться с новинками от ЧБ. Да, главным секретом чертежного бюро были не схемы, а контрафакт, который они клепали по ночам. Безымянные кроссовки и футболки превращались в модные изделия известных брендов. Серега еще «для души» рисовал узнаваемые образы любимых западных рок-групп, которые немедленно превращались молодыми чертежниками в набор трафаретов и наносились на футболки. Торговля шла бойко, чертежники не бедствовали.

За гостеприимство чертежного бюро охрана всегда старалась отвечать благодарностью. Эрик, к примеру, пускал Серегу ночью в генеральский кабинет, где хорошая аппаратура позволяла слушать без помех «вражеские голоса». На политику Сереге было глубоко плевать, он слушал музыку. Этот интересный парень являл собой настоящего советского мажора. Должность

его отца, директора астраханского хладокомбината, пожалуй, не особо впечатлит людей, не заставших тотальный дефицит времен поздней Империи. В то время осетровая икра и рыба всех сортов были сокровищем нибелунгов.

Сергеа мог позволить себе вырасти свободным художником и бунтарем. Умный, талантливый парень и полнейший разгильдяй. Папа отмазал бы его от армии одним звонком, но ровно в момент получения повестки в военкомат у них случился очередной «конфликт поколений». Сергеа назло отцу, ничего ему не сказав, отправился на сборный пункт. О том, что сын уже в войсках, папа узнал постфактум. До этого он пребывал в полной уверенности, что тот после ссоры «зависает» где-то в своей богемной тусовке. Единственное, что сумел сделать «холодильников начальник», — это договориться о том, чтобы Сергеу пристроили на самое теплое место, на которое только может рассчитывать боец, имеющий навыки художника.

— Я себе представлял службу совсем по-другому, — жаловался Сергеа Эрику, — сидишь вечером у костра, в котелке каша шкворчит с тушенкой, пацаны на гитаре играют. Или с автоматом стоишь в ночи, вглядываешься в лес вокруг. Романтика! А тут...

Эрик думал: «Да, не видел ты настоящей армии, выбили бы из тебя эту дурь быстро!» Но вслух не возражал, только улыбался.

Сблизились они поначалу на почве любви к тяжелому року. Хотя вкусы у Сереги были своеобразные, а половину рок-групп, о которых он рассказывал, Эрик даже не знал, меломаны друг друга всегда поймут. Сергеа вел целый альбом, где имелась полная дискография любимых групп, заносил туда новинки, украшал страницы рисунками. Позже оказалось, что и помимо рока у них много общих интересов. Вообще, приятно пообщаться с человеком, который с тобой на одной волне. В армии сослуживцев выбирать не приходится, много ребят из сельской местности, маленьких городков, рабочих окраин. Большинство

из них отличные парни, но поговорить с ними о влиянии на творчество Хемингуэя его дружбы с Фицджеральдом как-то не получалось.

Однажды с ними приключилась трагикомическая история. Во время очередного ночного наряда, когда все двери штаба уже заперли, а дежурный офицер отправился спать, Эрик по обыкновению пил «кофе» в чертежном бюро, а потом открыл Сереге генеральский кабинет. Роскошный командирский Grundig стоял в комнате отдыха, расположенной за неприметной дверью в дальнем углу кабинета. Здесь же имелся прекрасный кожаный диван, на котором Серега обычно и возлежал, не включая света и слушая свои «голоса». Предпочитал он известную британскую радиостанцию, которая часам к четырем утра уставала поносить Империю и включала музыкальные передачи. Эрик решил над Серегой подшутить. Тихонько пробрался в кабинет, надел висящую в шкафу запасную генеральскую шинель, нацепил папаху и стал прислушиваться. В тот момент, когда принадлежность «вражеского голоса» выдавала себя вполне очевидно, включил в кабинете свет и, сделав несколько громких шагов, начал как бы входить в комнату отдыха, выдвинув вперед папаху и плечо с генеральскими погонами. И вот, лежит Серега в одних трусах на генеральском диване, «тащится» от заставочки: «Сева, Сева Новгородцев, город Лондон...», а в комнату вламывается хозяин. Серега вскочил, потом стал белеть и оседать на диван. Эрик, появившись в комнате целиком, расхохотался от души. Нет, он просто ржал как конь.

— Что, обоссался, братан?!

Однако Серега не расплылся в облегченной улыбке, а продолжал сидеть на диване с перекошенным лицом. Эрик бросился к нему. Испугаться Сереге было чего. За проникновение в кабинет он мог отделаться гауптвахтой, а вот за «голоса» в то время можно было схлопотать серьезно. Рассказывай потом, что музыку слушал.

В скудном свете, падающем из приоткрытой двери, Эрик хорошо видел только Серегины глаза. Ему приходилось уже сталкиваться с таким в детстве. Взгляд у человека становится пустым, бессмысленным. Уходит жизнь. На миг Эрик почувствовал себя абсолютно беспомощным перед лицом этой силы. Смерть завораживала. Наконец, очнувшись, Эрик схватил приятеля за руку.

— Серега, ты чего?

— Дышать че-то трудно, — через паузу прохрипел Серега, — и голова кружится.

Эрик попытался уложить его на диван, но Серега жестами показал, что лучше сидеть.

— Тошнит, лежа хуже будет.

Просидели полчаса или час. Эрик на время не смотрел. Наконец, Серега начал привставать.

— Давай свалим, утро уже вроде... ты только никому.

Эрик дошел с ним до чертежного бюро, убедился, что тот пришел в себя и бросился на пост. Уже рассвело.

Конечно, оба они в тот же день наперебой рассказывали эту историю пацанам. Правда, заканчивалась она гораздо раньше реальной, и несостоявшееся Серегино путешествие в царство Аида целиком умещалось во фразе: «Чуть не обделался!»

* * *

Если огромное количество офицеров вокруг было несомненным и жирным минусом службы при штабе, то наличие здесь же не меньшего количества женщин имело больше плюсов. Все отделы возглавляли офицеры, но работали в каждом из них в основном женщины. Как правило, обычные гражданские, очень редко — в званиях. Конечно, все они были женами офицеров, иногда — дочерьми. Подавляющее большинство

пожилых дам относилось к мальчишкам из охраны с материнским участием. Из-за малочисленности (всего отделение на огромный штаб) солдаты не оставались для них безликой массой. Всех знали по именам и опекали, как могли. Это был огромный плюс.

Минус заключался, как ни парадоксально, в молоденьких и привлекательных женщинах, которые каждый день проходили мимо, обдавая шлейфом духов, кокетливо улыбались, шутили и... были абсолютно недоступны. Нет, они не чурались солдат. Ты мог поговорить с ними на бытовые темы или о погоде, но твой статус не позволял рассматривать тебя как мужчину. Одно дело, когда твоя мечта — это фото любимой девушки или портрет поп-дивы в каптерке. Совсем другое, когда милые и недоступные женщины постоянно вокруг тебя. Не обходилось, конечно, без баек о том, как кто-то сумел завести роман с женой офицера или знойной прапорщицей с узла связи. Но, как правило, все они были плодом безудержной фантазии озабоченных юношей.

Где-то через полгода службы в штабе, когда Эрик уже вполне освоился и знал по именам почти всех служащих, к нему подошла Лена. Елена Владимировна, бухгалтер материального стола, миловидная, чуть пухленькая девушка едва за двадцать. Несмотря на юный возраст, она успела родить мужу, майору из финотдела, двух детей-погодков.

— Эрик, ты сейчас свободен? Помоги мне в архиве, — ласково проворковала она.

— Конечно, Лена, — без колебаний согласился Эрик.

В архиве Лена попросила достать несколько папок с верхних стеллажей. Когда Эрик, подав ей сверху очередную папку, спустился со стремянки, она оказалась так близко, что ему некуда было поставить ногу. Эрик неловко оступился и подался назад. Стремянка, на которую он вынужден был облокотиться, противно заскрежетала по полу и уперлась в стеллажи.

Лена с невинным видом хлопала длинными ресницами. Эрику казалось, что в воздухе возникло такое напряжение, что сейчас запахнет озоном. Но от Лены пахло чем-то сладким. Она облизнула пухлые губы.

— Ты чего такой стеснительный? Покрасней еще!

Лена взяла его руку и положила себе на бедро, прижимаясь еще сильнее. Стремянка за Эриком издала жалкий скрежет. Он наконец решился, обнял ее и впился в полуоткрытые губы. Эрик лихорадочно тискал ее, пытаясь одновременно забраться в вырез на груди и задрать подол платья.

— Тише, тише! — пыталась успокоить его Лена, — я дверь заперла, не торопись так!

Успокоиться Эрику не удалось. От напряжения и страха все закончилось позорно быстро. Поправляя одежду, Лена походя утешила его: «Ты ко мне привыкнешь. В следующий раз все получится!»

Этой ночью Эрик толком не спал. Он совсем не переживал из-за своего скорострела: в первый раз с новой женщиной такое случается. Он думал о том, как они теперь будут с Леной. Она сказала про следующий раз. От мысли, что у него роман с офицерской женой, Эрик покрывался холодным потом. Не от страха. Субтильный, невзрачный майор не представлялся ему разъяренным Отелло, хотя, при трезвом размышлении, неприятности мог устроить нешуточные. Сейчас Эрику казалось, что на нем лежит груз ответственности за случившееся. Внешне Лена производила впечатление скромной и невинной девушки. Кукольное личико, по-детски наивный взгляд. При разговоре лицом к лицу она всегда чуть смущенно опускала глаза. Эрик знал, что живут они с майором в офицерском общежитии. Конечно, какая тут любовь в одной комнате с двумя детьми? Да и майор далеко не Аллен Делон, рассуждал Эрик, вот она и не выдержала, влюбилась в меня. В своей неотразимости он ни капли не сомневался. Если бы они были «на гражданке», то полштаба этих девиц

штабелями лежали бы у его ног! Но Лена, чистая и невинная, заведя роман с простым солдатом, поставила под удар свою честь, рисковала браком, детьми. Эрик обдумывал теперь, как они будут строить отношения, встречаться. Служить оставалось еще больше года. Что он мог ей предложить? Так он проворочался до утра.

На следующий день Эрику никак не удавалось с ней увидеться. Каждую свободную минуту Эрик пытался пройти мимо бухгалтерии, чтобы как бы случайно встретиться с Леной. Но, как назло, двери оказывались всегда закрыты, никто не входил и не выходил. Вечером, когда расходились служащие, Эрик специально встал на выходе.

Лена, проходя мимо, как ни в чем не бывало улыбнулась ему и бросила: «Пока!»

На смятение чувств это не походило.

«Значит, все нормально! Она не переживает и не сердится», — успокоился Эрик.

Его стало отпускать. Отсутствие драмы немного задевало самолюбие, зато существенно облегчало жизнь.

Им удавалось встречаться крайне редко, но все проходило просто замечательно.

Ничего, что свидания случались среди пыльных стеллажей. Удобства в виде стола, стула и стремянки для молодых и пылких любовников не уступали самому роскошному будуару.

Однажды, проходя по тому крылу подвала, где находился архив, Эрик увидел, как Лена заходит туда с Саней Котелевским, командиром их отделения. Саня был родом из Бахчисарая, очень гордился этим, курил исключительно крымские сигареты «Пляж» и очень трепетно относился к своей внешности. То есть соперник был вполне себе. «Да нет! Она просто не нашла меня, а ей реально нужна помощь в архиве», — утешал себя Эрик. Однако притормозил, чтобы его не заметили, и к архиву уже подкрадывался на цыпочках.

Ключ, изнутри поворачиваемый в замке, расцарапал ему сердце. Эрик прильнул к двери и вскоре услышал едва различимые звуки, не оставляющие сомнений в происходящем.

Несколько дней Эрик жил ненавистью к этим двоим, обдумывая планы мести. На исходе недели после ужасного открытия его нашла Лена и, как обычно, затащила в архив. Он держался холодно, но молодое тело не слушалось разума и функционировало даже без его участия. Лена вела себя как обычно, мило чмокнула его на прощание. Отношения их продолжились. Только теперь Эрик специально следил за Леной и архивом. Вскоре ему удалось застать ее с другим солдатиком. Эрик начал серьезное расследование, аккуратно выводя сослуживцев одного за другим на приватный разговор о девушке. Никто не колотся. Однако кого-то удалось разговорить, кого-то понять по недомолвкам, а кого и вычислить по глазам. В результате Эрик сделал однозначный вывод, что Лена потихоньку таскает в архив всю охрану. Даже Генку — «однопалчанина». Прозвище Генка получил благодаря своей наивной честности. Как-то вечером за чашкой чая, когда парни взялись наперебой хвастаться, кто сколько раз может за ночь со своей девушкой, Генка по простоте заявил, что ему одного раза вполне хватает.

«И вообще, — добавил он, — я так наломаюсь за день в поле на тракторе, куда больше раза? Спать же надо когда-то!»

В подробностях представив себе Лену с «однопалчаниным», Эрик потерял к ней интерес и стал всячески уклоняться от дальнейших встреч. Она не настаивала, продолжая приветливо улыбаться.

«Вот же блядь!» — думал Эрик.

* * *

В армии Эрику пришлось прикоснуться к теме вечного упокоения. Помимо основных воинских задач, отделение охраны

выполняло еще одну, не совсем обычную. Вместе с музыкантами они «проводжали жмура».

Военный гарнизон располагался здесь давно. Он не только обзавелся обширным жилым комплексом, но и поглотил пару окрестных населенных пунктов. В последние годы старшие офицеры стали получать квартиры в соседнем городке, а высшее командование и вовсе ездило на службу из столицы. Но те, кто стоял у истоков создания этого рода войск много десятилетий назад. Время берет свое, старики уходят. Ко времени службы Эрика поколение ветеранов стратегических войск убывало просто катастрофически.

Все эти заслуженные люди имели право быть похороненными с высшими воинскими почестями: оркестр и залп над могилой. Воздание этих почестей лежало на роте «Д». Если бы все ограничивалось холостым залпом (и желательно летом!), для отделения охраны любые похороны становились бы праздником. Траурным, окрашенным в красно-черное, с неизбежной нотой печали, но праздником. Таким он, собственно, и являлся для музыкантов. Ибо сердобольные женщины из числа родственников и знакомых покойного в сентиментальном порыве одаривали оказавшихся рядом несчастных на вид солдатиков всем, чем могли. Эмоции выплескивались в виде самой разнообразной снеди, сладостей и прочего, оказавшегося под рукой. Однажды какая-то бабуля даже незаметно сунула Эрику за пазуху бутылку самогона, прошептав: «На помин души».

Главная трагедия для бойцов охраны заключалась в том, что в штате местного военного кладбища не было копателей, а похоронного бизнеса тогда просто не существовало. Предполагалось, что копать будут какие-нибудь солдаты из гарнизона. Но зачем решать вопрос с откомандированием солдат для похорон, когда четыре здоровых лба все равно приедут давать залп! И охрана, переодевшись в заботливо привезенное с собой рванье, копала могилы. Летом в жару, в слякоть межсезонья

и в лютый мороз зимой. Иногда приходилось жечь костры, чтобы можно было хоть как-то долбить мерзлый грунт. В холодное время года, не обязательно зимой, так как осенняя промозглость и чавкающая грязь, которая не берется, а жижей стекает с лопаты, могут быть тяжелей мороза, Эрик все делал автоматически, отключив сознание и органы чувств. Даже потом, закончив копать и переодевшись в «парадку», он находился в сомнамбулическом состоянии. Поднимал автомат и нажимал на спусковой крючок не столько по команде, которую уже не слышал, сколько просто угадав момент.

Однако изредка, поздней весной или летом, особенно когда их привозили пораньше, а процессия задерживалась, Эрик с удовольствием гулял по кладбищу. Именно в эти моменты он чувствовал такое же умиротворение и блаженство, как в детстве на сельском кладбище с бабушкой. На втором году службы копать стало привычнее, человек приспосабливается ко всему. Эрик стал все больше времени посвящать прогулкам, невзирая на погоду. Благо и кладбище разрасталось. Он шел иногда бездумно, вдыхая запах талого снега, ароматы разнотравья или горелых листьев в зависимости от времени года, иногда обращая внимание на красивые или, наоборот, уродливые памятники.

В школе одним из любимых его произведений был «Черный обелиск» Ремарка. Этот самый гранитный обелиск в романе считался образчиком безвкусия и в результате сгодился только в качестве благотворительности на могилу проститутки, похоронить которую оказалось не на что. Эрик пытался представить себе черный обелиск, но каждый раз ему мерещилось что-то уж совсем монументальное и несоразмерное оградкам вокруг. Он всерьез раздумывал о том, хотел ли бы он черный гранитный обелиск на своей могиле и как все же придать ему благородный вид и пропорциональный размер.

В самом конце службы случился еще один поворот.

Практика привлечения двух народных заседателей распространилась и на армию. Эрик попал в народные заседатели на втором году службы как один из наиболее сознательных бойцов. Несколько раз он ездил в столицу на заседания трибунала, где, собственно, выполнял роль мебели. От него, как и от любого народного заседателя, ничего не зависело. Законов он не знал, только подписывал, что дают. Хорошо запомнил он только первое заседание. Им с Колей Потехиным, таким же солдатом из его отделения, как новичкам, сразу же повезло. Рассматривалось дело о мужеложестве и изнасиловании. В одном из секретных подразделений некий старослужащий с завидным упорством пытался овладеть столичным маменькиным сынком, невесть как угодившим в армию. Старослужащий этот до призыва трудился трактористом в несусветной глуши, что никак не вязалось с расхожим представлением о том, что подобная страсть овладевает исключительно деятелями культуры. Возможно, природа его извращенных фантазий происходила из полной изолированности от внешнего мира их секретной «точки». Судья, довольно молодой офицер, невозмутимо добивался подробностей от обвиняемого и потерпевшего, а народные заседатели пребывали в полнейшем шоке.

К перерыву в заседании Эрика уже подташнивало. Трудно сказать, кто из этих персонажей вызывал большее отвращение. Крепкий коренастый крестьянин, с тупым выражением лица рассказывающий, как он «ухаживал» за предметом своей любви, или полное ничтожество — пухленькая размазня в военной форме, хлюпающая губами и лепечущая о своих страданиях. Удалились для объявления решения наши заседатели с большой радостью.

В комнате судья разъяснил им статьи Уголовного кодекса, для формы поинтересовался их мнением.

— Товарищ майор, да впясть этому пидарасу по полной! — почти проорал Коля.

— Ну, во-первых, не майор, а капитан третьего ранга, — улыбнулся судья.

Китель на нем отсутствовал, на кремовой рубашке погоны с одной звездой. Майор и майор.

— Извините, — буркнул Коля.

— Во-вторых, — продолжил «кап-три», — «по полной», как вы выражаетесь, мы дать не можем, так как есть только неоднократная попытка изнасилования. Сам акт ни разу не зафиксирован. Не было ничего.

— Как не было? Вы же все в подробностях... — удивился Эрик.

— Потому и в подробностях. Ты думаешь, мне это удовольствие доставляет, — поморщился судья, — есть четкий критерий, отделяющий попытку от факта. Он применяется всегда, чаще, конечно, в делах, когда речь идет об изнасиловании женщины. Головка члена должна войти минимум на свой радиус. Только тогда факт считается состоявшимся. Здесь этого не было. И следствием установлено, и я их подробно пытал. То есть преступление не завершено. То есть не более трех четвертых от максимального срока. К тому же жертва, получается, и не сопротивлялась толком. Есть еще неуставные отношения. Но путем поглощения тот же срок выйдет — четыре с половиной года.

— По такой статье мало ему там не покажется, — успокоился Коля.

Они подписали решение, вышли оглашать.

«Как же ты дослуживать-то будешь, военный?» — думал про себя Эрик, глядя на жертву. Про радиус он почему-то запомнил на всю жизнь. Впрочем, больше это знание ему никогда не пригодилось.

После второго заседания, суть которого Эрик даже не запомнил, их вызвал председатель столичного трибунала — пожилой каперанг.

Ребята уже начали привыкать, что все служащие трибунала — моряки. Судьи — морские офицеры. Охраняют трибунал — матросы с кортиками, что вызывало у них особый интерес и зависть.

«Кортик-то покруче штык-ножа будет, — рассуждал Коля, — и размер посolidнее, и сталь отличная!»

Причину «морского содержания» этого сугубо сухопутного учреждения им никто толком объяснить не смог. Столица, конечно, это порт семи морей, но... «Так было до нас заведено» — самый популярный ответ.

— Вот что, — начал каперанг, — ребята, я вижу, вы толковые. У меня есть для вас предложение. Служащих у нас не хватает. Те, что по штату, не справляются. Я вас буду вызывать как бы на заседание, а вы мне тут будете помогать, где надо. Работаете с утра до обеда, дальше — свободны.

Предложение было просто шикарным. Все прелести заседания ребята поняли с первого раза. Единственным минусом было то, что приходилось вставать задолго до подъема, чтобы к девяти утра добраться до здания трибунала в самом центре столицы. Приходилось ехать несколько станций на пригородной электричке, потом пересаживаться на метро. Зато командировка у них была до полуночи. Вся вторая половина дня и весь вечер — в их полном распоряжении. Они согласились не раздумывая.

Поначалу вызывали их по одному разу в неделю. Они выполняли несложные по сравнению с армейской службой поручения и потом гуляли оставшуюся часть дня. Когда служить Эрику оставалось пару месяцев, они получили и вовсе чудесный подарок.

— Есть у меня для вас дембельский аккорд, парни, — сказал им в очередной приезд каперанг.

— У нас и в части желающих припахать дембелей напоследок достаточно, товарищ капитан первого ранга, — осторожно ответил Эрик.

— От моего аккорда не откажетесь, — заулыбался каперанг, — могу прикомандировать вас к трибуналу на два месяца. Задача — навести порядок в архиве. Там полный бардак, никто им не занимается. Условия прежние — работаете половину дня.

— А можно взглянуть на эти авгиевы конюшни? — продолжал осторожничать Эрик.

В альтруизм он не верил. Особенно в армии.

На первый взгляд работа не показалась невыполнимой. Конечно, беспорядок в архиве был знатный. Папки с делами кучами валялись на полках и просто на полу. Необходимо было все каталогизировать и расставить папки по порядку. Но архив сам по себе был не очень большой, помещение величиной примерно со школьный класс. За два месяца вполне можно справиться. Зато перспектива полной свободы от казармы и возможности гулять по столице каждый день перевешивала все риски. Ну, не оставили бы их служить на третий год, даже если бы они и не справились.

Так они на два месяца стали архивными крысами. Начинать было тяжело. Пришлось освободить полки, потом собирать дела по порядковым номерам, выискивая их в разных кучах. Когда начинало казаться, что времени не хватит, ребята даже задерживались после обеда. Однако через пару недель работа пошла как по маслу, и пришло понимание того, что все можно закончить гораздо быстрее назначенного срока. За время службы Эрик усвоил главную солдатскую мудрость — торопиться не надо! Закончи они раньше здесь, найдется, чем занять их в части. Требовалось идеально точно распределить работу так, чтобы завершить ее к назначенному сроку, тем самым заслужив благодарность председателя трибунала. А в часть попасть прямо к увольнению в запас. Что, собственно, ребята блестяще и проделали.

Работу парни закончили точно в срок. За эти два месяца они успели изучить центр столицы вдоль и поперек. Гуляли

в парках, ходили в кино. Пару раз даже посетили музеи. В столичном метро начали ориентироваться как у себя дома. Возвращаться в часть не хотелось, но уволиться они могли только оттуда. Пришлось явиться на глаза злобному старшине. Тот нисколько не обманул их худших ожиданий. Помимо разноса за слишком вольный вид, пока в штабе оформляли документы, он успел отнять у ребят нижнее белье.

«Вы уволитесь, а мне по счету за всю роту сдавать», — прорычал Лыч. Пришлось бежать в военторг и купить хотя бы трусы. Эрику на глаза попались семейники замечательного розового цвета с ярко желтыми тюльпанами. Вернувшись, он специально прошелся в них по расположению роты, чем вызвал у публики бурный восторг, переходящий в аплодисменты. Лыч, взбешенный этим дефиле, грозил всех наказать, но весомых аргументов для санкций предъявить не смог. Так Эрик и поехал домой в розовых трусах под строгой военной формой.

ГЛАВА 5

* * *

Кира родилась и выросла в Изумрудном Гае. Или просто Изумрудном, как называли его все горожане. Было это стечением обстоятельств (человек ведь не выбирает, где родиться) или неосознанной привязанностью к родному месту, но впоследствии оказалось, что вся ее жизнь пройдет здесь. Возможно, впрочем, что это был вполне сознательный выбор. Так случилось, что район развивался и рос вместе с Кирой. Когда она родилась, Изумрудный был дальней окраиной, новым спальным районом, начавшим застраиваться унылыми типовыми девятиэтажками. Со временем значительно расширили и благоустроили главную улицу Изумрудного — старинный тракт, который вел свою историю от самого основания Города и претерпел столько переименований, что даже историки запутались в первоначальном его названии. Носящая ныне имя человека, открывшего оптимальное для приема внутрь соотношение спирта и воды, она вдруг превратилась в одну из главных транспортных артерий. Недалеко от Кириного дома начали строить крупнейший не только по местным, но даже по столичным меркам универмаг. Кира к тому времени уже училась в школе, а Изумрудный тоже вырос, обретал свое лицо, становился полноправной частью города. В объявлениях по обмену жилья (купля-продажа в советское время была запрещена, так как граждане не были собственниками своих квартир) Изумрудный все реже упоминался в категории: «Темниковку, Заречье и т. д. не предлагать!»

Из раннего детства Кира почему-то особенно ярко помнила гусей. Что само по себе странно для городского ребенка. Кира гусей жутко боялась и ненавидела всей душой. Началось все с поездки в деревню к родственникам, которые держали огромное гусяное стадо. Кире было лет пять. Мама всю дорогу рассказывала ей, что гуси бывают очень агрессивными, могут напасть и больно защищать мощным клювом. Одним словом, ребенку нужно держаться от них подальше. Заранее запуганная мамой, Кира и не думала подходить к пасущимся на лугу гусям. Она крутилась рядом с отцом, который подогнал свой «Запорожец» к небольшому пруду и взялся наводить в нем порядок. Стояла середина лета, знойный воздух дрожал, над лугом, окаймляющим пруд, порхали бабочки. Кира погналась за одной из них и незаметно для себя оказалась совсем рядом с гусяным стадом.

Большой серый гусак грозно зашипел и, вытянув шею, бросился на Киру. Кира до смерти перепугалась и, не разбирая дороги, бросилась прочь. Папа услышал возбужденное гоготание и, высунувшись из машины, увидел несущуюся со всех ног дочь. Та промчалась мимо, ничего вокруг не замечая. Он бросился ее ловить. Кира бежала в сторону дома, до которого оставалось еще метров сто. Если бы она обернулась, то поняла бы, что гусак сделал за ней всего пять-шесть шагов и, горделиво гогоча, вернулся к стаду. Но она услышала сзади громкий топот и, в силу возраста не соотнеся масштабы, была уверена, что ее преследует огромный страшный гусь. Понимая, что отстает, папа прибавил ходу. Кира, услышав, что топот приближается, бросилась к дому из последних сил. Этот забег на стометровку у молодого и спортивного, в общем-то, мужчины выиграла пухленькая пятилетняя девочка. Она пронеслась через калитку, не снимая сандалий, влетела в дом и успокоилась, только захлопнув и заперев на щеколду дверь. На крыльце беззвучно хохотал запыхавшийся отец.

А вот с собаками у нее как раз складывались прекрасные отношения. Ни одна из них ее ни разу не облаяла. Даже страшные на вид бездомные псы, если оказывались рядом, могли подойти поластиться, но никогда не проявляли агрессию. С огромной кавказской овчаркой, охранявшей соседнюю стройку, у Киры даже случилась безумная любовь, продолжавшаяся несколько лет. Звали собаку Тяпа. Кира услышала, что так ее подзывает сторож. Тяпа целый день сидела на цепи, а вечером, когда работы на стройке прекращались, сторож выпускал ее на территорию. При виде этого мохнатого монстра величиной с корову собака Баскервилей, пожалуй, обмочилась бы от страха. Кира заприметила ее во время прогулки с родителями. Через сетчатый забор Кира видела, как радостно носится по площадке только что спущенное с цепи огромное животное. Она стала иногда приходиться специально, чтобы полюбоваться на это чудо. Когда в первый раз Тяпа бросилась к хлипкой сетке-рабице в сторону слишком близко подошедшей Киры, та от неожиданности отшатнулась так, что села на попу. Тяпа же, чуть не снеся с разбега забор, вдруг заскулила, стал тереться о сетку мордой и боками. Не понимая, что делает, Кира подошла и через сетку почесала собаке бок. Тяпа развернулась и так же через сетку лизнула ее руку. На следующий день Кира пришла с сосиской, тайком прихваченной из холодильника. Тяпа от избытка чувств так натянула сетку в сторону Киры, что казалось, сейчас повалятся столбы. «Тише, Тяпа! Тише!» — шептала Кира и сама придвинулась вплотную к забору, чтобы собака не рвалась так в ее сторону. Они прижались друг к другу, словно никакой рабицы между ними не было. Теперь Кира приходила к Тяпе каждый день. Мама понимала, куда исчезают дефицитные сосиски, но не стала ругать дочь. Так продолжалось больше года. Кира ходила на свидания в любую погоду.

Однажды Тяпа приковыляла к забору вся обмотанная какими-то тряпками. Сторож, который давно уже привык к визитам

Киры, объяснил, что Тяпа испугалась грозы и, заметавшись, напоролась на кусок арматуры. Кира стала приходить утром и вечером, спрашивала сторожа не надо ли лекарств. Тот отмахивался. На четвертый день Тяпа лежала рядом с будкой и не смогла подойти к Кире, только жалобно скулила. Через какое-то время Тяпа пропала совсем.

«Дяденька, дяденька! Где Тяпа?» — кричала Кира через забор.

Сторож только махнул рукой и ушел в свой вагончик. Кира проплакала весь вечер и потом долго еще ходила к тому забору в ожидании чуда. Но Тяпа больше не появилась.

В школе Кира училась неплохо. Круглой отличницей не была, но и троек не имела. К учебе относилась как к неизбежной необходимости и не сильно расстраиваясь из-за мелких неудач. В жизни столько интересного помимо школы!

К старшим классам и одноклассники, и мальчишки во дворе вдруг заметили тихую спокойную девушку. В Кире помимо сформировавшейся ладной женственной фигурки появилась неброская на первый взгляд, но завораживающая красота. Светло-русые волосы, миловидное лицо без ярких черт, небольшой чувственный рот не задержали бы внимание при мимолетном взоре, если бы не глаза удивительного зеленого цвета. Не ярко-изумрудного, какие бывают у рыжих, а нежно-оливкового, ближе к серому. Можно искать потаенные страсти в бездонных омутах темных глаз, безнадежно влюбиться в изменчивость морской сини, но сердце успокоится только безмятежной зеленью лесного озера. Дело, конечно, не в цвете. Как это ни банально звучит, в глазах всегда можно разглядеть душу. В них была глубина. Люди, способные увидеть это в сочетании со спокойной, неяркой красотой, инстинктивно тянулись к ней.

Одним словом, у Киры появились поклонники.

Она же не склонна была заводить романы и мысли не имела о возможности интимных отношений.

Кира предпочитала дружить с парнями и была хорошим товарищем. Отношения без сексуального подтекста давались ей легко. Поболтать о чем угодно, сходить в кино или на каток было для Киры проявлением дружбы, а уж что при этом испытывали пылкие юноши и какие фантазии их посещали бессонными ночами, ее совершенно не занимало.

Словно в подарок Кире к окончанию школы, в Изумрудном открыли новый корпус одного из самых престижных городских вузов. В нем разместился архитектурный факультет, на который Кира изначально и собиралась поступать. Профессия архитектора казалась ей творческой и строгой одновременно. Она не имела особой склонности к гуманитарным наукам, но и всевозможные «железки» ее совсем не привлекали. Медицина или юриспруденция, как ей казалось, не предполагали никакого творчества. Другое дело — архитектура! До поступления в институт Кира, конечно, не предполагала, что полет фантазии так строго регламентируется огромным количеством специальных норм и правил. Тем не менее это была интересная и очень престижная профессия.

Главные корпуса института находились в Темниковке. Кира, определившись с выбором, уже смирилась с необходимостью ездить через весь город. Тем более что рядом с институтом жили бабушка с дедушкой. На семейном совете рассматривалась даже идея переехать к ним, чтобы не тратить много времени на дорогу. Но родной Изумрудный словно не хотел ее отпускать. В рекордные сроки в двух остановках от Кириного дома институт отстроил новенький учебный корпус, столовую, двенадцатизэтажную общагу для студентов и перенес сюда архитектурный факультет.

Кира поступила не без труда, но с первого раза и без всякого блата. Училась с удовольствием, хотя на первых курсах и учили в основном общеобразовательной. Приходилось много чертить и рисовать. Но больше всего добивала зубрежка строгих норм.

После окончания первого курса Кире пришлось отправиться в строительный отряд. Она, как комсорг курса, неизбежно была назначена комиссаром.

Студентам строительного профиля, очевидно, было предназначено строить. Кириным отрядом поручили возводить коровник в сельской глуши.

С самого начала стало понятно, что реально здесь существует только стройка. Плохо организованная, из рук вон снабжаемая, никем не контролируемая, но существует. Поселили их в закрытой на лето сельской школе. Кроватей здесь по понятным причинам не было. Спать пришлось на старых, продавленных матах в спортзале. Ни столовой, ни магазина в деревне не было. Вероятно, предполагалось, что готовить они будут сами из продуктов, которые требовалось еще где-то найти.

Командир отряда, взрослый пятикурсник, сбежал домой через неделю. Кира осталась главной среди сорока двух студентов, многие из которых были старше нее. Ей пришлось организовывать питание, доставать материалы, договариваться со строительной техникой.

Девочки, которые были назначены поварами, после трусливого бегства первого руководителя на полном серьезе принесли Кире заявления об увольнении. Мало того, что готовить приходилось на костре, оказалось, что готовить элементарно не из чего. Среди однокурсников начались всеобщие разброд и шатания. Ребята из ее группы, которых она считала друзьями, на второй день ее комиссарства выкрали деньги, предназначенные для покупки продуктов, и отправились в райцентр на зарубежный фильм.

К удивлению Киры, ее поддержали «космонавты». Большую часть ее отряда составляли ребята со специальности, сокращенно обозначаемой на факультете «ВК». Расшифровывали эту аббревиатуру местные остряки, как «воздухоплавание и космонавтика». Студентов с этой специализации, соответственно,

называли космонавтами. На самом деле расшифровывалась аббревиатура гораздо прозаичнее: водопровод и канализация. Конкурс на специальность был самый маленький, вчерашним школьникам название казалось стыдным. Поэтому сложилось так, что учились здесь ребята, в основном отслужившие в армии, успевшие поработать, многие уже с семьями. Вот эти взрослые, по представлениям восемнадцатилетней девочки, дядьки стали для Киры главной опорой. Двое вызвались ловить рыбу в протекающей поблизости речушке. Группа наиболее представительных космонавтов отправилась к председателю колхоза договариваться о выделении продуктов. Остальные беспрекословно выходили на работу. И все получилось: рыбаки неизменно возвращались с уловом, космонавты притащили из колхоза целого барана, девочки научились готовить. Быт постепенно обустроился, работа на стройке пошла своим чередом. Кира даже льстила себе параллелями из «Оптимистической трагедии». Она не сдалась, проявила железный характер и блестяще справилась с руководством. Ребята построили свой коровник, живые и здоровые вернулись домой.

А в конце зимы у нее случился самый настоящий роман, и эта история окончательно вылетела из головы. Еще на первом курсе Кира сблизилась с однокурсницей Аленой. Начитанная, умная, бойкая на язык, Алена оказалась интересной подругой. Киру слегка смущала ее излишняя напористость, а иногда даже бесцеремонность в общении с людьми. Но вскоре Кира привыкла. Кира несколько не удивилась, когда однажды Алена сообщила ей, что познакомилась с симпатичным пятикурсником из авиационного института. Идеальная фигура Алены в сочетании с копной светлых волос привлекала взоры мужчин, как только она появлялась в пределах видимости. Красивые с волокой глаза всегда смотрели на собеседника противоположного пола с таким вызовом, что даже пожилые профессора тереялись и начинали заикаться. Недостатка в ухажах у нее, естественно, никогда не было.

Алена и познакомила ее с Костей. Он ухаживал за Аленой — но без взаимности.

— Вообще, он какой-то инфантильный, маменькин сынок, — предупредила она.

Кире Костя инфантильным не показался. Наоборот, взрослый человек, двадцать четыре года, уже отслужил в армии, оканчивает институт. Для восемнадцатилетней второкурсницы он был воплощением солидности. Разница в возрасте, конечно, казалась ей существенной.

Костя позвал в кино. Кира согласилась. На следующий день они гуляли в парке. Потом Костя пригласил ее домой. Мама приветливо улыбалась Кире, расспрашивала о родителях. Так они начали встречаться. Не то чтобы Кира испытывала какие-то чувства к Косте. Скорее, ей льстило, что с ней красивый взрослый парень. К тому же образованный и широко эрудированный. Помимо прочего оказалось, что Костя готовится защищать диплом на английском языке. Знанием иностранного он щеголял по поводу и без. Похоже, это было предметом его особой гордости.

Именно на почве английского языка произошел случай, который оставил неприятный осадок в душе у Киры. Они впервые оказались в компании его друзей-пятикурсников. Костя неожиданно представил ее как свою невесту. Кира удивилась, но комментировать это никак не стала. Сидели весело, пили вино, слушали музыку. В какой-то момент один из ребят произнес фразу на английском. Судя по дружному смеху, это была шутка, и она удалась. Даже Кирина школьная пятерка не предполагала свободного владения языком. Она ничего не поняла. Тем временем инициативу подхватили, компания перешла на английский. Похоже, продолжали шутить, так как все хотали. Несколько раз обратились к Кире, она ответила, что не понимает. Это вызвало новый приступ веселья, Костя смеялся вместе со всеми. Кира не обиделась, но в глубине души засела небольшая заноза, которая начинала саднить в моменты,

когда Кире казалось, что они с Костей чужие. Тогда она не стала упрекать его в небрежном отношении к себе. Спросила о другом:

— Ты назвал меня своей невестой?

— Разве это не так? — вопросом ответил Костя.

Кира промолчала.

Они продолжали встречаться. Той компании Кира старалась избегать. Зато с Костиной мамой, похоже, отношения складывались неплохо.

В конце весны Константин вдруг сделал ей предложение.

— Костя, это очень неожиданно, мне нужно подумать, — ответила Кира.

— Мне нужно, чтобы ты не тянула с ответом, — продолжал настаивать Костя, — разве нам плохо вместе?

— А что за срочность?

— Мы же любим друг друга, — ушел от ответа Костя.

Он улыбнулся искренне и открыто.

Кира проворочалась всю ночь, а на следующий день как можно мягче сказала Косте:

— Я правда очень ценю... Но давай не будем так торопиться, мы встречаемся всего несколько месяцев. Вернемся к этому разговору чуть позже, хорошо?

— Хорошо, — разочарованно ответил Костя.

Начинались зачеты, висела куча незаконченных курсовых, Кира взялась как следует за учебу. Она не сразу заметила, что Костя появляется все реже.

Однажды вечером он позвонил. Как назло, барахлил блокиратор (одна линия была на две квартиры), Кира слышала Костю урывками, по половине фразы, иногда по неполному слову. «Прости... не смогу... другой... прости...», — Кира не разобрала ничего. Она поняла только, что он за что-то извиняется.

Когда закончилась сессия, Кира вдруг поняла, что Кости нет давно. Она все же не стала звонить сама, решила подождать.

Снова начиналась пора стройотрядов. Кире нужно было по каким-то делам попасть в административный корпус института, и она отправилась в Темниковку. В переполненном троллейбусе ей пришлось висеть на поручне прямо над сидячими местами. Невольно она прислушалась к разговору двух женщин. Одна из них рассказывала другой о своем сыне. После описания всех его достоинств, она с особой нежностью сказала: «Вот женился недавно, такую замечательную девушку нашел, они чудесная пара». Потом совсем тихо, видимо на ухо соседке: «Главное вовремя. Это очень помогло при распределении».

Голос женщины показался Кире знакомым. Она опустила глаза и увидела Костину маму. Боясь, что та тоже ее заметит, Кира протиснулась на другую сторону. Самое удивительное, что не было ни обиды, ни разочарования. В какой-то момент Кире даже показалось, что она чувствует облегчение.

Судьба свела их с Костей еще раз. На третьем курсе «англичанка» уговорила их с Аленой участвовать в межвузовской языковой конференции. Необходимость вы зубрить довольно объемные тексты докладов, в которых они не понимали ни слова, компенсировалась «автоматом» за семестр.

Оглядывая зал конференции, Кира вдруг увидела Константина. Он сидел чуть впереди и их не замечал. Кира ткнула Алену в бок и головой указала на Константина. Алена округлила глаза. «Он же окончить должен был уже. Чего он здесь-то забыл?» — прошептала она.

Кира пожала плечами.

Константин оказался аспирантом. Его доклад объявили одним из первых. Кира не могла потом объяснить, что за черт ее дернул. Даже себе она не отдавала отчета в том, что сделала. Пока Константин выходил к трибуне, она прошла и села на свободное место в первом ряду. Прямо напротив трибуны. Села и стала в упор сверлить Константина взглядом. Тот бодро начал доклад на прекрасном английском и в какой-то момент

встретился взглядом с Кирой. Вначале он, казалось, ее не узнал и по инерции произнес еще несколько фраз. Потом взглянул на нее еще раз, смутился, заглянул в текст, опять посмотрел на Киру и, похоже, потерял нить своей речи. Дальше он с трудом выдавливал из себя фразу за фразой, путался и кое-как домучил доклад до конца. С трибуны он, к облегчению Киры, пошел сразу к выходу. Она оглянулась. Алена, победно улыбаясь, показывала ей большой палец. Когда дошла их очередь они отбарабанили свои доклады и покинули конференцию с чувством глубокого удовлетворения.

ГЛАВА 6

* * *

Эрик вернулся из армии поздней осенью. Нужно было срочно восстанавливаться в университете и приступать к учебе, шла уже середина семестра. Как следует погулять и отметить возвращение не удалось. Кроме того, все парни с его курса, включая Костю Мавридаса, еще служили и должны были вернуться только весной. Эрик попал в новую, чужую для него группу. Сокурсники казались сущими детьми. Служба в армии превращала двухлетнюю разницу в пропасть. Эрик снова оказался вырванным из привычной среды, теперь уже армейской, и чувствовал себя крайне неуютно. К тому же вникать заново в учебу было невероятно тяжело. Школьные знания забылись напрочь. Спасало лишь снисходительное отношение преподавателей. Они вполне представляли состояние Эрика и прощали ему очень многое. Зимнюю сессию он кое-как сдал на тройки только благодаря их милости.

Дефицит общения в университете заставил Эрика искать старых друзей. Лева и Седой служили. Все, кроме Эрика, попали в весенний призыв и ушли на полгода позже. Из школьной компании нашелся только Арсений, не попавший в армию из-за плохого зрения. Позже объявился очень радостный Кама. Он успел послужить около года и то ли успешно закосил, то ли правда переболел менингитом и был досрочно комиссован. Эрик встречался то с Арсением, то с Камой по очереди. Свести их вместе не получалось. Каму, за отсутствием Эрика, уже прочно затянуло на темную сторону. Он непрерывно влезал

в какие-то криминальные истории, время от времени запивал по-черному, имел соответственный и уже устоявшийся круг общения. Эрик относился к этому спокойно, «базар по фене» понимал и со своим уставом в их монастырь не лез. Служба в армии научила его многому, в том числе искусству коммуникации с любым чуждым разумом. Кроме того, казарменная жизнь, как оказалось, переняла очень много из тюремного быта. И в первую очередь жаргон. Даже дежурный в его роте при построении на прием пищи вместо уставной команды орал: «Строиться на пайку!»

Арсений же, эстет, интеллектуал и интеллигент в третьем поколении, проникнуть в Камину параллельную реальность не мог и не желал. Его тонкое чувство прекрасного не выдерживало одного Каминового вида. Эрику приходилось постоянно лавировать. У него остались только эти два близких друга.

В один прекрасный мартовский день Арсений сообщил Эрику не менее прекрасную новость о том, что родители его уезжают в другой город к родственникам и огромная трехкомнатная «сталинка» остается в полном их распоряжении. Эрик немедленно отправился к нему составлять план действий. Третьим в компанию Арсений позвал своего приятеля Марика. Красавец, жгучий брюнет с гривой кудрявых волос, веселый и остроумный Марик в компаньоны вполне годился. На вечер решили пригласить трех инфаковок из университета. Чудесные девушки, способные поддержать светскую беседу, много выпить и после выпитого, возможно, слегка ослабить свои моральные принципы. Парни очень рассчитывали на последнее.

Советское руководство на закате Империи затеяло «последний и решительный» с алкоголизмом. Бутылочное пиво перекочевало из сферы торговли в сферу «по благу». Оставалась надежда на разливное. В другие, более благополучные времена, инфаковки при упоминании разливного пива сморщили бы носики. Но антиалкогольная кампания продолжалась уже

давно, иллюзий никто не питал, и они благоразумно согласились на плебейский напиток.

Пиво продавали из фанерных ларьков, расположенных преимущественно на пустырях. Выбор места был не случаен. Задолго до того, как к ларьку подъезжала цистерна с пивзавода, чтобы наполнить находящиеся в ларьке емкости, вокруг собиралась огромная толпа жаждущих. Они маялись в ожидании большими компаниями и по одному, травя анекдоты, непрерывно перекуривая и нервно вытягивая шеи. Наконец, в толпе прокатывался рокот: «Корова едет, Корова!» Все скопом бросались к бойнице ларька, устраивая давку. Нужно было занять наиболее благоприятные места, чтобы побыстрее добраться до вожделенного напитка. После начала торговли из округи подтягивались более уверенные в себе граждане, не утруждающие себя пустым ожиданием и готовые пробиться к заветной бойнице через любую толпу.

Эрик с ребятами потратили половину дня, обходя все ближайшие точки. Выходной, да еще предпраздничный день, внес дополнительную ажитацию в ряды поклонников пенного напитка, а пара пивнушек оказалась вовсе закрыта. Давно перевалило за полдень, а парни до сих пор были «пустые».

— Надо ехать в Изумрудный к Учкудуку, — решительно изрек Марик, — туда пиво привозят после обеда, всяко еще есть.

— Поехали, — согласился Эрик.

Учкудуком народ нарек огромный пустырь в Изумрудном, на котором располагались сразу три пивных ларька. Пока допилили до Изумрудного на трамвае, день уже начал склоняться к закату. Конечная остановка, так называемое трамвайное кольцо, располагалась в непосредственной близости к «Учкудуку». От остановки казалось, что на пустыре поселился дракон о трех головах. Одноглазые головы — ларьки — оставались неподвижными. Зато шеи, отходящие от этих голов и соединяющиеся в аморфное тело, находились в постоянном движении.

Они то сужались, то расширялись, по ним прокатывались волны. Весь этот клубящийся ужас мог навести уныние на кого угодно, только не на нашу троицу. Движение означало, что пиво есть. Это было главным. Как до него добраться — вопрос второстепенный. Парни подошли ближе, выбирая драконову шею послабее. Жаждающие не на жизнь, а на смерть бились в плотном потоке, чтобы пробраться к окошечку ларька. Счастливики, уже заполучившие заветный напиток, пытались выбраться обратно с полными трехлитровыми банками или раздутыми полиэтиленовыми пакетами в руках. Часто это оказывалось гораздо труднее, чем добраться до бойницы. Многие вырывались из толпы с уже полупустой тарой или с ошметками пакетов в руках. Трагедии у «Учкудука» разыгрывались почище шекспировских.

Ребята запаслись десятилитровыми канистрами. По одной на каждого. Возможно, тридцать литров пива на шестерых, половина из которых девушки, покажется кому-то чрезмерным количеством. Однако из-за пары банок не стоило и биться. Кроме того, тридцать литров бы и не вышло, так как пиво — напиток очень пенный. При быстром наливе из крана пена составляла как минимум треть объема. Окошко ларька, конечно, украшала глумливая табличка «Дождитесь отстоя пены и требуйте долива». Смельчаков, однако, не находилось. «Пивники» в то время делали на пене нешуточные состояния.

Поразмыслив, Марик скомандовал: «За мной!»

Зайдя за один из ларьков сзади, он поведал план: «Я влезу наверх. Эрик, ты самый крепкий, пробивайся с деньгами к окошку. Я подам тебе сверху канистры, одну за другой, потом заберу полные».

Бабушка Марика, Юдифь Соломоновна, в таких случаях говорила: «Гениальный человек гениален во всем!» Впрочем, вряд ли бы она была в восторге, знай, где применяет свою гениальность ее беспутный внук.

Марик, не мешкая, взобрался наверх и тут же распластался там, чтобы не привлекать внимания и не провалиться ненароком внутрь через тонкую крышу. Арсений остался сзади принимать полные канистры.

Эрик оглядел еще раз толпу, выбирая слабые места, и ринулся вперед, сжав деньги в кулаке. Армия научила его выживать в любых условиях, придала жесткости и наглости, совсем не присущих интеллигентному юноше до попадания в ее жернова. Не особо торопясь, но упорно и решительно двигался он в толпе, пытаясь чуть опередить остальных претендентов. В какой-то момент рядом с ним остервенелая толпа особенно сильно сдавила худосочного мужичка, выбирающегося с полным мешком пива. Тот хрюкнул и выпустил его из рук. Все содержимое плохо завязанного мешка (кто же даст его завязать хорошо в такой давке) хлынуло на самого несчастного и оказавшихся рядом с ним в толпе. Эрика тоже слегка окатило, но он только воспользовался секундным замешательством окружающих, чтобы продвинуться дальше. Пару-тройку раз ему прилетало еще немного пены из банок, которые несли незакрытыми, держа для надежности всей кистью за край горловины.

Наконец ему удалось пристроиться в хвост от замороженной ватаги, прущей клином и нагло расталкивающей всех, кто попадался. Когда те пробились к бойнице и начали выбирать свое пиво, Эрик аккуратно внедрился внутрь, даже помог им передать пару пакетов с пивом, и в тот самый момент, когда они отхлынули с добычей, сделал последний рывок и мертвой хваткой вцепился в решетку бойницы. Марик, зорко следивший за событиями, уже подавал сверху канистры. Эрик опять мысленно поблагодарил армию. Он всегда отличался хорошим ростом, но в юности был крайне худощав. В армии он не только хорошо отъелся, но и обзавелся внушительными мышцами. Обязательные нормы на турнике и занятия в импровизированной

«качалке» не прошли даром. Эрик отражал широкой спиной и локтями накатывающие людские волны до тех пор, пока последняя канистра не ушла наверх. Выбираться действительно оказалось труднее. Основной вектор движения толпы был направлен в сторону бойницы, причем с боков, вдоль лицевой части ларька, лезли не менее настойчиво. Пробиваться в одиночку приходилось «против шерсти». Кроме того, после выполнения основной миссии пришла расслабленность. Поняв, что уже долго барахтается на одном месте, Эрик, рискуя нарваться на настоящую драку, включил локти и пошел напролом. Наконец, удалось вырваться. Марик с Арсением уже поджидали его с лучезарными улыбками.

— Боец! Ничего не скажешь! — подбодрил его Марик, — не зря мы на тебя поставили.

— Ну вас, я в пиве с головы до ног, — устало ответил Эрик, — и напился, и искупался!

— Поехали быстрее, скоро уже девчонки подъедут, — начал торопить Арсений, — весь день угрохали!

* * *

Кира возвращалась на трамвае домой. Она ездила в кассы за билетами. На следующий день они с Аленой улетали в Симферополь на преддипломную практику. Эту поездку на две недели им устроил молодой декан факультета Всеволод Евгеньевич, которого за глаза все называли просто Сева. Он очень неровно дышал к Алене. Кира подозревала, что между ними уже что-то было, но Алена не кололась, только отводила глаза. Какими правдами и неправдами Сева выбил им эту практику, Кира не представляла. Всех отправляли в местный «Гражданстрой», а их — в проектный институт в Севастополе. Конечно, дорога была непростой: самолетом до Симферополя, дальше на перекладных, да и не сезон, чтобы купаться. Но море...

Выйдя из трамвая на конечной, Кира пошла пешком. Можно было пару остановок проехать на автобусе, но погода стояла чудесная, начало весны. Глядя неприязненно на огромную толпу, бьющуюся за пивом на пустыре, Кира прибавила шаг. Нужно успеть собрать вещи до прихода Алены. Они договорились, что Алена зайдет к ней из института, где торчала у Севы, и они вместе поедут к Алене домой. Рейс на Симферополь вылетал в шесть утра. Кире из Изумрудного пришлось бы добираться до аэропорта с двумя пересадками. Квартира досталась Алене в наследство от бабушки, и жила она в ней одна, отдельно от родителей.

* * *

Уже в трамвае Эрик понял, что облили его пивом изрядно. Особенно досталось белоснежному шарфу. Хоть выжимай.

— Парни, я буквально на пять минут забегу домой переодеться. Так бы наплевать, но девушки же будут.

Эрик выскочил на своей остановке и помчался домой. Уже темнело и время вечеринки стремительно приближалось.

На счастье, родителей дома не оказалось. В квартире, не торопясь времени, Эрик быстро развесил промокшую одежду по батареям и пошел умываться. Можно было принять душ, но это заняло бы уйму времени. Когда Эрик, уже одетый, выходил в коридор, бешено затрезвонил звонок входной двери. На пороге стоял улыбающийся Кама.

— Привет, братан! Здорово, что я тебя застал!

Он повел носом:

— Ты хлеб, что ли, печешь?

По квартире действительно распространился изумительный запах свежего хлеба. В те благословенные времена живое пиво варили исключительно из натуральных ингредиентов.

— Нет, пивом облился. Одежду сушу.

— Слушай, Эрик! Ты мне очень нужен! Выручай, друг! Считай, вопрос жизни и смерти, — Кама выглядел серьезным. — Я «бомблю» сегодня на отцовской машине, деньги нужны — край. Подобрал двух девчонок в Изумрудном. В центр везу. Одна — не поверишь! С первого взгляда! На дорогу не смотрю, только на нее. Они утром улетают, так я пообещал их в аэропорт отвезти. Ну и в гости напросился.

— А я при чем? — удивился Эрик.

— Подруга у нее, волком на меня смотрит! Ты мне нужен как воздух! Заболтай ее, отвлеки от нас, главное. Ну, честно скажу: тебе там наверняка не выгорит ничего, правильная она. Брат, на тебя вся надежда!

Машина стояла прямо перед подъездом. На переднем сиденье нетерпеливо ерзала яркая блондинка с красивым кукольным личиком и совершенно бесстыжим взглядом. Эрик мысленно присвистнул. «Ну ты, Кама, и попал!» — подумал, оценивая красоту. Машина у Камы была двухдверная. Чтобы пропустить Эрика назад, девушке пришлось выйти. Фигура у нее тоже оказалась потрясающая, Каму можно было понять. Быстро протискиваясь на заднее сиденье, Эрик не сумел толком разглядеть свою соседку. Успел только заметить черное пальто и шапку а-ля Барбара Брыльска в «С легким паром!» Теперь, оказавшись рядом, он пытался наблюдать за ней краем глаза.

— Девчонки, все хорошо! Сейчас еще в одно место заскочим за пивом, и я домчу вас с ветерком, — бодро затараторил Кама, — кстати, это — Эрик. Эрик, знакомься: Алена, Кира.

Кира бросила короткий, как показалось Эрику, неприязненный взгляд в его сторону и негромко сказала:

— Доехали быстро на «частнике»!

— Да ладно тебе, никуда не опаздываем, — отозвалась Алена.

— Эрос, — вдруг громко представился Эрик.

Алена развернулась всем телом и заинтересованно уставилась на Эрика в упор. Она медленно взмахнула ресницами и прошептала: «Звучит ОЧЕНЬ эротично!»

Кира, наконец, повернулась к нему, посмотрела открыто и, кажется, немного удивленно. В этот момент Эрик понял, что влип не Кама, а он. Что он поедет в этой машине куда угодно, только бы рядом была она. Впрочем, Кира тут же отвернулась опять, всем видом показывая, что не собирается поддерживать беседу.

Когда подъехали к дому Арсения, Эрик начал мяться.

— Может ну его, это пиво? Неудобно вот так вламываться и демонстративно забирать канистру, — начал он.

— Я с тобой пойду, — вдруг заявила Алена, почувствовав его нерешительность, — давай быстрее, полдня уже катаемся!

— Ну, пошли, — согласился Эрик.

В тот момент ему требовалась какая-то поддержка и, мысль пойти вдвоем показалась ему удачной.

Открывший им дверь Арсений удивленно вскинул брови.

— Это Алена, — представил девушку Эрик.

Они прошли через длинный коридор в гостиную. Здесь Алена представилась всем сама:

— Здравсьте! Я — Алена! — громко заявила она с порога.

Последовала тягостная немая сцена, которую она сама же и прервала.

— Ну, что у вас так тихо? Болеет кто?

Шутку, похоже, не оценили.

— Сень, поговорить надо, пошли на кухню, — потянул Эрик Арсения за рукав.

В коридоре Арсений перешел на громкий шепот:

— Сдурел? Ты какого ЭТО сюда притащил? Договорились же, нормальные девки, три на три. А она зачем?

— Я канистру свою заберу и свалю, ладно? — спросил Эрик.

Глаза Арсения за толстыми линзами стали как у телескопа в аквариуме.

— Заберешь свою канистру и свалишь? — переспросил он, — ах, Кама! Знаешь, что, Эрик! Пошел ты...

Все рушилось.

Эрик потихоньку вытащил канистру в прихожую и вернулся за Аленой.

Та к тому моменту успела схватить со столика невесть откуда взявшийся там томик Мольера, перелистнула несколько страниц и надменно заявила:

— Ах, это перевод Лозинского! Очень слабо! Мольера можно читать только в переводе Донского.

Ответить никто не решился.

— Молчу. Но не могу не думать, — добавила Алена в звенящей тишине.

Инфаковки находились в глубочайшем ступоре и не смогли проронить ни слова. Арсений кипел от возмущения. Веселился один Марик. Он, трясаясь от беззвучного смеха на диване, незаметно от всех показал Эрику большой палец и закатил глаза, выражая восторг.

— Смурные какие-то у тебя друзья, — выдала Алена Эрику уже на лестнице.

— Нормальные они. Просто не ожидали, что я так вот уйду, — ответил Эрик.

Алена вдруг резко остановилась, Эрик чуть не налетел на нее. Она повернулась к нему и оказалась совсем рядом. Эрик почувствовал прикосновение ее груди.

— Эрос, послушай, — начала Алена.

Она медленно подняла на него глаза. Взгляд казался затуманенным.

«Этого только не хватало!» — похолодел Эрик.

— Пошли быстрее, там Кама ждет, — выдавил он из себя и скорее посыпался вниз по лестнице.

В машине Алена весело рассказывала про ошалевших девочек, немую сцену и злобного хозяина квартиры.

— А этот кудрявый ничего, веселый, — вспомнила она про Марика.

Квартира у Алены действительно оказалась в самом центре. Очень уютная, неплохо обставленная. Но однокомнатная.

Выпивать сели по советской традиции на кухне. Кира первое время больше молчала. Но, приглядываясь к Эрику, повеселела.

Кама, подвыпив, вошел в раж и выдавал весь свой репертуар. Алена тоже оказалась не из молчаливых. Эрик с Кирой слушали, лишь изредка участвуя в разговоре. Ближе к полуночи Кама с Аленой из кухни исчезли, потом Алена притащила на кухню матрас и подушку. И вышла, плотно притворив дверь.

Исчезла неловкость, сковывавшая их во время совместного застолья. Они могли говорить откровенно, без оглядки на посторонних слушателей. Могли смотреть друг на друга, не боясь, что кто-то перехватит взгляд. Проговорили до самого утра.

Кира рассказывала про будущую практику, а Эрик сокрушался, что ни разу не был в Крыму, хотя там полно всевозможной родни. Семья его была из крымских греков, появившихся на полуострове еще при Екатерине II.

— В Крыму ни разу не был, представляешь? А на море всего один раз в жизни. И то зимой, проездом, — жаловался Эрик.

Он рассказал про школьную поездку в Армению. Кира хотала не сдерживаясь, искренне и очень заразительно. Когда она смеялась, Эрику казалось, что в щелочках ее глаз сверкают искры.

Зазвенел будильник, хлопнула дверь в ванную комнату. Алена стояла на пороге кухни и удивленно качала головой.

Эрик в аэропорт не поехал. Глядел вслед удаляющейся «восьмерке»... На улице стало ощутимо морознее, чем вчера. Зима не хотела сдавать позиции. Дул невыносимо холодный ветер, с неба сыпались мелкие пенопластовые шарики. Если бы Кама не застал меня, думал он, я лежал бы сейчас в тепле на Сенькином диване. И никогда не познакомился бы с НЕЙ...

Через две недели Эрик стоял в аэропорту с дурацким букетом из желтых цветов и встречал рейс из Симферополя.

* * *

Кира заметила его издалека и пошла к нему наискосок основному потоку пассажиров, то и дело на кого-то натываясь. Подошла буквально вплотную, остановилась и посмотрела в глаза. Прямо, открыто. Тяжелая сумка выскользнула из рук на замызганный пол. Эрик взял ее озябшие ладошки и прижал их губам. Кира смущенно прошептала: «Эрик!» — и вдруг сама коротко поцеловала его в губы. Так случился их первый поцелуй.

Теперь он разглядывал Киру не стесняясь.

Пушистая шапка, хоть и была уже не совсем по погоде, очень ей шла. В обрамлении беспрестанно колышущихся на ветру ворсинок лицо ее казалось еще изящнее. Кира шла легкой, очень женственной походкой, забавно цокая каблукчиками по асфальту, только появившемуся в больших проталинах.

Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы. И эти цветы очень отчетливо выделялись на черном ее осеннем пальто. (с)

«Надо было купить розы, — подумал Эрик, — кажется, она говорила, что любит розы, а я забыл, вот балда!»

Впрочем, на розы денег не хватило бы. Если только на одну.

Всю дорогу он пытался заглянуть в ее оливковые глаза. Нес какую-то чушь, пытаясь вызвать улыбку девушки, а лучше смех, чтобы ее чувственный рот приоткрылся, обнажая ровные мелкие зубы, а в глазах заплясали искорки. А Эрик смотрел бы на это чудо не отрываясь. Автобус нещадно трясло, и Кира сама приобняла его свободной рукой за талию.

Около подъезда Эрик, боясь, что сейчас придется расстаться, забормотал, что вот вечером... Кира так же, как в аэропорту,

подошла к нему вплотную, посмотрела прямо в глаза и еле слышно сказала: «Поднимайся, родители на работе».

Очнулись оба уже в постели, когда все закончилось. Кира выглядела смущенной и прятала лицо на груди у Эрика. Он же был счастлив настолько, насколько может быть счастлив человек, который добился главного успеха в своей жизни. Покорил самую высокую вершину, выиграл самый важный матч, добился женщины, о которой мечтал.

Эрик не мог насмотреться, не мог нацеловаться, не мог надышаться ею.

В сумерках, в полной прострации он направился куда-то от Кириногo подъезда. Мысли путались, по лицу блуждала глупая улыбка. Такого с ним еще не случилось никогда.

Больше всего Эрик боялся, что после близости с Кирой с ним произойдет обычная перемена: он мог пылать нешуточной страстью, даже совершать безумства, но все это — «до». После первой же близости с Эрика будто слетало наваждение. Девушка становилась совершенно безразлична, отношения тягостны. Эта метаморфоза происходила буквально в первые секунды после пика близости. То есть минуту назад: «Милая, какое же это счастье!», а по ее окончании: «Зачем я здесь? Что я делаю? Надо валить!» И валил. Если девушка была ему хоть чем-то дорога или казалось стыдным ее обидеть, Эрик заставлял себя проявить уважение и делал вид, что все хорошо. Отношения становились пыткой и неизбежно скоро заканчивались.

Эрик не был бездушным негодяем. Его терзала совесть. Только что здесь поделаешь? Невозможно заставить себя любить.

Две недели он думал только о ней с нежностью и трепетом. Мечтал о близости — и обдумывал, как этой близости избежать. Ему приходила в голову даже бредовая мысль предложить ей принципиально платонические отношения. Проблема бы отпала, если бы Кира, к примеру, оказалась девственницей и не допустила близости сама... Теперь, когда все случилось само

собой, без участия разума, на одних эмоциях, Эрик прислушивался к себе и с восторгом осознал, что Кира не только не стала ему неинтересна. Наоборот, ему хотелось видеть ее еще и еще. Он готов был сейчас вернуться, взбежать по лестнице до ее квартиры только для того, чтобы еще раз поцеловать. Он даже остановился в нерешительности, не повернуть ли назад. Эрик огляделся, понял, наконец, где находится, и двинулся в сторону остановки. Душа его пела.

Они стали встречаться почти каждый день. Много гуляли, разговаривали. Эрику хотелось, чтобы их встречи не были банальными, каждый раз он стремился придумать что-то особенное. Только выбор был невелик: не на дискотеку же ее вести. Они ходили на все художественные выставки и вернисажи, старались попасть на концерты и поэтические вечера. Один раз им удалось даже оказаться на нелегальном выступлении легендарного рокера, запрещенного тогда в родном Городе.

В самый разгар он был выдворен из него властями и вроде бы устроился в культурной столице. Сейчас в Город прибыл инкогнито и из-за полного безденежья решил на подпольный концерт. Никаких афиш, естественно, не было. Только «сарфанное радио» в студенческой среде. Эрик с Кирой сумели прорваться в битком набитый небольшой зал. Пускали без всяких билетов, собирая по рублю с каждого входящего. Мэтр отечественного рока потом, после развала Империи, написал еще много замечательных песен, ставших настоящими хитами. Легко собирал стадионы. Переполненные, ревущие и подпевающие во все горло. Но этот концерт для Эрика остался лучшим. Когда человек, которого ты считаешь легендой, выходит к тебе с облезлым стулом и акустической гитарой, садится на самый край сцены, начинает вполголоса что-то рассказывать, а потом также негромко исполняет свои песни в звянящей тишине зала, кажется, что ты присутствуешь на настоящем таинстве.

А тогда они с Кирой вышли после концерта из душевного зала на улицу и долго не могли прийти в себя. Вокруг звенела весенняя капель, под ногами хлюпал подтаявший снег, в воздухе пахло свежестью, чем-то пьянящим и тревожным одновременно. Эрик с Кирой шли, взявшись за руки, не замечая шума вечерней улицы. В ушах еще звучал хриплый голос. И стихи. О родном Городе, о любви, о вечном.

Всю весну они не расставались. Каждую свободную минуту Эрик старался вырваться к Кире. Времени они проводили вместе много, но вот с настоящими свиданиями все выходило не очень гладко. Остаться наедине им было совершенно негде. Ночевать у друзей после вечеринок казалось Эрику пошлым. Только не с Кирой! Алена пару раз милостиво намекала на гостеприимство, тем более что они с Камой продолжали встречаться. Но к Алене Эрик теперь испытывал какое-то чувство неловкости. В итоге они стали встречаться по утрам, вместо института. Кира уже вышла на диплом и имела почти свободный график, а Эрик просто прогуливал лекции. Он ощущал себя школьником, поначалу даже некстати вспомнил Настю.

Кира никогда к нему не приходила. Он сам ездил к ней в Изумрудный. Однажды так же, как когда-то мама Эрика, совершенно некстати вернулся отец Киры. Увидев мужскую куртку на вешалке и чужие ботинки, он, не проходя в квартиру, крикнул Кире из прихожей, что возвращался за какой-то папкой, и ушел.

ГЛАВА 7

* * *

Больше всего Эрика угнетало постоянное отсутствие денег. Стипендии и небольших карманных денег от родителей ему до армии, хоть и впритык, как-то хватало. Сейчас он ощущал себя взрослым человеком, и у него была Кира. Он хотел делать ей подарки, водить пусть не в рестораны, хотя бы в кафе. А денег едва хватало на столовую. В конце концов, он уже задумывался о совместной жизни.

Эрик был уверен, что нашел свою судьбу. Его терзало чувство несостоятельности, невозможность немедленно сделать Кире предложение, встречи на улице, близость украдкой... Но о свадьбе нечего было и помышлять. Эрик даже прикидывал, куда сможет устроиться на работу, если бросит университет.

Старший брат Камы, Валерий, сказал однажды:

— Вы бы хоть на шабашку какую устроились, бандерлоги. Только и знаете, что на родительские деньги пиво лакать.

Он был старше Камы на пятнадцать лет и уже занимал хорошую должность в строительном тресте.

Эрик серьезно заинтересовался.

— Я только вчера с человеком разговаривал, — объяснил Валерий. — Он людей вербует на стройку в Одессе. Деньги хорошие. Попытался со мной договориться, чтобы я каменщиков ему «подогнал». Но у нас и так рабочих рук не хватает. Да и не поедут наши за тридевять земель по мутной схеме...

В Одессе, оказывается, шло активное строительство санаториев и домов отдыха. Прямо ударная стройка! Местных рабочих не хватало, набирали шабашников по всей стране.

На следующий день Эрик был в строительном тресте. В кабинете у Валеры сидел плотный лысоватый дядька в потертом коричневом костюме и жутком полосатом галстуке.

— А, Эрик, — поднял глаза Валера, — вот, Василий Петрович, нашел я вам специалиста широкого профиля,

— Каменщик? — недоверчиво спросил дядька.

— Не, я... — замялся Эрик.

Вдруг он вспомнил, как в армии их в качестве субботника заставили выкапывать траншею под фундамент какого-то здания, а потом заливать его бетоном. Эрик участвовал в сборке дощатого каркаса, который прапорщик называл «опалубкой».

— Я по опалубке, — выдохнул он.

Валера удивленно вскинул брови. В уголке рта появилась ироничная улыбка.

— Опалубщик? — оживился Василий Петрович, — пойдет, пойдет. Бетонных работ много. Условия шикарные, сынок!

Он предложил чистый оклад — триста рублей в месяц, проезд туда-обратно оплачиваем, суточные и талоны на питание. Но главное — стройка у моря. Лето! Курорт!

Триста рублей!..

— Я только на один месяц, — предупредил он Василия Петровича, — у меня учеба.

В университете Эрик немедленно развил бурную деятельность. Если он вернется в конце июня или даже начале июля, он пропустит только два экзамена. Все складывалось не так уж катастрофично. Эрик написал заявление «по семейным обстоятельствам», в деканате пошли навстречу, эти два экзамена перенесли на июль с индивидуальной сдачей. Однокурсники крутили пальцем у виска.

Мысль о том, что они не увидятся так долго, расстраивала его, но он готов был потерпеть. Зато он вернется богатым как Крез.

— Хорошо! Если ты так решил, поезжай. Я буду тебя ждать. Буду очень-очень скучать! — улыбнулась Кира.

Родители отнеслись к затее Эрика без энтузиазма, но отговаривать не стали. После службы в армии он казался им повзрослевшим и самостоятельным.

В назначенное время Эрик был на вокзале. Василий Петрович раздал им билеты и суточные на месяц.

— Так, вы — бригада бетонщиков, поедете вчетвером в одной плацкарте, заодно и познакомитесь, — сказал он, отделяя от группы хмурых мужиков Эрика и еще троих молодых людей.

— Кирилл, — представился старший из них. На вид ему было лет тридцать и на строителя он никак не походил. Интеллигентное лицо и нежные руки выдавали в нем работника умственного труда. Так оно и оказалось: программист в ИВЦ. Впрочем, другие попутчики производили впечатление рабочего класса. Василий Петрович выловил их у отдела кадров какой-то строительной конторы. Виктор, крепкий коренастый парень с простым открытым лицом и огромными руками, только что уволился из армии, а до того действительно работал на стройке. Глядя на его широкие, корявые ладони, Эрик представил себе их сжатыми в кулак и подумал, что если такой прилетит в драке, мало точно не покажется.

Алексей Иванович, как он представился, был очень молод и чрезвычайно худощав. В нем чувствовалась какая-то общая изможденность, что ли. Ни по возрасту, ни по виду своему, отчества он явно еще не заслуживал и быстро стал Лешкой. При этом он заявил, что имеет большой опыт бетонных работ.

Когда в поезде стали укладываться, он их удивил: не застелая матрас, бросил скомканное белье под голову и улегся поверх в одежде.

— Нам, вообще-то, больше двух суток ехать, ты бы застелил постель по-человечески, — посоветовал ему Эрик.

— Самому постель стелить западло, — заявил Лешка.

— Чего тебе западло? — опешил Эрик, — постель заправлять?

— Ты где этого дерьма нахватался? — вступил Кирилл.

— Это не дерьмо, а понятия!

— А ты что, блатной или в законе? — поинтересовался Эрик. — Может, ты и срок мотал?

— Не в законе, но пацан правильный, — ответил Лешка. — А срок свой я в Атляне на малолетке отмотал.

— А мыться тебе понятия не запрещают? — уже весело поинтересовался Эрик, — нам с тобой месяц вместе жить.

На этом дискуссия временно прекратилась. Эрик не очень верил в реальность сказанных Лешкой слов. Не было в его взгляде ни колючей цепкости, которую Эрик замечал у бывших сидельцев, ни ледяной пустоты. Теперь, когда начал специально приглядываться, замечал он скорее прорывающуюся изредка безысходную тоску, обреченность, как у идущего на убой быка. А в общем и целом обычный был взгляд у Лешки, иногда по-детски упрямый, иногда по-детски же заинтересованный. Многих элементарных вещей он не знал. Да и уровень мышления был, похоже, на уровне ученика младших классов. Это, конечно, наводило на размышления. Но не обязательно указывало на то, что всю юность тот провел за колючей проволокой. Эрик склонялся к тому, что парнишка нахватался на улице блатной романтики и воровских понятий, а теперь просто пытается поставить себя во взрослом коллективе. При этом был он человеком в общем-то беззлобным и со всеми в итоге сдружился. С ним было тяжело договариваться только по некоторым вопросам из-за понятий, которые он втемяшил себе в голову. Постель он, к слову, не заправлял потом и в общежитии.

* * *

В Одессу поезд прибыл ранним утром. К месту назначения — 10-й станции Фонтана — добрались без приключений, туда от вокзала шла прямая трамвайная линия. Общежитие и стройка оказались посреди то ли леса, то ли запущенного парка.

От трамвайной остановки дорожка петляла среди огромных вековых деревьев. Прохладный утренний воздух был особенно свеж, с моря начинал тянуть легкий бриз. В лесу просыпались птицы. Эрику казалось, что он действительно приехал на курорт, а не на работу. Иллюзия усиливалась тем, что под общежитие использовали корпус старого санатория. Он утопал в зелени грецкого ореха, а вдоль дорожек, разбегающихся лучами в разные стороны, росли самые настоящие абрикосы. За общежитием сразу начинался крутой склон, обрывающийся у самого моря. Рядом, на этом же холме, располагалась и строительная площадка. Оформившись, первым делом побежали купаться. Оказалось, что все были на море в первый раз.

Начались трудовые будни. Строили фундамент главного корпуса, все работы происходили в огромном котловане. Стройплощадку называли «ямой».

В Одессе уже в начале июня стояла страшная жара. В середине дня на раскаленной стройплощадке невозможно было прикоснуться ни к чему металлическому без риска получить ожог. Поэтому начинали в шесть, заканчивали в обед. Это нравилось новоявленной бригаде «опалубщиков» чрезвычайно. С раннего утра они занимались подготовкой деревянных каркасов. Бетон для заливки привозили к обеду. Если удавалось закончить опалубку раньше, ребята просто валяли дурака в ожидании. После заливки, если ничего не развалилось, они были свободны. А развалиться могло, и это сильно удручало ответственную часть коллектива, то есть всех, кроме Лешки.

Проблема заключалась в том, что на этой стройке совсем не оказалось пригодных материалов. Гвозди зачастую приходилось использовать одни и те же, выпрямляя их на кирпичках после извлечения из досок. Из инструмента имелись: один ржавый гвоздодер и пара видавших виды молотков. Конструкции получались хлипкие. Большая часть бетона вытекала через щели. Всем было как будто наплевать на это, и ребята молча

делали то, что получалось. Иногда они с завистью смотрели на соседнюю стройку. Там работали местные, все было четко организовано и строящееся здание росло на глазах. В очередной раз бездельничая в ожидании миксера с бетоном, ребята наблюдали за слаженными движениями сразу двух башенных кранов, чуть не бегом носящимися такелажниками и слушали веселую перебранку каменщиков.

Сразу после заливки бетона они прямо в рабочих робах, не переодеваясь, направлялись к ближайшей пивнушке. Этот родник являл страждущим свою живительную влагу в бесподобно красивом месте: на огромной поляне между высоких поросших лесом холмов. Толпы граждан беспрестанно осаждали единственный островок порока, но перед парнями в рабочих спецовках — с ног до головы в цементе, роботы неопределенного цвета, ботинки в бетоне похожи на голландские клоmps — почтительно расступались.

Ребятам это бесконечно льстило. Трехлитровыми банками, или, как их здесь называли, баллонами, они обзавелись уже на второй день. Без своей тары у пивной делать нечего. Культура розлива в мешки здесь полностью отсутствовала за хилостью последних. Однажды они не смогли донести в мешке до общаги полкило соленой кильки — в мешке образовалась дырка, и рыбки одна за другой устремились на свободу. Мешок из этого полиэтилена как бы и существовал, но в то же время его как будто и не было. «Воруют!» — предположил Кирилл.

В ближайшем гастрономе Эрик подкатил к тетеньке, продающей сок из огромных стеклянных конусов. Сок в них заливали из трехлитровых банок.

— Здравствуйте, а пустой баночки у вас не найдется? — спросил Эрик тетеньку с самой обворожительной улыбкой, на которую был способен

— Баллон, что ли? Для тебя найду, — ответила продавщица, одаривая Эрика блеском золотых зубов.

— Четыре, — еще более сладко пропел Эрик.

— Два рубля, — рывкнула вмиг посуровевшая женщина.

Это был грабеж, но жажда придушила жадность. Так они обзавелись персональными «баллонами».

Искупавшись и заодно смыв с себя цемент, ребята в одних трусах возвращались в общагу. Затем, немного повалявшись, ужинали в столовой. Кормили здесь вполне сносно, а главное — бесплатно, по талонам. Так что суточные целиком уходили на пиво и нехитрые развлечения. После ужина снова спускались к морю: пройтись по курортной набережной, подышать воздухом, полюбоваться закатом.

Как-то на пляже Эрик с Витькой решили посоревноваться на турнике. Рядом с волейбольной площадкой для отдыхающих был оборудован небольшой спортивный городок. Оба недавно вернулись из армии и форму растерять не успели. Витька явно брал силой, но Эрик «выезжал» за счет техники. По всем видам армейского турника они шли почти на равных. Витька лидировал на «подъеме силой» и «склепке», а Эрик вчистую уделал его на «подъеме переворотом». Их усилия не остались незамеченными.

— Ого, да тут настоящие спортсмены собрались! — услышал Эрик приятный женский голос за спиной.

Эрик, наконец, обернулся. На него, улыбаясь, смотрели две симпатичные девушки. Одна — худенькая блондинка с короткой стрижкой и тонкими чертами узкого, немного нервного лица. Вторая — полная противоположность: пышная шатенка с вьющимися волосами, круглыми румяными щечками и пухлыми губами. Темные живые глаза, брови вразлет.

Блондинка представилась Олей, пухленькая — Ларисой. Немного поболтали, договорились встретиться вечером. Оказалось, что девушки местные, живут недалеко от их стройки, на первой линии. Эрику в тот момент совершенно не казалось, что он каким-то образом предает Киру. Кира — любовь всей его жизни, она послана ему небом. А здесь — земное...

Эрик с Витькой принарядились, как могли, и отправились на двойное свидание. Расклад споров не вызывал. Эрику приглянулась изящная блондинка Оля, а Виктор буквально млеет от мыслей о фигуристой Ларисе. Кирилл негромко, чтобы не слышали остальные, сказал Эрику:

— Девушка-то твоя с ребеночком уже. У нее растяжки на животе после родов.

— Ну, жениться я вроде не собираюсь, так что ребенка усыновлять не придется, — отшутился Эрик.

После небольшой прогулки по набережной девушки недвусмысленно намекнули, что не против выпить. Решили закупиться в магазине и устроить пикник. Благо, живописных полян в округе имелось великое множество. Эрик побежал в знакомый уже гастроном. Суточные к тому времени растаяли, и ему требовалось убить сразу двух зайцев: чтобы и экономно, и эффективно. Удалось купить две бутылки водки и две — лимонада «Колокольчик».

— Сурово! — прокомментировала Оля.

К окончанию второй бутылки на ногах был только Витька. На поляне, где они расположились, стало темно, хоть глаз выколи. Ночь на юге наступает вдруг. Витька утащил Ларису куда-то в кусты. Эрик с Олей пытались целоваться сидя на бревне и в какой-то момент, потеряв контроль, свалились с него назад. Подняться обратно не удалось, поляна и далекие огни города кружились в глазах безумным вихрем. Лежа прямо на траве, Эрик пытался оказывать Оле знаки внимания. Оля слабо отбивалась. В конце концов, кажется, ничего не вышло.

Остаток ночи их с Олей рвало. Когда Эрик довел ее до дома, уже начинало светать. Он попытался чмокнуть Олю на прощание, но та отвернулась и скрылась в подъезде. Эрик понял, что сил возвращаться в общагу у него нет совсем. Голова все еще сильно кружилась. Часы показывали половину четвертого. Два с половиной часа до начала смены. Эрик прилег на каменный парпет рядом с подъездом и незаметно уснул.

Эрик потом на протяжении многих лет поминал недобрым словом и Олю, и каменный парапет возле ее подъезда. На следующий день после той ночевки он закашлял. Сначала не сильно, дальше — по нарастающей. Жарким сухим летом вроде бы все прошло довольно быстро. Но позже оказалось, что он заработал на этом парапете хронический бронхит, который мучил его не одно десятилетие.

Несмотря на холодок, пробежавший между ними тем хмурым утром, Эрик с Олей продолжали общаться. Он, наконец, словно очнулся, вспомнил и Киру. Ближе к вечеру, когда спадала несусветная жара, напавшая тогда на Одессу, они встречались на пляже. Ребята приходили после работы и обязательного посещения пивного родника. Оля с Ларисой и другими подружками всегда устраивались рядом. Эрик уже трезвым взглядом видел, что девушки просты и грубоваты. Зато с чувством юмора у них все оказалось хорошо, а уж за словом в карман одесситки не лезли.

* * *

Запланированный Эриком месяц меж тем прошел. Суточные и небольшие личные деньги закончились. Эрик с Кириллом пошли к прорабу узнать про расчет. Эрику пора было на сессию, а у Кирилла заканчивался отпуск. Виктору с Лешкой здесь нравилось, они планировали остаться и велели только узнать про деньги.

Прораб, Виктор Игнатьевич, тщедушный старичок, которому давно полагалось отдыхать на пенсии, выпучил глаза:

— Какой расчет? Вы план не выполнили. Должны были к первому июля на нулевую отметку выйти, а плиты до сих пор некуда класть. У вас местами по два метра фундамента до отметки не хватает.

— Вы, может, на какую-то отметку и должны были выйти, а нам про план вообще никто не говорил, — вскипел Эрик, мы завербовались на месяц, месяц отработали.

— План — это ваша проблема, поддержал его Кирилл, — мы могли бы и сделать его легко, только половину рабочего времени просиживаем. Досок нормальных у вас на опалубку нет, бетон вовремя не привозят. Мы при чем?

— Это общая проблема, — вскричал Виктор Игнатьевич, — никто вам денег не заплатит, пока на нулевую отметку не выйдем. Через неделю приедет начальник, с ним решайте, а у меня все равно никаких денег нет. Талоны в столовую дам, с голоду не помрете.

Тут до ребят стало доходить, что они здесь на птичьих правах, по устной договоренности. Ни официального устройства на работу, ни договора у них нет. Юридически их вообще на этой стройке не существует. Им могли не заплатить совсем. Из начальства они знают только прораба, который, по трезвому размышлению, действительно деньгами не распоряжался.

Собрав последние копейки, ребята отправились в город звонить. Оставалась надежда на родительскую помощь. Позвонить в другой город в то время можно было только с центрального переговорного пункта. Здесь же, как правило, находился центральный телеграф и главное почтовое управление. Чтобы позвонить, нужно было сделать заказ, заплатить за определенное количество минут, а потом ждать, пока телефонистка дозвонится до нужного номера в другом городе и вызовет тебя в отдельную кабинку. Не обходилось и без очередей.

— Пап, можешь выслать до востребования хотя бы рублей тридцать, попросил, дозвонившись до отца Эрик, — я отдам...

— Так ты вроде зарабатывать уехал, а не тратить, — засмеялся отец, — вышлю, конечно. И отдавать не надо. Ты же наш ребенок...

Это было самое невыносимое. Он, весь из себя взрослый, самостоятельный... Жениться еще собрался!

Эрик сделал заказ на телефон Киры. Телефонистка отвечала, что номер занят. Эрик заказывал разговор еще и еще. «Чертов блокиратор!» — вспомнил он. Кира рассказывала, что соседка очень любит поговорить и линия может быть занята часами. Эрик сдался.

Беда не приходит одна. В столовой сменилась бригада поварих. Похоже, их также вербовали на время. Новенькие были какие-то странные. Угрюмые, неразговорчивые, вечно с опущенными в пол глазами. В обед, глядя на бледную жидкость с капустными листьями, Эрик поинтересовался:

— Это щи, что ли?

— А чо такое щи? — удивилась тощая с темными кругами вокруг глаз повариха на раздаче.

— Ну, щи с капустой, — удивился теперь уже Эрик.

— Это суп с капустой, а щи я не знаю, — отрезала повариха.

Есть это было невозможно. Лешка пополоскав ложкой содержимое своей тарелки, объявил на весь зал:

— На зоне баланду лучше варят.

Ребята вспоминали с тоской, как в первые дни, когда они были еще сказочно богаты, воротили нос от прекрасных котлет и частенько ходили на ужин в шашлычную.

Всем прислали понемногу денег, но призрак голода так напугал ребят, что они бросили старые привычки. Пива стали пить меньше, позабыли дорогу в кафешки. Когда в столовой опять подавали что-то совсем несъедобное, они закупались в магазине и ели всухомятку. Вкусы их разнообразием не отличались, покупали хлеб и колбасу. Хлеб стоил копейки, брали его много, лишь бы свежий. А вот витрина кооперативного магазина с разными видами колбас просто завораживала. От одного вида солидных розовых палок, выстроенных рядами, и румяных боков полукопченых кружочков начиналось обильное слюноотделение. Кирилл проявил недюжинную мудрость, заявив, что необходимо выбирать самую дешевую и самую жирную колбасу.

— Дешевую — понятно, почему самую жирную? — удивился Эрик.

— Потому, что ты ее много не съешь, просто не сможешь, — объяснил Кирилл, — а значит, что? Правильно — экономия!

Еще оказалось, что одному из их праздных развлечений можно найти очень полезное практическое применение. Под вечер, когда садилось солнце, на ближайшем пирсе собиралось много рыбаков. Местные мальчишки ловили бычков практически без снастей. Кусок лески и крючок на конце. Тут же с подводной части пирса можно отодрать мидию для наживки. Конец лески просто наматывался на палец, и следовала игра, похожая на зимнее ужение: небольшие движения вверх-вниз. Судорожное подергивание лески означало поклевку. Подсечка — и бычок на крючке. Ребята раз попробовали — увлекательно! Но раньше они раздавали всю пойманную рыбу мальчишкам, да и рыбачили редко. Полно было других соблазнов. Теперь все обзавелись нехитрыми снастями и почти каждый вечер на закате выходили на промысел. Пойманных бычков уже в темноте жарили на углях. Помимо романтики это оказалось очень вкусно.

Обещанный Виктором Игнатьевичем начальник появился на стройке только через две недели. Эрик к тому времени уже мысленно распрощался с университетом, но Кирилл надоумил его отправить почтой заявление на «академ». Сам он таким же образом испросил у руководства ИВЦ отпуск за свой счет по семейным обстоятельствам.

Крупного пузатого мужика в белой каске и с папочкой в руках опалубщики выловили в узком полутемном переходе. Прораб водил его по закоулкам будущего подвала.

— Здравсьте, — мрачно поприветствовал их Кирилл.

Остальные стали молча обступать начальство. Прораб медленно проделал удивительный фокус с исчезновением. Все были сосредоточены на крупной фигуре, и мелкий старикашка сумел незаметно растаять в воздухе.

Кирилл, как старший и самый юридически подкованный, подробно изложил суть дела, которое на самом деле заключалось в единственной фразе: «Где деньги?»

Начальник, имени которого они не знали, потел, морщился и, когда Кирилл закончил, стал не менее обстоятельно объяснять им, что они срывают сроки, завернул что-то про нулевой цикл, отсутствие денег, сыпал строительными терминами. Одним словом, вещал как на собрании. Казалось, еще чуть-чуть — и речь дойдет до кораблей, бороздящих просторы Вселенной.

Вот тут всех удивил Лешка. Он неожиданно взял в руки кусок арматуры.

— Слышь, бугор! Харэ нам пургу гнать. Мы задарма тут горбатиться не будем. Если бабла нашего сегодня не будет, мы тут такого шороха наведем, мало тебе не покажется! Нам жрать уже нечего, — выдал он совершенно спокойным голосом.

Ни одной угрожающей нотки.

Эрик оказался с самого края и видел Лешкины глаза. Во взгляде его не читалось ни злобы, ни агрессии. Только все та же безысходная тоска. Но вместе с ней в глазах плескалось такое безумие, что не поверить ему сейчас было невозможно. Такие глаза Эрик много позже видел только у самых конченных отморожков, убивающих и идущих на смерть с одинаковым равнодушием. В этот момент он поверил, что Лешка не придумал про Атлян.

Начальство здорово перетрухнуло и, судя по всему, к Лешкиным словам отнеслось серьезно.

— Ребятки, ребятки, вы чего, — забормотал босс, — я разберусь, все, что положено выплатим. Но хотя бы до середины августа нужно на ноль выйти, уже на месяц опаздываем. Тогда будет и зарплата вся, и премии... может быть.

— Не бздэ, выйдем мы на твою нулевую отметку, только башляй вовремя, — спокойно сказал Лешка, отступая.

В конце рабочего дня прораб велел им сидеть вечером в общежитии. Они сидели, ожидая то ли денег, то ли наряда милиции. Последнее казалось более вероятным, и у Эрика посасывало под ложечкой. Около шести в комнату постучался суетливый персонаж с бегающими глазками. Он выдал им суточные еще на месяц и по сто рублей сверху. «Аванс», — заявил он, заставляя расписываться в каких-то бумажках.

— Какой аванс?! — взвился Кирилл, — нам за прошлый месяц по триста должны!

— Расчет только после того, как заказчик сметы закроет. А по сметам ваш этап — нулевой цикл. Эти деньги вам директор из личного фонда выделил. Поднажмите, будет и расчет.

Они немедленно закупили два килограмма самой дорогой колбасы — «охотничьих сосисок», ящик самого дешевого сухого вина «Солнечная гроздь» и отправились на пирс. Здесь, на свежем морском воздухе, они просидели дотемна, обсуждая перспективы строительной отрасли вообще и их стройки в частности.

Поднажать получалось не очень. В первую очередь все из-за того же отсутствия годных материалов. Разговоры про нулевую отметку уже набили оскомину. К началу августа жара немного отступила, и ребята иногда выходили на стройплощадку даже после обеда. Толку от этого было чуть. К примеру, требовалось залить колонну три метра высотой и почти по метру в сечении. Сварщики сделали вполне сносную обвязку из арматуры, но, чтобы собрать опалубку, нужны были специальные щиты или хотя бы крепкие доски, которые можно плотно стянуть между собой. Ребята соорудили шаткую конструкцию из кривых досок и, как могли, обмотали ее проволокой. Когда сверху пошел бетон, собранный ими короб стал расплзаться на глазах.

— Хорош, хорош! — кричал Эрик.

Но где там. Проволока лопнула, доски развалились, и бетон лавиной растекся по щебню.

Вечером, когда укладывались спать, Кирилл сказал:

— Надо что-то решать. Так мы никогда не закончим.

— На соседнюю стройку хорошие доски привезли, я видел, как разгружали, — как бы про себя заметил Виктор, — у них с материалами вообще хорошо.

— Значит, надо позаимствовать, — прямо предложил Кирилл.

— Без меня, — вдруг заявил Лешка.

Все удивлено уставились на него.

— Это не игрушки, конкретная статья, — продолжал Лешка, — я из-за сраных досок на такой блудняк не подпишусь, мне сразу впаяют по полной, если что.

— Ты недавно чуть мужика арматурой не проткнул, — напомнил ему Кирилл, — там статьи поинтересней будут.

— Это другое! Вы — бакланы — этого не сечете, — отрезал Лешка, — из-за досок под статью не пойду.

— Значит, пойдем втроем, — резюмировал Кирилл.

Часов до двух обсуждали детали «операции», затем выступили. Сделать оказалось гораздо легче, чем рассуждать. Забор между стройплощадками — одно название. Ребята быстро перетаскали два-три десятка отличных крепких досок к себе на территорию, прихватили еще большой моток стальной проволоки и подвернувшиеся под руку листы кровельного железа.

Утром, глядя как они сооружают из всего этого богатства новую опалубку для колонны, прораб покачал головой, но от комментариев воздержался. Дело пошло значительно быстрее. Из хороших досок ребята склотили крепкие универсальные щиты, которые не разваливались при снятии с застывшего бетона. К пятому августа залили всю подземную часть, а к десятому — уложили плиты перекрытия. Проклятый нулевой цикл, наконец, завершился.

Они до последнего не верили, что их рассчитают. Однако еще через пару дней им выдали по шестьсот рублей на руки.

Немыслимая по тем временам сумма. На объект заезжала большая бригада каменщиков. Ребятам сказали: «Опалубщики здесь больше не нужны. Переезжаете на другую стройплощадку или валите домой». И они свалили.

Домой добрались почти без приключений. Сначала сильно тряслись за деньги, в каждом пассажире подозревали «майданика». Только за полдня до прибытия расслабились, набрали пива и раков на приволжской станции. В Город въезжали уже чуть навеселе. С Виктором и Лешкой распрощались на вокзале. Те поехали дальше, по своим небольшим уральским городкам. Кирилла встречала семья: дородная женщина, показавшаяся Эрику много старше Кириллы, и сын, светлый мальчишка лет шести. Телефонами они обменялись заранее, теперь только молча пожали руки.

Эрик вышел на привокзальную площадь. Домой он собирался ехать на такси, как вполне обеспеченный человек. Из всей полученной суммы он потратил меньше ста рублей на подарки. Кире вез золотые сережки, маме — шелковый платок, отцу — бутылку коньяка.

— Эрик, братан! — вдруг послышался знакомый голос.

К нему, широко улыбаясь, направлялся Кама.

— Ты что, только с югов возвращаешься? А я думаю, куда пропал? Вот ты загорел!

Оказалось, что Кама подвез кого-то до вокзала и сейчас со стороны высматривал клиентов, которых не успели перехватить вокзальные бомбилы. Переходить им дорогу было себе дорожке, могли и колеса порезать.

— Бабла-то срубил? — поинтересовался Кама, пока шли к машине.

— Нормально срубил, больше пятихаточки еще осталось, — не удержался от хвастовства Эрик.

— Ого, богатый Буратино! — Кама оживился. — Так надо вздохматить хрусты!

Он подумал о Кире. День ничего не решает, два месяца прошло, — подначивало выпитое пиво.

Однако одним днем не обошлось. Кама резко взял быка за рога. Эрик и не заметил, как оказался в эпицентре настоящего сабантуя. Следующим утром сразу по пробуждении нашлось освежиться, и все покатило по кругу. Лишь к вечеру третьего дня Эрику стало невыносимо тоскливо от этого бесконечного праздника, он опять вспомнил о Кире. Остатками сознания Эрик понимал, что звонить Кире в таком состоянии — плохая идея. Но пьяная сентиментальность давила слезу, захотелось немедленно ее увидеть. Дозвонившись, он заплетающимся языком попросил Киру ничего не спрашивать, а просто приехать.

Когда через полчаса она появилась, Эрику показалось, что ангел сошел с небес. Она влетела чуть запыхавшись и стояла в недоумении такая красивая, такая светлая. Теперь закончится весь этот пьяный угар, утихнет тоска, его перестанет тошнить и вообще все наладится.

Кира подошла к нему. Эрик глупо улыбался.

— Я так рад тебя видеть! — пролепетал он.

— Я тоже очень рада, — холодно ответила Кира, — и давно ты вернулся?

Оглядев с порога квартиру, резюмировала:

— Вижу. Давно.

— Да не, не, — пытался блять Эрик. — Я звонил из Одессы, было занято, там соседка, наверное... блокиратор...

— Ну да, соседка. Каждый день два месяца.

Тут Эрика осенило:

— Подожди, я же тебе подарок привез!

Он, шатаясь, бросился в комнату, долго искал свою сумку, перерыл ее в поисках коробочки с серьгами, наконец нашел.

Когда он вышел в коридор, Киры уже не было.

Потом она не отвечала на звонки, услышав его голос, бросала трубку. Эрик стал караулить ее возле подъезда. Два дня потратил впустую. Наконец, решил дежурить с самого утра. Расположившись в сторонке, он видел, как ушли на работу родители Киры, сначала отец, потом мать. Просидев еще час, Эрик решился. Он поднялся по лестнице и позвонил в дверь. Через бесконечную паузу дверь открылась. Кира смотрела на него очень внимательно.

— Прости меня! Прости, Кира! — начал Эрик с порога.

Она молча прошла на кухню.

Она ставила в духовку пирог, а Эрик сбивчиво рассказывал ей о своих злоключениях. В красках описал свою попытку позвонить, рассказал, как они чуть ли не голодали и с самым искренним раскаянием — последний эпизод с Камой. Кира слушала молча, не поднимая глаз.

Захлопнув дверцу духовки, она села напротив Эрика.

— Захватывающая история, — согласилась она, — только позвонить можно было и на следующий день, и еще каждый день... Ну, ничего, я понимаю, это было для тебя не так важно. А я-то боялась, что тебя в живых уже нет.

— Да как же... — Эрик только вставлял нечленораздельные междометья.

— Мне предлагали работу в Севастополе, в том проектном институте, где мы с Аленой были на практике. Я диплом этим летом защитила, если ты помнишь. Так вот, я не поехала из-за тебя. Не могла подумать, что мы расстанемся. Жизнь свою без тебя не представляла.

— Кира, — вспыхнул Эрик, — я поехал на эту проклятую стройку ради тебя, ради нас с тобой...

— Прости, я ничему этому не верю, — сказала Кира спокойно. — Знаешь, в какой-то момент как отрезало. Не будет у нас с тобой больше ничего.

Она достала из духовки пирог, отрезала Эрику кусок, заварила чай.

— Ешь и уходи, — сказала твердо.

Эрик ел, обжигаясь и не чувствуя вкуса. Кира молчала, глядя в пол. Эрик попытался еще что-то сказать, но видел, что это бесполезно. Он знал, какой она может быть железной. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Он встал, незаметно положил на стол коробочку с сережками и пошел к выходу. На улице он вспомнил их первое свидание. Как он вышел так же из подъезда и не знал, куда идти. Теперь-то он точно не знал. Внутри было пустота, словно его выпотрошили, чтобы сделать чучело, а опилками набить забыли.

Кира сидела на кухне перед раскрытой коробочкой и рыдала.

ГЛАВА 8

* * *

Эрик не помнил ясно, как он оказался дома. Наверное, ехал на троллейбусе, не пешком же пришел из Изумрудного. Посидел какое-то время глядя в одну точку, потом пошел и стал набирать ванну горячей воды. Он видел в кино или читал в книжках, что нужна горячая ванна.

С ранней юности Эрик носил в кармане вместо ножа идеально заточенную «мойку». Предназначение ее было очевидно, но к холодному оружию в случае чего отнести бы не удалось. А вот отбиться от отморозков или просто напугать — очень даже! Сам факт наличия «мойки», а не банального ножа, должен был внушить предполагаемым оппонентам уважение. К счастью, в деле она Эрику ни разу не пригодилась. Должна была пригодиться сейчас.

Эрик забрался в пышущую жаром ванну. Полежал немного, пока привыкало тело. Взял бритву и опустил обе руки в воду. Осталось сделать одно решительное движение. Только оно-то и не давалось. Под самым потолком над ванной стало клубиться что-то черное. словно плотная стая мелких насекомых или густой дым. Эта клубящаяся субстанция увеличивалась в размерах и опускалась все ниже. Из-за горячей воды (собственно, для этого она и нужна) Эрик не чувствовал лезвия бритвы, просто знал, что оно там, касается его запястья. Тьма подступила вплотную. Сознание пыталось удержаться. Кира? Нет, все кончено! Что еще? Родители? Мама будет плакать. Они давно потеряли общий язык. Друзья, университет. Все это ерунда! Кира! Кира! Я докажу!

Эрик резко сел в ванной. Тьма рассеялась. Я ей докажу, что я не лгун, не пьяница, не бездельник! Окончу университет, стану известным журналистом, у меня будет крутая машина!

Он даже вполне явственно представил «семерку» цвета «кофе с молоком».

И сложил бритву.

* * *

В деканате выяснилось, что заявление Эрика по почте дошло. Конечно, никакой «академ» ему не оформили, но и приказа об отчислении пока не было.

Эрик сочинил самую душещипательную историю, на какую только был способен, написал еще одно заявление по всем правилам и получил-таки свой академический отпуск. Декан сказал ему на прощание:

— Весна наступит быстро, и не заметите. Готовьтесь как следует, молодой человек.

— Конечно! — уверил его Эрик.

У него в распоряжении оставалось еще целых полгода.

Надо было подумать о работе, но остаток суммы, заработанной летом, казался еще таким весомым, что Эрик решил с трудоустройством повременить. Позвонил Арсению. Тот, наверное, уже перестал злиться за весенний демарш с пивом и будет рад встретиться со старым другом.

— Слушай, Сеня! — сказал Эрик после обмена новостями, — а не съездить ли нам на природу? Последние хорошие деньки, может быть, стоят.

— А давай, — сразу согласился Арсений, — на денек можно.

Позвонили Марику. Он оказался дома, и не один, а с двумя их бывшими одноклассницами и неким приятелем. Выслушав Арсения, он крикнул мимо трубки: «Пипл, на пикник поедем?»

На следующий день, раздобыв с раннего утра все того же пива, ребята стояли на остановке. «И правда, как тогда, весной, — весело подумал Эрик, — собственно, все наши пьянки проходят по схожему сценарию». Но его тут же больно кольнуло: «Тогда весной ты познакомился с Кирой». Девушки явились с какой-то нехитрой снедью и чрезвычайно длинноволосым типом, которого все называли Халява. Одноклассниц Владу и Нино Эрик не видел с окончания школы. Он был искренне рад, потискал обеих, расцеловал. В школе они считались одной компанией и вместе зависали на вечеринках. С Владой у них в школьные годы вообще образовалась очень сильная взаимная симпатия. Однажды они даже целовались.

Арсений повез их далеко за город, в одному только ему знакомое место, которое он охарактеризовал как «достойное кисти Поленова». Они доехали на экспрессе почти до аэропорта, потом еще около часа шли через лес. Поляна, на которую их вывел Арсений, действительно оказалась сказочно красива. Окаймляли ее молодые березки с пожелтевшими уже листьями. Дальше среди берез появлялись высокие стройные ели, потом добавлялся багряный подлесок. Казалось, что в небольшом отдалении чаща смыкается вокруг поляны непроходимым кольцом. Размытый лимонно-желтый лес первого плана оттенялся темно-зелеными острыми пиками сверху и редкими всполохами розового внизу. Идеально ровная травка не успела еще пожухнуть и добавляла в палитру нежно-зеленый цвет. Гул трассы сюда не проникал. Тишину нарушал лишь шелест листьев и редкие возгласы птиц.

Эрик больше помалкивал и наблюдал за одноклассницами. Пожалуй, они стали красотками. В школе были просто симпатичными девочками, внешностью особо не выделялись, не входили в когорту первых красавиц школы. А теперь — прямо даже очень! Все меняется в этой жизни!

Нужно сказать, что девочки за эти годы действительно изменились. Стали взрослее, женственнее. Худоба теперь обернулась

стройностью и изяществом. Смешные кудряшки Влады превратились в роскошные светлые локоны. Тонкая белоснежная кожа, казалось, просвечивает насквозь. Серые миндалевидные глаза — утонуть можно. Нино Дадиани они в школе называли не иначе как Княжна, вспомнил Эрик. Теперь она своему прозвищу вполне соответствовала: тонкие черты смуглого лица, печальные глаза и величественная грация. Вместе с тем Эрик заметил в девушках некоторую странность. Начиная с внешнего облика: они были в цветастых свободных балахонах и все увешаны какими-то бусиками, шнурочками, непонятными браслетиками. Между собой девочки называли все это «фенечками». В разговоре тоже встречалось много необычного. С одной стороны, они говорили очень грамотно, правильно, даже высокопарно. В беседе могли затронуть глубоко философские темы. С другой — постоянно переходили на какой-то «птичий» язык, сыпали непонятными словечками. Халява, очевидно, принадлежал к этой же секте. Он разговаривал с девушками на их языке, они постоянно упоминали общих знакомых и часто произносили слово «система».

Эрик догадался: хиппи! О движении хиппи он знал только в общих чертах, и наблюдать со стороны оказалось любопытным.

День пролетел незаметно. Солнце уже клонилось к закату, когда заметили, что давно не видно Халявы. Его не было уже пару часов. Решив, что ни один физиологический процесс не может затянуться так надолго, ребята стали его искать. Крики «Халява!» непременно собрали бы в городе толпу, но здесь их никто не услышал. Только вороны в испуге сорвались с близлежащих деревьев. Умные птицы не верили в альтруизм.

Арсений предложил разделиться и начать поиски в разных направлениях. Он серьезнее всех отнесся к ситуации. Как будущий медик, он, вероятно, уже начал ощущать ответственность за все человечество. Эрик пошел вместе с Владой, поскольку их было пятеро, а сторон света всего четыре.

— Ты не замерзла?

— Нет, но уже темнеет, видимо будет холодно.

Они только начали целоваться, как на поляну ворвался Арсений.

— Он там, может, в овраге со сломанной ногой лежит, умирает, а они тут «секес» затеяли! — возмущенно заорал он.

— А что, тут есть овраг? — язвительно спросил Эрик.

— Может и есть, я не знаю.

Влада смущенно молчала. Эрик вспомнил о Кире, получил очередной болезненный укол совести. Повисла неловкая пауза.

— Так, Влада, ты оставайся, время от времени кричи «Я здесь», а то темнеет уже, не хватало остальным потеряться. А ты, Эрик, иди ищи! — скомандовал Арсений.

— Сеня, хватит метаться, не найдем мы его в темноте. Если бы был рядом, давно бы отозвался, — возразил Эрик. — Давайте собираться лучше. Ты нас вывести-то сумеешь?

Арсений смирился. На крики собрались остальные. Пока шли к трассе, стемнело окончательно. На душе было противно. То ли бросили товарища в беде, то ли товарищ оказался говнюком. В автобусе Эрик наклонился к Владе и тихонько спросил: «Увидимся завтра?»

Адрес он помнил со школьных времен. Влада открыла дверь, продолжая разговор с кем-то в глубине квартиры. «Проходи, ребята уже тут», — улыбнулась она Эрику. «Это Эрик», — невидимым собеседникам. В комнате сидели Нино и ...Халява. «Арсений-то знает?» — спросил Эрик. «Позвонили, позвонили», — Влада лучезарно улыбалась.

Оказалось, что этот, с позволения сказать, человек, вдруг просто захотел домой. Вышел к остановке и уехал. «Пьян был, не помню», — аргументировал Халява свое поведение.

— Мы на Некшту собираемся, пойдешь с нами? — спросила Эрика Нино.

— А что там?

— Там все наши собираются, — ответила Нино. — Пошли, с интересными людьми познакомишься.

Некштой называли уютный сквер, расположенный через дорогу от их бывшей школы. Эрик вспомнил, что это место, по слухам, пользовалось популярностью у хиппи. Он с ребятами не раз в этом скверике выпивал, но с хиппанами они ни разу не пересеклись.

Публика в сквере действительно собиралась интересная. Кое-кого Эрик даже знал по школе или по близлежащим дворам. Тогда, в школьные годы, это были обычные ребята, — сейчас его окружали колоритнейшие типажи. Впрочем, кто-то совсем не изменился. Черный, прозванный так за смуглую, почти негритянскую кожу, и в школе носил патлы до плеч, ведя из-за них непрерывающуюся битву с военруком. Зато парень, которого Эрик знал как Тихона, на его памяти всегда был коротко стрижен, дерзок и нагл. Теперь он имел иконописную внешность и кличку Маньяк. Самым замечательным персонажем, несомненно, был Боря Ветров. Постарше остальных, он, похоже, задавал здесь тон. Длинные, почти до пояса, волосы, к руке вместо часов примотан изолентой большой настольный будильник. Девчонки рассказывали, что обычно он приходит со свиной на поводке и вообще прогуливается с ней по центральным улицам. Сам Эрик этого не видел, но готов был поверить. Поговаривали даже, что Боря сидел. Хотя трудно представить, за что могли осудить этого крайне эпатажного, но совершенно безобидного человека.

— У него в Москве есть друзья, — однажды шепотом сказала Влада, — диссиденты. Представляешь?

— Это кто?

— Ну, которые против власти. Только никому не говори!

Эрик был крайне удивлен, встретив здесь Сашу Орлова. В школе Саша был круглым отличником, занимался легкой атлетикой, принципиально не пил спиртного, с девушками вел

себя скромно. Одним словом, характер нордический, выдержанный, отличный спортсмен, в связях, порочащих его, не замечен. Что он делает в этой тусовке, было абсолютно неясно. Но по поведению его и окружающих выходило, что парень здесь давно свой. Он немного играл на гитаре, бойко рассказывал анекдоты, в силу ума и начитанности мог поддержать любой разговор.

Со временем Эрик стал заглядывать в уютный сквер чаще, иногда даже без Влады. Со многими познакомился. В тусовке постоянно происходила «движуха», появлялись люди из других городов, кто-то из своих неожиданно срывался и уезжал куда-нибудь в Прибалтику. Хипповая жизнь предполагала, кроме прочего, бесконечные путешествия автостопом. Тусоваться на Некште было весело, но Эрик не понимал и не принимал идеалы «системы». Он с позиции наблюдателя, кроме веселья, зачастую видел обычную лень, безответственность, разврат.

И вполне разделял иронию очень популярной тогда песни:

У нас в деревне были тоже хиппаны,
Но всех — увы! — уже давно позабыли,
И я один, заплаты ставя на трусы,
Пытаюсь встать, да что-то ноги отказали.
Да, я последний из колхозных могижан,
Лежу и плачу, вспоминая всю систему,
Как на стриту аскали дружно на стакан,
Как найтовали мы с герлой по кличке Э-э-эмма!
Хиппаны, хиппаны, хиппаны, Пинк Флойд!
Хиппаны, хиппаны, хиппаны, кайф!
Хиппаны, хиппаны, хиппаны, шузы!
Хиппаны, хиппаны, хиппаны, хиппаны.
Вчера забил я свой единственный косяк,
Вчера тащился я последний раз на кайфе.
Сегодня, выпив кружку чаю натошак,

Не смог представить, что фузю на овердрайве.
Да, делать нечего, вылазят волоса,
Придется завтра мне пахать на провиант,
Пока же слушаю, как воеет эмигрант,
Какая там у них, в Америке, тоска...

Завсегдатаи Некшты самозабвенно орали ее, как хор мартовских котов.

Однажды Влада сказала:

— Мы в воскресенье собираемся, пойдешь со мной? Хотим пройти по центральной улице.

— Сдурели?

— Нет, мы же не дебилы, мы по приколу. Боря Ветров придумал. Скоро же очередная годовщина Великого переворота, трудящиеся выйдут с плакатами, ну и мы с плакатами.... «Хотим свободной любви!» Даже идеологически верный можно — «За мир!»

Идти не хотелось, он осознал всю глупость затеи и совершенно не понимал ее смысла. Ему успела здорово надоест вся эта хипповая тусовка. Но не пойти было стыдно. Он пообещал Владе и не хотел, чтобы сложилось впечатление, будто он струсил. Тянул до последнего, но пошел.

Собирались во дворе родной школы. Отсюда прямой выход на Бродвей, где, собственно, и должна была состояться «демонстрация». В воскресный день перед школой было пусто. Эрик прошел мимо парадного крыльца, обогнул главный корпус и увидел, наконец, разношерстную толпу. Боря притащил свою свинью и теперь, сидя на корточках, целовал ее в пяточок. Здесь же распивали принесенное с собой пиво. У многих Эрик видел свернутые в трубку плакаты.

Влада была уже здесь. При виде Эрика она гордо развернула перед ним квадратный кусок ватмана. Вместо надписи на нем красовался знак «пацифик».

— Лаконично, — одобрил Эрик.

— Молодец, что пришел! Скоро выступаем, — возбужденно провозгласила Влада.

Глаза ее блестели лихорадочным огнем. Вокруг царило веселое оживление.

— Ну, что? Двинем, братья и сестры? — обратился ко всем Боря.

Толпа одобрительно загудела.

Неспешно и не очень организованно тусовка направилась к Бродвею. Планировалось двинуться от школы по направлению к центру. Эрик вдруг осознал, что пройти предстояло не только мимо ставшего родным Польшпроса, дворцов культуры, кинотеатров и памятников. На пути их ждала белоснежная громада только что выстроенного здания Конторы и целый комплекс сооружений МВД.

Движения транспорта на Бродвее в воскресное утро практически не было. Ребята стали разворачивать плакаты и образовали по центру улицы нестройную колонну. «За свободу вероисповедания согласно Конституции!» — прочитал Эрик, оглянувшись, на одном из плакатов. На другом «Мир Афганистану!» Сначала он похолодел, потом успокоил себя: ну да, нет войне. Хватит трепетать.

Возглавлял колонну Ветров с неизменной подружкой на поводке.

Редкие прохожие останавливались. Они искренне не понимали, как эта небольшая пестрая кучка длинноволосых чудиков осмелилась выйти на центральную улицу с какими-то бредовыми лозунгами в руках. Кто они? Зачем? Чего им не хватает? А главное — никому не было смешно! Эрик заметил молодого человека с фотоаппаратом. Тот снимал их, и старался делать это, не привлекая внимания. Еще в толпе зеваяк он увидел Славу. Того самого, из поезда. Он прогулочным шагом двигался по тротуару вслед за ними.

Прошли демонстранты ровно три квартала. Заняло это не больше десяти минут. Спереди и сзади из проулков выехали несколько милицейских «буханок» и «бобиков».

— Менты! — крикнул кто-то.

* * *

Повязали их быстро и слаженно. Эрик даже не ожидал от обычной милиции такой виртуозной работы. Нескольких особо шустрых ребят скрутили в подворотнях сотрудники в штатском.

В милицейском УАЗике, к удивлению Эрика, никто не грустил. Их с Владой растащили в разные стороны, и в машину он попал с почти незнакомыми парнями. Они шутили, переговаривались и даже нестройно затянули Yellow submarine. Эрика охватила апатия, он с тоской думал о предстоящих пятнадцати сутках. «Ведь еще улицу подметать выгонят», — пришла ему в голову ужасная мысль.

Вероятно, чтобы не создавать толкучки и лишнего ажиотажа, их развезли в обезьянники по разным отделам. Владу он так и не увидел. Весь день Эрик ждал, когда их начнут вызывать на допросы, и он объяснит следователю, что попал к этим хиппи случайно, раскаивается в нарушении общественного порядка и готов понести разумное наказание. Однако к ним никто даже не подходил. Прошла ночь. Заснуть на твердой скамье не удалось, несмотря на весь армейский опыт. Эрик обдумывал свою речь, старался грамотно выстроить фразы, чтобы не сказать ничего лишнего и отделаться минимальной административкой. Их не кормили, и под утро уже заметно посасывало под ложечкой.

На допросы стали выдергивать по одному только к обеду следующего дня. Наконец, вызвали и его.

В кабинете, куда его привели, за столом сидел сухощавый с глубокими залысинами человек. Видимо, следователь. Он молча указал Эрику на стул и продолжил что-то писать.

Сбоку, чуть позади, почти вне пределов видимости — еще один. Серый костюм, нога на ногу, отсутствующий вид. Эрик осторожно сел на стул и стал напряженно ждать. «Только бы отвечать правильно, чтобы отпустили, как остальных», — пронеслась тревожная мысль. «Да у меня и прическа нормальная, сразу видно, что я не хиппи», — успокаивал он себя.

Этих двоих в кабинете он называл про себя «Лысый» и «Серый».

— Фамилия, — оторвавшись от бумаг, сухо сказал Лысый.

— Криони Эрос Николаевич, — бодро отрапортовал он.

— Такая длинная фамилия? — также сухо, не интонируя, спросил Лысый.

— Простите, фамилия — Криони, — уже не столь радостно ответил Эрик.

— Имя.

— Эрос.

— Отчество.

— Николаевич.

— Год рождения. Род занятий. Место учебы.

...Эрик вдруг обратил внимание, что ни Лысый, ни Серый никак не отреагировали на его имя. Он представлялся им редко, только в официальных инстанциях, и оно, как правило, вызывало хотя бы заинтересованный взгляд.

Наконец, закончив записывать подробную биографию Эрика и всех его родственников до седьмого колена, Лысый откинулся на стуле и спросил:

— Как долго вы, Эрос Николаевич, состоите в так называемой системе?

— Я совсем в ней не состою, — стараясь быть убедительным, сказал Эрик, — я случайно попал, с девушкой.

— С КАКОЙ девушкой?

Эрик, когда готовил речь, совсем не подумал, что придется называть какие-то имена под протокол. Теперь он судорожно

вычислял в уме, будут ли у Владки неприятности, если он ее назовет. Впрочем, ее повязали вместе со всеми, глупо что-то отрицать.

— Влада Овечкина, моя бывшая одноклассница.

— Как долго ОНА состоит в «системе»?

— Я не знаю, мы недавно встретились... она уже была. Я же говорю, я случайно, — заторопился Эрик, — они мне вообще не нравятся. Глупости все это!

— Значит, убеждений их не разделяете? — доброжелательно спросил Лысый.

— Нет, нет! Не разделяю! — облегченно выдохнул Эрик.

— Это очень хорошо, что не разделяете, — с ласковой улыбкой продолжал Лысый, — вот вы сейчас нам все подробно расскажете об этих отщепенцах.

— Так я не знаю ничего, — снова напрягся Эрик.

— Как это не знаете? Общались с ними почти месяц и не знаете?

— Так это, мы там выпивали и все такое, чего рассказывать-то?

— Кто зачинщик этой антисоветской акции?

Эрик похолодел, такого поворота он не ожидал. Антисоветчина — это не пятнадцать суток. Он горячо взялся убеждать Лысого, что никакой политической подоплеки ни в разговорах, ни в этой демонстрации не было, и они просто глупые дети.

Лысый задавал встречные вопросы, изматывал повторением одного и того же по десять раз.

— Хорошо, Эрос Николаевич, закончим эту бесполезную беседу, — сказал Лысый с крайне усталым видом, — я на вашей стороне и искренне хочу помочь. Вы действительно оказались в этой компании случайно, и мы не стремимся сломать вам жизнь. Сейчас я с ваших слов впишу в протокол, что Борис Ветров вел среди вас, молодых людей, антисоветскую агитацию, организовал демонстрацию с лозунгами против партии и правительства, заставил вас всех в ней участвовать. Вы подпишете протокол и можете идти. К вам лично не будет никаких вопросов.

В ушах зазвенело, голова стала как чугунный шар. На лбу выступил пот, предательски задрожало одно колено. Конечно, этот Ветров ему никто и звать его никак...

— Я этого не подпишу, — тихо сказал Эрик.

— Ах, не подпишешь? — почти зашипел Лысый. — Ну, давай по-другому. Статью за тунеядство ты уже имеешь. Два года «химии» мы тебе устроим. А там, глядишь, кто из вашей компании поразговорчивей попадетсЯ, наговорит в том числе и на тебя чего.

— Какое тунеядство? — опешил Эрик. — Я же учусь!

— Нигде ты не учишься, летнюю сессию не сдал, из университета отчислен.

— Так я в «академе».

— Нет никакого «академа», приказ об отчислении уже висит на доске около твоего деканата.

— Я же на стройке работал все лето, какое тунеядство, — не понимал Эрик.

— Есть запись в трудовой книжке или, быть может, договор? — осведомился Лысый.

К разговору неожиданно подключился Серый:

— Эрос Николаевич, пять лет назад вы имели контакт с группой американцев. По нашим сведениям, среди них находился представитель спецслужб.

Это уже напоминало театр абсурда. Эрик нервно рассмеялся. Развернуться на стуле лицом к Серому он не решился, пришлось неловко выворачивать шею.

— Ну, встречались. Там наших человек тридцать было. Бред какой-то!

— Вероятно, эта встреча оказала на вас существенное влияние, способствовала смещению нравственных ценностей. Теперь вот вы выходите на антисоветскую демонстрацию, пропагандируете западный образ жизни. Для суда ваши связи с иностранцами станут значимым аргументом.

— Если, конечно, дойдет до суда. Я допускаю, что вы просто заблуждались, — добавил он почти доброжелательно.

Эрик не знал, что отвечать.

— Подписываешь?

— Нет! — твердо ответил Эрик.

— Гляди, чтобы не поздно было.

Лысый снова посмотрел на Серого. Эрик не увидел, кивнул тот или покачал головой, но какое-то решение, видимо, Лысому транслировал.

— Вы, Эрос Николаевич, являетесь подозреваемым в антисоветской агитации и пропаганде.

Эрик почти не помнил, как его выводили из кабинета, куда вели, вообще, где находился и что происходило. Очнулся он, только оказавшись на улице. Неожиданно ледяной ветер и мелкий дождь напомнили о поздней осени. Эрика вталкивали в автозак. От следователя повезли, кажется, в суд. Эрик не слушал некрасивую усталую женщину, которая что-то зачитывала монотонным голосом, думал о своем, но не мог сосредоточиться. После здания суда он снова оказался в зарешеченном кузове.

Трясаясь на железной скамье, он до сих пор не верил в происходящее. В груди все сжималось, к горлу подкатывал ком. Мама! Кира! Тогда, в Одессе, нужно было дозвониться до Киры. Каждый день надо было звонить! Полчаса туда-обратно на трамвае! Ведь хотел ее слышать! Не прогнала бы его Кира, он бы не был здесь. Кира. Кира...

Потом, много позже, Эрик узнал, что Ветрову дали четыре года колонии. Пару ребят отправили на «химию», сроки от полугода до двух лет. Девочек не трогали. Его маму и отца Влады исключили из партии. Мама была корреспондентом в республиканской газете, отец Влады — начальником отдела в городской.

А сейчас, в автозаке, Эрик еще не знал ни судеб этих людей, ни своей судьбы.

ЧАСТЬ 2

Если мы примем как не допускающий исключения факт, что всё живущее вследствие внутренних причин умирает, возвращается к неорганическому, то мы можем сказать: целью всякой жизни является смерть.

3. ФРЕЙД

ГЛАВА 9

* * *

Эрик знал, где находится следственный изолятор. По дороге в университет он каждый день проезжал на трамвае мимо серого забора с колючей проволокой.

Старому сооружению недавно исполнилось триста лет. Тюремный замок в виде буквы «Е» (по первой букве в имени самодержавной государыни Екатерины II) стал одним из первых каменных зданий в Городе. Императрица в то время затеяла переустройство крупных городов по европейскому образцу. Все губернские учреждения должны были разместиться в новых зданиях. В Городе кампанию решили начать с постройки кирпичной тюрьмы, в то время как многие присутственные места оставались в деревянных домах еще более полувека. Прилегающая улица получила, как нетрудно догадаться, название Тюремной. В самом начале XX века ее переименовали в честь одного из самых знаменитых каторжников той эпохи.

Выпрыгнув из автозака под лающие окрики конвойных, Эрик снова оказался на пронизывающем ветру. Это на какое-то время привело его в чувство. Влажный осенний воздух показался свежим и удивительно ароматным. Он как будто благоухал прелыми листьями, чем-то сладковатым и горьким одновременно. Чувства Эрика предельно обострились. Пока его вели по коридорам в сборное отделение, он слышал запахи и звуки, на которые прежде не обратил бы никакого внимания. Громкое эхо шагов, глухое лязганье запоров, звон ключей на связках, скрежет чего-то металлического по асфальту во дворе, даже

отдаленное звяканье посуды. Он все отчетливо слышал. После уличной свежести воздух внутри оказался не просто спертым. На Эрика буквально навалились незнакомые тревожные запахи. От них почему-то становилось мерзко на душе. Эрик замечал по дороге старинные сводчатые потолки в некоторых помещениях, толстые, местами до полутора метров стены. Вспомнил, что ходили байки о разветвленной сети подземных ходов, ведущих от старой тюрьмы чуть ли не до самого центра города. Еще говорили, что в местных подвалах приводят в исполнение смертные приговоры.

Однако в страшные казематы Эрик пока не попал. Сборное отделение находилось в современном, больше похожем на больницу здании. Его снова обыскали, заставив полностью раздеться, провели тщательный медосмотр. Бесконечно оформлялись какие-то документы, Эрика фотографировали, снимали отпечатки пальцев. Вся эта круговерть с томительными перерывами на ожидание неизвестно чего страшно выматывала.

Когда, наконец, нагрузив постельным бельем и прочими положенными принадлежностями, Эрика повели в камеру, за окнами уже темнело. По-настоящему страшно стало только теперь. Пусть надзиратели и прочий персонал обращались с арестантами очень грубо, но формально все делалось по закону. К тому же Эрик помнил армию. В камере же его ждал совершенно незнакомый и непредсказуемый мир. В голову лезли рассказы о «прописке», когда каждое лишнее или необдуманное слово могло решить дальнейшую судьбу.

В камеру Эрик вошел, неловко обнимая матрас и пытаясь унять предательскую дрожь в коленях. Несколько секунд он стоял в нерешительности. Потом дрогнувшим голосом произнес:

— Здравствуйте!

— Здорово, коль не шутишь! — откликнулся парень, сидевший ближе всех.

Эрика оглядели семь пар глаз. Впрочем, кто-то сразу равнодушно отвернулся, не проявив особого интереса, кто-то продолжал внимательно его изучать.

— Меня Эриком зовут.

— Эрик так Эрик, — как будто согласился все тот же парень и указал пальцем наверх, — шмотье кидай на эту шконку.

Верхний ярус над ним оказался единственным незанятым местом в камере. Эрик закинул туда матрас. Двухъярусная шконка располагалась ближе всего к двери и «параше».

— Иди, Иргалеичу представься, успеешь со шмотьем разобраться, — то ли посоветовал, то ли скомандовал парень.

И кивнул в сторону зарешеченного окна и почти прошептал:

— Крайняя нижняя. За метлой следи, лишнего не базарь.

Эрик направился к окну. Проходя мимо других обитателей камеры, он старался не встречаться ни с кем взглядом. Краем глаза пытался уловить, как те реагируют, однако никакого проявления особого интереса не заметил.

Хозяин крайней нижней шконки у окна полулежал, облокотившись на подушку, и читал потрепанную книжку. Невзрачный мужичок лет пятидесяти-шестидесяти. Точнее возраст Эрик определять бы не взялся — ему все, кому за сорок, казались старыми. Мимо такого человека на улице точно пройдешь, не обратив на него никакого внимания. Глубоко посаженные, с нависшими веками, маленькие глазки Иргалеича оторвались от чтения и цепко посмотрели на подошедшего. Эрик вдруг понял, что не знает, как к нему обращаться. «Иргалеич» — звучало слишком по-панибратски. Опять же, это кличка или отчество? Тогда его отца звали Иргалей? Такого имени Эрик не знал.

Дяденька отложил книжку. Подбородком указал на угол шконки.

Эрик неуверенно присел на самый краешек.

— Ну, рассказывай. Что тебя к нам привело?

Иргалеич спрашивал ласково, словно врач маленького пациента, пришедшего на прием. Эрику стало не по себе. Он понимал, что все это очень обманчиво. Он постарался коротко и сухо изложить самую суть. Получилось довольно сбивчиво, но, кажется, ничего лишнего.

Улыбка, едва тронувшая уголки рта Иргалеича в начале рассказа, к его завершению расплылась настолько, что обнажила оба ряда неровных, сильно пожелтевших от курения зубов.

— Удивил! — сказал он, продолжая улыбаться, — давненько я политических не видел. Последние лет двадцать никто не попадался.

— Да не политический я! — разгорячился Эрик. — Говорю же, случайно попал.

— По виду ты вроде не дурак, — сказал Иргалеич, перестав улыбаться и внимательно разглядывая собеседника, — как же ты вписался-то?

Эрик хотел ответить: «Из-за девушки» — и вдруг понял, что это неправда. Единственной девушкой, из-за которой он готов был «вписаться» во что угодно, была Кира. Здесь же — гордыня чистой воды. Гордыня и самолюбие. Владка сознательно или случайно взяла его «на слабо», а он посчитал унижительным для себя показаться трусом.

Всего этого Эрик благоразумно рассказывать не стал. Подумав, сказал со вздохом:

— Значит, все-таки дурак.

За спиной кто-то громко хмыкнул, на соседних шконках засмеялись.

Эрик стал оглядываться. Оказалось, что сокамерники внимательно прислушивались к их разговору. Новый арестант — хоть какое-то развлечение в сером однообразии заключения.

Иргалеич только выпятил подбородок и чуть оскалил толстые африканские губы, как немедленно стало тихо.

— Не хочешь — не говори, — сказал он уже совсем серьезно, — дело твое. Главное — ты мне тут политики не устраивай. Голоденок или еще каких танцев с бубнами.

— Да вы что? Нет, я не буду. Я вообще человек тихий, — как можно убедительнее ответил Эрик.

— Ладно, ступай, «тихий». Коля вон тебе расскажет, что здесь и как, — Иргалеич кивнул в сторону его нижнего соседа.

Вернувшись к своей шконке, Эрик протянул тому руку:

— Будем знакомы. Ты Коля?

Тот руки не подал, отрицательно покачал головой.

— Спрячь грабки. И не делай так никогда. Тебе как первому пока простительно. Здесь не ручкаются — можно зашквариться. Меня Николаем зовут. Коля — это для Иргалеича.

— Понял, извини, — Эрик виновато улыбнулся.

— Хата у нас правильная, — едва слышно сказал Николай, — Иргалеич беспредела не допустит.

Он стал неторопливо рассказывать об устройстве быта в камере. Делал четкие акценты на том, чего делать категорически нельзя. Эрик судорожно пытался все запомнить. Его почти «отпустило». Люди в камере оказались вполне нормальными, а жизнь — даже, пожалуй, сносной.

Эрик начал разворачивать матрас. Тут его словно током дернуло.

— Николай! А почему нельзя самому шконку заправлять? — спросил он, убирая руки от постели.

— С чего это ты взял? Шняга какая-то.

— Ну, мне парнишка один говорил. Он вроде после малолетки... — замаялся Эрик.

— А, с малолетки. Ну, не знаю. На малолетке дури всякой много. Там и колбасу с сыром есть нельзя, — Николай осклабился, — слышал я стишок один такой, типа устава. Ты не пугай: свою шконку заправлять не запахло, это твое личное дело. А вот другим начнешь — не отмажешься уже никогда. На зоне

шныри блатным койки заправляют, есть такое. Здесь у нас такого нет. Не определили никого в шныри и, если чё, первый кандидат — только ты.

Незадолго до отбоя сокамерники собрались чаевничать. Позвали и Эрика. Он было стал отказываться, но, наткнувшись на внимательный взгляд Иргалеича и получив тычок от Николая, взял облупленную эмалированную кружку и пошел к общему столу. Ложку брать не стал, хотя успел заметить на столе сахар и что-то типа варенья в полиэтиленовой чеплашке. Чайных ложек здесь не выдавали, а явиться с большой столовой ложкой показалось ему верхом наглости. Ложка, к слову, очень напоминала реквизит фокусника. Алюминий оказался настолько мягким, что ее можно было не только согнуть силой мысли, но, пожалуй, и завязать в узел. Эрик привык к алюминиевым приборам в армии. Однако это произведение пенитенциарной системы явно стояло в отдельном ряду.

Эрик пил пустой чай, не чувствуя его вкуса. На общем столе кроме сахара лежали в раскрытых мешках дешевые развесные конфеты, печенье и сушки, но ему ничего не хотелось. Он размышлял о том, что все здесь похоже на армейскую казарму. Конечно, довольно условно. «Я выдержу, — думал Эрик, — правильно говорят: везде люди живут».

— Пацан-то у нас и правда тихий. Сидит как мышь, лишнего слова не скажет, — решил обратиться на Эрика внимание один из сокамерников.

Познакомиться Эрик ни с кем, кроме Иргалеича и Николая, не успел и по именам больше никого не знал.

— Хавай, не стесняйся. Сахар хотя бы бери. На столе все общее. Не обсосешь никого. Как бердачку с воли получишь, тоже на общак закинешь. На беспризорника ты не больно похож. Мамка, небось, нехилую дачку соберет, — продолжил он, незлобно смеясь.

— Спасибо, я правда не хочу, — автоматически ответил Эрик.

— Никогда не говори «спасибо», забудь это слово. Говори «благодарю».

— Я не успел его предупредить, — это уже Иргалеичу.

Несмотря на страшную усталость, после отбоя он долго не мог уснуть. Снова и снова обдумывал свое положение. Каждый раз, когда казалось, что уложил все в голове, мысли заходили на следующий круг. Он то бодрился, что два года «химии» переживет легко, пережил же два года армии, то впадал в отчаяние, понимая, что это не армия и не стоит себя обманывать. Даже всплакнул немного, сразу же испугавшись, что кто-нибудь заметит. Уснул только под утро и по подъему встал совершенно разбитым.

* * *

После завтрака Эрика выдернули на допрос к следователю. Увидев его помятую физиономию с красными глазами, тот ухмыльнулся.

— Как вам санаторий, Эрос Николаевич?

— Нормально! Везде люди живут, — твердо ответил Эрик.

— То есть разговора у нас опять не получится? — удивился Лысый.

— Я рассказал все, что знаю. Мне нечего добавить, — ответил Эрик.

— Ладно, — сказал Лысый.

Появился конвойный. Следователь вышел. Отсутствовал он около получаса.

— Уводите, — бросил Лысый конвойному, вернувшись.

Эрику больше ничего не сказал. Даже не посмотрел на него. Уже выходя Эрик вспомнил, что хотел спросить про родителей. Узнать, сообщили им, где он находится. или нет. Дернулся было назад, но получил ощутимый толчок от конвоира.

За дверями их встретили двое. Еще один конвойный и офицер. Офицер что-то коротко сказал первому конвойному, и тот

ушел. Эрика повели по бесконечным коридорам и переходам. Ему казалось, что он запомнил дорогу от своей камеры, но вели его явно в другую сторону. Оказавшись в старой части тюрьмы со сводчатыми потолками, Эрик начал подозревать недоброе. Предательски засосало под ложечкой. Его завели в одну из пустых камер и начали бить.

Драться Эрику в жизни приходилось нечасто, и доставалось ему в драках, как правило, не так, чтобы очень. Получалось, что бьют его по-настоящему в первый раз. Это оказалось очень больно. Очень! Больно и обидно. Случилось то, чего Эрик боялся больше всего. Он расплакался. Нет, не валялся в ногах мучителей и не просил остановиться. Его просто душили слезы обиды. Били его совершенно безнаказанно. Он не мог ответить сейчас, не сможет ничего доказать потом. Когда Эрика подняли с пола, он с трудом удержался на ногах. Резкая боль в животе сгибала пополам, а колени предательски подламывались. Лицо осталось целым, его специально не трогали, лишь раз случайно прилетело сапогом в зубы. Нижняя губа начала распухать, слезы и сопли смешивались во рту с кровью.

Офицер бросил ему грязное полотенце.

— Утерся, пошел! — скомандовал он.

* * *

По дороге назад Эрик приноровился идти так, что почти не чувствовал боли. «Плуну этому Лысому в лицо, — думал он в запале, х... ты меня сломаешь». Одним из его качеств, над которыми постоянно подшучивала мама, было патологическое упрямство. Он не был упрямым всегда и во всем. Но стоило упереться в каком-то вопросе, шел до конца, часто вопреки здравому смыслу. Вот и сейчас его «закусило» не на шутку.

Однако привели его не к следователю, а в камеру. Не замечая любопытных взглядов, Эрик молча прошел к своей шконке

и полез наверх. Вот тут его накрыло. Оказалось, что страшно ноет правый бок, любое усилие отдается резкой болью в груди, деревянные ноги не хотят слушаться. Тем не менее, стиснув зубы и издавая нечленораздельное мычание, он сумел взобраться и рухнул на матрас.

Снизу высунулся Николай.

— Ты как? — спросил он, оглядывая Эрика с ног до головы.

— Пойдет, — ответил Эрик и отвернулся. Опять предательски выступили слезы, и он не хотел, чтобы это заметили. Боялся, что дрогнет голос, потому не стал больше ничего говорить.

Обедать он отказался. Теперь болело все тело и каждое движение давалось с большим трудом.

— Хлеба пожри, я принесу. Кондер этот капустный хлебать все равно без толку, — поддержал это решение Николай, — зря ты сразу наверх полез. Махнулись бы шконками, мне не в падлу при таком раскладе.

Эрик молча помотал головой.

Ужинать он тоже не спустился.

— Пайка твоя на столе, если чё, — известил его Николай.

Иргалеич, проходя мимо, внимательно посмотрел на Эрика, потом кивком подозвал Николая. Они о чем-то тихо переговорили. Вернувшись, Николай потряс Эрика за плечо и тихо, почти шепотом, сказал:

— Подойди к Иргалеичу, он с тобой побазарить хочет. Я говорил, что ты никакой, но сам понимаешь...

— Ладно, — Эрик кивнул.

Рывком сел и, перевалившись через край шконки, рухнул вниз. Его прострелила резкая боль, но он сумел не застонать и, едва передвигая ноги, пошел к окну. Иргалеич, как и в прошлый раз, полулежал на своей постели.

— Ну-ка покажи, что там у тебя, сынок.

Под свитером у Эрика была довольно тесная рубашка. Задрать все вверх одним движением не получилось. Зато от этой

попытки его снова пронзила жуткая боль. Подняв свитер, Эрик стал расстегивать пуговицы. Брови Иргалеича удивленно поползли вверх. На боках и груди Эрика налились багрово-синим огромные кровоподтеки.

— Неслабо тебя отметелили, — протянул Иргалеич, — я-то грешным делом думал, что съездили разок по хлебалу...

Он привстал со шконки и позвал:

— Студент, подойди-ка!

Высокий костлявый мужик, откликнувшийся на зов, на студента никак не походил. Возраста он был примерно как отец Эрика. Впалые бесцветные глаза смотрели равнодушно. Осмотрев и ощутив бока, он неожиданно сильно надавил большим пальцем на грудь. Эрик, не удержавшись, вскрикнул.

— А ну! Вдохни как следует, — приказал Студент таким же, как глаза, бесцветным голосом.

Эрик сумел вдохнуть только наполовину ожидаемого. Грудь прострелила острая боль.

— Печень с селезенкой отбиты. В паре ребер трещины походу, на перелом не похоже, — вынес вердикт Студент. — У нас даже колес подходящих нет, аспирин один.

Иргалеич весело объявил на всю камеру:

— Парнишка-то у нас и правда тихий попался. Не пикнул даже за целый день. Нормальное погоняло — Тихий.

И забарабанил в дверь камеры. Тихо перекинулся с кем-то парой слов через открывшееся окошечко и отошел, качая головой.

— Не будет лепилы. Отдыхай! Утром перетрем, — сказал он Эрику.

Ночь прошла тяжело. Поскольку любое движение давалось с болью, Эрик лежал на спине, не поворачиваясь. Несколько раз удалось забыться сном. Утром он поднялся совершенно разбитым, но боль потеряла остроту, стала тупой и ноющей. Вероятно, Эрик просто начал к ней привыкать. От недосыпа

и болезненной лихорадки он воспринимал окружающий мир отстраненно, словно через кокон сгустившегося вокруг него до состояния ваты воздуха. Так бывает при очень высокой температуре.

Его не трогали весь следующий день. К боли почти привык, только трещины в ребрах при неловком движении простреливали резко и неожиданно остро.

Накануне Иргалеич, как и обещал, позвал Эрика на разговор. Он подробно выпросил у него: чего, собственно, добивается следователь.

— Ты же не вор и не блатной. Какой тебе прок в конкретное отрицалово идти? — вроде как увещевал он Эрика. — И не идейный вроде, говоришь — случайно попал. Кайся, включи дурку, думай, как легче соскочить.

Эрик объяснил про обвинение Ветрова.

— И что? Он кто тебе, кореш? — Иргалеич испытующе смотрел на Эрика, — мог бы подписать, чего хотят.

Эрик отрицательно покачал головой.

— Ну и ладно. Ну и молодец! — вдруг легко согласился Иргалеич, разулыбавшись. — Нет так нет. Тогда стой до конца.

Через паузу добавил:

— Нравишься ты мне, пацан. Даже не пойму почему. Ладно, ступай пока!

Улучив удобный момент, Эрик стал потихоньку расспрашивать Николая об Иргалеиче. Кто такой «вор в законе», он примерно понимал. Но в его представлении это был авторитетный бандит, стоящий во главе преступной организации. Добродушно улыбающийся, неказистый с виду дядечка никак не укладывался в этот шаблон.

— Он что, бандой рулит? — шепотом спросил Эрик.

Николай тихонько прыснул в кулак.

— Ну ты фраер! Фраер и есть! При чем здесь банда? Он в законе живет и ходок у него, как у тебя классов образования.

Авторитетнее его не то что в нашей хате, может, по всей этой крытке пара человек найдется. А так он — щипач.

— Щипач — это карманник? — разочарованно протянул Эрик.

— Да. Высшая квалификация! — Николай как будто был горд за Иргалеича.

— А ты здесь за что? — решился спросить Эрик.

— Да ни за что, — весело ответил Николай, — как и все тут.

— А-а-а, — разочарованно протянул Эрик, — понятно.

— Да не куксись, неправильно интересуешься. Майданник я по жизни, то есть вор.

— Тоже, ну... щипач?

— Не, углы верчу.

Эрик понял, что разбираться в тонкостях уголовного мира ему предстоит еще долго. А хотелось бы не разбираться совсем и забыть все происходящее, как страшный сон. Хотелось домой.

Утром третьего дня Эрика вызвали на допрос.

Глядя, как Эрик схватился за край стола присаживаясь на стул, Лысый удовлетворенно хмыкнул.

— Вы сообщили моим родителям, где я? — Эрик сразу попытался перейти в наступление, — они должны знать, что я арестован.

— Знают, знают, об этом не беспокойся! Уже и адвоката нашли, и передачку приперли, получишь после допроса. — Лысый говорил спокойно, без нажима.

— Спасибо! — неожиданно вырвалось у Эрика.

«Черт, зачем я его благодарю, — тут же отругал он себя, — не хватало еще начать лебезить!»

— Вот только на их месте я не стал бы так печься о неблагодарном сыночке, — продолжал Лысый, — в один день разрушившим всю их жизнь.

Эрик смотрел на него с недоумением.

— Их обоих исключат из партии. За то, что не смогли воспитать достойного сына, вырастили антисоветчика. Отцу больше

не светит повышение, возможно, никогда. Можно пережить, конечно. Хотя и обидно. А вот маму твою еще и уволят с работы в ближайшее время... Могут, конечно, и не уволить... С партсобраниями там со страху поторопились, перестраховщики... Так что все сейчас зависит от тебя.

— Я же с самого начала говорил, что взглядов их не разделяю, на улице тогда оказался случайно...

— А я тебе с самого начала верю, — ласково проворковал Лысый. — Верю и делаю все, чтобы не сломать твою судьбу. Подпишешь, потом подтвердишь на суде. А выйдешь отсюда уже сегодня. Передача и не понадобится, сокамерникам оставишь в качестве благодарности. Уж больно душевно они тебя приняли, курорт какой-то у вас в камере, говорят.

— Кто говорит-то? — спросил Эрик.

Лысому, похоже, реплика действительно не понравилась. Взгляд его стал неприязненным. Он решительным движением хлопнул перед Эриком стопку бумаг.

Эрик автоматически начал читать. Сосредоточиться удалось не сразу, буквы расплывались. Наконец, Эрик взял себя в руки и вникнул в текст: «Протокол допроса Криони Эрика... случайно оказался в компании... Ветров... активно агитировал против советской власти...». Он оторвался от бумаг.

— Я готов в подробностях рассказать вам все, что действительно знаю, видел, слышал. Расскажу и подпишу. Могу то же самое подтвердить на суде. ЭТО я подписывать не буду, — громко сказал он Лысому, отодвигая бумаги.

— А производил впечатление неглупого парня. И на родителей наплевать... Больше я тебя вызывать не буду, на следующий допрос попросишься сам. И молись, чтобы у меня нашлось на тебя время. Пошел отсюда!

Не успел он вернуться в камеру, как его вызвали для получения передачи. Большой сверток, сшитый из белой простыни, ему выдали распоротым и распотрошенным. Выкладывая содержимое

на стол в камере, Эрик сразу понял, что собирали его под руководством опытного человека. Несколько пачек дефицитного индийского чая «со слонем», сахар-рафинад, печенье, конфеты-помадки, сухари, джем в пластиковом корытце, сало, палка «Московской летней», десять пачек «Примы», носовые платки, нижнее белье и еще кое-какие необходимые мелочи. Мамину руку он узнал по «морским камешкам» — изюму в разноцветной сахарной глазури. Такие она присылала ему в армию. Только эти «камешки» вместе с одеждой и нехитрыми средствами личной гигиены он оставил себе. Все остальное отдал «на общак», вызвав сдержанное одобрение сокамерников.

Утром события стали развиваться стремительно. Эрику не удалось даже присесть до обеда. Его снова вызвали. Оказалось, на свидание с адвокатом.

Невысокий юркий человечек с маленькими хитрыми глазками и насмешливой улыбкой не очень вязался в представлении Эрика с серьезной профессией. Разговор тоже вышел какой-то простецкий, как между товарищами. Эдуард, как он представился, был много лет знаком с мамой и на ее просьбу, оказывается, откликнулся немедленно. Его не пускали в СИЗО без объяснения причин весь предыдущий день и только после того, как он ближе к вечеру накатал официальную жалобу, дали свидание сегодня.

— Как в камере?

— Все хорошо, нормальные люди.

— Ты аккуратнее с «нормальными людьми», глазом моргнуть не успеешь, как могут в ненормальных превратиться. Думай, что говоришь и делаешь. Ну, по бытовым вопросам я тебя проконсультирую, если надо. Давай по делу. Позиция следствия какая-то мутная. Чего-то недоговаривают, бумаги прячут, не пойму пока, чего хотят. Рассказывай.

Эрик все подробно рассказал и про тот злополучный день, и про общение со следователем, начиная с первого разговора в ИВС, заканчивая сегодняшним.

— Жалобу по факту избиения будем подавать? — поинтересовался Эдуард, — вообще это серьезное дело.

— Нет, жаловаться не буду, — отрезал Эрик.

— Хорошо, это твое решение. Может, пока и правильно. Если повторится, обязательно скажи мне. Пока ты арестован на два месяца. Но статьи нехорошие, могут придумать основания и продлить арест до шести месяцев, а то и до двенадцати... Протокол, который тебе предлагают, точно не хочешь подписать?

— Нет! Пусть все будет по закону. Вы же хороший адвокат? Сколько мне могут дать по закону?

— Пока рано говорить. Два года исправительных, может быть... Ты пойми: хороший адвокат — это не тот, который хорошо знает законы, а тот, который хорошо знает судью. Шутка!

— Но в каждой шутке...

— Не-не, не в твоём случае. Тут вопрос Контора курирует. Со следствием надо договариваться. Я потому и хочу со следователем переговорить. Ты им не интересен, им нужны показания на главных фигурантов. Подписать что-то все равно придется. Но может, какие-то косвенные... не знаю пока.

— Но все же? Если я упрусь и ничего не подпишу, мне что — десять лет без права переписки?

— Ну зачем же так-то? — Эдуард улыбнулся. — За антисоветскую тебя подтянуть практически нереально, нет никакой доказательной базы. У тебя даже плаката в руках не было, с твоих слов. Значит, и фото такого нет. Если только заставят кого-то напеть на тебя. Только зачем? Могут на исправительные работы. Максимум два года, реально — всяко меньше. Тут они здорово подготовились. Ты прям злостный тунеядец выходишь.

— Да вытерплю я «химию», — зло процедил Эрик.

— «Химия», «химия», — протянул Эдуард, — не про «химию» сейчас речь. Договариваться надо. Будем торговаться.

— Хорошо, спасибо! То есть благодарю! — выдохнул Эрик.

— Научили уже? Рано, рано благодарить, — Эдуард бормотал, собирая портфель, — увидимся. Главное — не унывай!

После обеда Эрику удалось спокойно полежать. Больше его не беспокоили. Задрав свитер и рубашку, он разглядел свои увечья. Пятна из багрово-синих превращались в желто-зеленые. Дышать он мог свободно, резкая боль в груди появлялась только при надавливании. Валяясь на шконке, Эрик обдумывал слова адвоката о том, что арест могут продлить до года. Год в СИЗО он себе не представлял. С другой стороны, судить его позже основных фигурантов не имеет никакого смысла. То есть конкретно от него, может, ничего и не зависит. Теперь его пугала только неизвестность.

Ближе к вечеру из камеры выдернули Иргалеича. Вернулся он на удивление быстро. Войдя, первым делом подошел к Эрику и молча позвал его за собой, просто мотнув подбородком. Эрик сполз со шконки и поплелся следом.

* * *

— Присаживайся, сынок! — Иргалеич указал на свою шконку и устроился в изголовье сам, — разговор есть, слушай внимательно, только не кипишуй раньше времени.

Он очень внимательно смотрел на Эрика, и тот почувствовал, что разговор будет не только серьезным, но и неприятным.

— Мне тут сорока на хвосте принесла, что тебя перед отбоем в пресс-хату переведут, — Иргалеич говорил тихо, размеренно и будто бы равнодушно.

Эрик не услышал ни обычных отеческих ноток, ни тени сочувствия.

— И что мне делать? — выдавил он из себя.

— Здесь я тебе не советчик, — также ровно ответил Иргалеич, — что делать, ты сам должен для себя решить. А вот рассказать, что тебя там ждет, могу. Прессовать тебя будут до тех пор,

пока нужные следаку показания не дашь. Там понятий никаких нет. «Шерстяные» хуже опущенных, терять им нечего. Убить, конечно, не убьют. Нет у них такой задачи. Вот только умереть ты сам, может, захочешь, да не дадут. Если сразу сломаешься, решишь, что не стоят твои принципы таких страданий, можно попробовать тут же из хаты и выломиться. Только следак-то давно уже дома чай с баранками пьет. Дубаки могут поглумиться, до утра не выпустить. А что там будет с тобой до утра, думай сам. Если вытерпишь эту ночь, будет вторая, третья, неделя, месяц. То, что им надо, ты рано или поздно сделаешь. После первой ночи другой масти оттуда выломишься, а кем через месяц будешь...

В голове звенело, она становилась как воздушный шар, пустая и легкая. Эрик потерял способность мыслить. Страх, словно гигантский червь, поднимался из желудка, раздвигая пищевод и закупоривая горло.

— И что, других вариантов нет? — осипшим голосом прошептал Эрик.

— Варианты всегда есть, — уклончиво ответил Иргалеич.

— Какие?

Иргалеич неопределенно покачал головой и ничего не ответил.

Эрик с перекошенным лицом на негнущихся ногах вернулся к себе. Забраться наверх не удавалось. Конечности не слушались.

От ужина он хотел отказаться, но Николай чуть ли не силой притащил его к столу. Несъедобная тюремная пища была щедро разбавлена «деликатесами» из передачи Эрика. Особо все нахваливали колбасу.

После ужина затеяли чифирить. Вышло так, что никого из камеры не поддерживали передачами с воли. Чай к моменту появления Эрика практически закончился, и его берегли для обычной заварки. Несколько пачек хорошего чая заметно подняли настроение арестантов, успевших уже соскучиться

по привычному напитку. Эрик перед переездом решил напиться чифиря как следует. Надеялся даже, что удастся вырубиться совсем. Однако, сделав пару глотков побольше, очень быстро почувствовал нестерпимую тошноту и, махнув рукой, отошел от стола. Это вызвало беззлобный смешок у бывалых обитателей камеры, однако тему никто не развивал, дав новичку прийти в себя. Через несколько минут тошнота прошла, осталось лишь легкое головокружение.

Эрик снова присел к столу и осторожно пригубил из кружки. Червь страха не вылез из него. Наоборот, он только раздувался, сминая внутренности и заставляя горло сжиматься спазмами. Приходилось сдерживать себя от желания пить быстрее. Эрик все еще надеялся, что придет настоящее забытие. К тому времени, когда со скрежетом распахнулось оконце в двери камеры, у него заметно кружилась голова. «Крыша ехала», но совершенно недостаточно, чтобы хладнокровно принять судьбу.

— Криони, на выход! С вещами! Собирай манатки, переезжаешь, — голос дубака звучал делано равнодушно.

Эрика захлестнул очередной приступ паники, сколько он ни готовился к этому моменту. Непослушными руками он собрал всю мелочевку в наволочку, потом скатал матрас. В обнимку с этим кульком он, опустив глаза, двинулся к выходу и неожиданно столкнулся с Иргалеичем, невесть как оказавшимся на пути. Тот равнодушно отпихнул его и, не удостоив даже взглядом, прошел мимо. Эрик вспомнил, что после разговора о пресс-хате тот за весь вечер больше не перекинулся с ним ни одним словом.

Длинный путь с бесконечными «лицом к стене» дался Эрику непросто. Кружилась голова, подрагивающие ноги неожиданно предательски подгибались в самый неподходящий момент, от тяжести матраса страшно затекли руки. Боясь вернуться на очередной лестнице, Эрик попытался переместить матрас под мышку и вдруг почувствовал сильный укол в ладонь. Он

попытался сосредоточиться, прогоняя туман, и пошевелил правой рукой. Когда он понял, ЧТО ему мешает как следует обхватить матрас и больно впивается в ладонь, ужаснулся и похолодел. Кажется, вся дурь от чифирия вылетела из него вместе с мгновенно проступившим потом. Старый карманник, намеренно столкнувшись, вложил ему в рукав заточку. Эрик шел дальше, уже не понимая, чего боится больше: пресс-хаты или того, что сейчас у него обнаружат холодное оружие. Это могло оказаться фатальным залетом.

Пока мысли Эрика судорожно метались от одного к другому, они, судя по всему, добрались до места. Эрик успел заметить, что его привели в старую часть тюрьмы. Здесь в пустой заброшенной камере его били в прошлый раз. Четырехместка, в которую он входил сейчас, оказалась обитаемой. По размеру она значительно уступала прежней. Сводчатый потолок низко нависал над верхними шконками.

Как только за Эриком захлопнулась дверь, три аборигена двинулись к нему. Входя, Эрик снова поднял свернутый матрас перед собой, словно это могло послужить ему защитой. Теперь он плохо видел подходивших из-за маячившего прямо перед лицом куска простыни.

— А вот и «машка» наша подоспела, — раздался хриловатый голос, — будет чем потешиться. Ну иди ко мне, мой сладкий сахар!

Первым подошел крепко сбитый, жилистый парень. Силуэтом он очень напоминал крупную гориллу. Даже толком ничего не разглядев, Эрик почувствовал исходящую от него агрессию. Глубоко посаженные глаза, неожиданно вынырнувшие из-за баула, смотрели со злобой и возбуждением. Тонкие губы кривились в улыбочке. Он отпихнул правым локтем, загораживающий Эрика матрас, схватил его левой ладонью сзади за шею, рывком притянул к себе и... застыл в недоумении, напорвшись на заточку. Эрик даже не понял, как она очутилась

у него в руке. Но, по воле случая проскользнув точно между ребер, она без усилий вошла по самую рукоять в область сердца. Несколько мгновений они так и стояли друг против друга. Эрик не двигался в оцепенении, продолжая судорожно сжимать заточку. Лицо его визави исказила страдальческая гримаса. Казалось, что он силится что-то сказать, но не может. Злоба в глазах сменилась безразличием, взгляд остекленел. Почувствовав, что он начинает заваливаться вперед, Эрик с силой оттолкнул его свободной рукой. Здоровый белобрысый детина, подошедший вторым, не уловил причину заминки и хотел было уже тронуть кореша за плечо, но вместо этого инстинктивно подхватил падающее тело за подмышки. Роста он был, похоже, немаленького, так как, даже согнувшись под неожиданно навалившейся тяжестью, оказался лицом к лицу с Эриком. Все происходящее мало напоминало реальность.

Эрик неловко махнул оставшейся в руках заточкой и попал точно под ухо здоровяку. Если в первом случае крови было не много, то сейчас из шеи бил пульсирующий фонтан, заливая все вокруг. Соображал детина медленно и не сразу избавился от обременения. Наконец, бросив мешающее тело, попытался левой рукой зажать рану, а правой уцепить Эрика. Но было уже поздно. Глаза его стали туманиться, он пошатнулся, упал сначала на колени, потом рухнул на пол, теряя сознание. Третий обитатель пресс-хаты ситуацию оценить успел. Он уже отступал со словами: «Э, э, ты чего?» Эрик в отчаянии решил, что останавливаться нельзя. Он бросился вперед. То ли запаниковав от вида крови, то ли изначально будучи трусоватым, оставшийся «лохмач» вместо того, чтобы защищаться, попытался спастись на верхней шконке. Он сумел довольно ретиво на нее взобраться, потеряв при этом старенькие кеды. Подскочивший Эрик беспорядочно бил заточкой, пытаясь достать противника. Когда ему удалось проткнуть стопу, несчастный истошно заверещал и, согнувшись, схватился за рану. Это стало его роковой

ошибкой. Эрик дотянулся до него и свалил в проход. Здесь он продолжал бить зажатой в руке железкой до тех пор, пока крики не перешли в хрипение и не стихли совсем. Эрик встал и зачем-то пошел к выходу. Однако почти все пространство перед дверью уже было залито кровью. Огромная лужа поглотила его баул из наволочки и подбиралась к лежащему в стороне матрасу. Эрику почему-то показалось жизненно необходимым спасти и сохранить эту частичку спокойного быта из прежней камеры. Он подхватил матрас и забросил его на свободную шконку. Постоял в нерешительности. Лужа подступала все ближе.

Эрик забрался наверх, устроился на родном матрасе и только тут начал осознавать произошедшее. Его стал трясти озноб, подступила тошнота. Невыносимо заныл бок, на котором он лежал, отвернувшись к стене. Эрик, передергиваясь всем телом, повернулся и лег на спину. В глазах расплывалось, он не мог сфокусироваться на сводах потолка. Ему стало казаться, что там, наверху, вновь, как тогда в ванной, сгущается тьма. Только теперь она не напоминала клубящуюся стаю суетливых насекомых. Ровным и абсолютно непроницаемым покровом она постепенно опускалась, неумолимо приближаясь к нему. Вот она уже совсем близко. Эрик медленно закрыл глаза. Когда он сомкнул их полностью, тьма поглотила его целиком. Эрик уснул глубоким и безмятежным сном.

* * *

Услышав вопли, доносящиеся из пресс-хаты, охранник, дежуривший в конце коридора, вызвал старшего контролера:

— Сходи, посмотри, что там.

— Чего там смотреть. Эта «шерсть» свое дело знает.

Вопли вскоре прекратились. Контролер удовлетворенно хмыкнул:

— Во, видишь, затих. Видать понравилось.

Утром Эрика разбудили истошные крики. Контролер, заглянувший в «кормушку», от обилия крови ошалел и вызвал подмогу. Теперь охранники, не решаясь подступиться ближе, наперебой орали с порога: «Слез оттуда! Встал лицом к стене!» Несмотря на долгий и крепкий сон пробуждение давалось с трудом. Состояние напоминало сильное похмелье. Болезненная слабость сковывала тело, сознание пробивалось сквозь плотный туман. Эрик медленно спустился. Первый бросившийся к нему контролер поскользнулся и упал прямо в лужу крови. Остальные бросились к Эрику, повалили его сюда же, стали заламывать руки, хотя никакого сопротивления он не оказывал. Когда удалось защелкнуть наручники на завернутых за спину руках, Эрика подняли и поволокли по коридору в полусогнутом состоянии.

Охранники, тащившие его, сопели и постоянно спотыкались. Сзади слышался топот сопровождающей их группы поддержки. Наконец процессия, тяжело дыша, ввалилась в какой-то кабинет. То, что это не камера, Эрик понял даже по полу. Ничего другого он в своем положении видеть не мог. Вывернутые назад руки ломило нечеловечески, и когда его выпрямили, Эрик некоторое время был занят только внутренними ощущениями, наслаждаясь возможностью вернуть суставы в более или менее естественное положение и почувствовать ток крови в онемевших членах. Немного придя в себя, он поднял взгляд и встретился глазами с офицером, который вперился в него, даже привстав из-за стола.

Капитан внутренней службы, по всей вероятности, был начальником оперчасти СИЗО: холеное лицо, аккуратно уложенная прическа и форма с иголки. Он сосредоточенно разглядывал Эрика, временами брезгливо морщась.

— Он что, их ел? — нарушил он, наконец, молчание.

Охранники, не ухватив затейливый зигзаг начальственной мысли, не знали, что отвечать. Через паузу один из них сообразил,

что капитан видит перед собой арестанта, не просто перемазанного кровью с ног до головы, а вымокшего в ней насквозь.

— А, не! Он просто лицом прямо в лужу упал, — бодро доложил он, — а до этого чистенький вроде был, спал на верхней шконке.

— Спал?

— Ну, да! Когда контролер заглянул, в камере тихо было. Эти все лежат, на полу кровяща, а этот вроде спит. Только когда охрана вошла, проснулся. Слезать стал, в кровяку-то и свалился.

— Я не свалился, это вы со страху меня всей толпой на пол повалили, — услышал вдруг Эрик собственный голос.

Охранник хотел было ударить его в живот, но офицер сделал предостерегающий жест. Брезгливость на его лице сменилась злобой.

— Ты кто такой? — процедил он, глядя Эрику в глаза.

— Криони Эрик Николаевич, — спокойно представился Эрик.

Он поймал себя на том, что относится к происходящему совершенно бесстрастно. Не было ни страха, ни отчаяния, вообще никаких эмоций. Эти люди были насекомые, с которыми он сейчас ничего не мог поделать, надо было просто потерпеть. Но при удобном случае он может каждого из них раздавить, уничтожить. Какой-то уголок сознания ужаснулся этой мысли, но только на мгновение.

— Как тебя зовут, я знаю, — капитан свирепел. — Следак твой пел мне, что ты студент, интеллигентिशко.

— Я и есть студент, — спокойно ответил Эрик.

— В армии служил?

— Да.

— А-а-а! Спецназ? — обрадовался своей догадке капитан. — А в деле нет ничего.

— Я в штабе служил, — поспешил разочаровать его Эрик.

— Ага, в штабе, студент. И трех опытных зеков влежку положил.

— Они напали, я оборонялся. Это самооборона была.

— Самооборона? Ты эту пургу следователю будешь нести, мне это по хрену. Все уже, теперь тут всех поймут по полной, ЧП не замать. Ты мне, главное, расскажи, где заточку взял.

— Заточка у них была. Один выронил, я подобрал.

— Не было у них заточки. Не было, я точно знаю! Фуфло мне не толкай!

— У них была, больше ничего не помню.

Чем больше заводился капитан, тем больше успокаивался Эрик. Он отстраненно размышлял о том, что надо просто «включить дурку»: «ничего не помню, ничего не знаю» и не беспокоиться о правдоподобности показаний.

— Это Иргалеич, я знаю. Поднасрать мне решил. Ладно, организую я курорт твоим сокамерникам! И тебе мало не покажется! — капитан как будто успокоился и угрожал вполне спокойным тоном.

Эрик промолчал.

Его поместили в карцер. Смыв кровь и переодевшись в тюремную робу, Эрик, как это ни удивительно, почувствовал себя просто отлично. Он был сейчас совсем другим человеком. Совсем не тем, что засыпал вчера посреди кровавой бани. Новый Эрик вполне отдавал себе отчет в том, что теперь его совершенно точно ждет срок, и немаленький. Но это совсем его не пугало.

Это была его новая жизнь, и он собирался ее прожить, какой бы она ни оказалась. Впрочем, не пугала его и возможность умереть. Он готов был принять смерть в любую секунду с решимостью фаталиста. Более того, этот новый человек не считал жизнь ценностью — ни свою, ни чужую. Ровно так же, как он готов был умереть сам, он был готов отнять жизнь у другого и не считал это противоестественным. Лишь изредка сквозь серую пелену равнодушия, окутавшую сознание, прорывался прежний Эрик с чувствами и эмоциями. Однако тесный карцер

с влажными, скользкими стенами и нестерпимым холодом явно был не тем местом, где хотелось бы задержаться хоть на минуту. И этот Эрик быстро прятался, оставляя на железной скамье без матраса существо, эмоционально близкое скорее к голему, чем к человеку.

На следующий день каким-то чудом к нему сумел прорваться адвокат. Он смотрел на Эрика совершенно другими глазами. Чувствовалась отчужденность и как будто даже опаска. Тон разговора, в отличие от прошлого раза, стал сугубо деловым.

— Твое дело будет вести другой следователь. Предыдущего отстранили, — начал он, — причем такое чувство, что Контора открестилась от него вовсе, будто и не было никакого интереса. Так что про антисоветскую агитацию можно забыть. Тунеядство на фоне последних событий вообще звучит смешно, но как факт, характеризующий тебя как личность, на суде звучать будет плохо. Нужны свидетели, что ты все лето пахал на стройке. Ну и с университетом что-то можно порешать.

— Свидетелей толпа, данные ребят из нашей бригады в записной книжке у меня есть. Дома надо поискать. С университетом не знаю, — Эрик отвечал равнодушно, эти мелочи волновали его мало.

— Поищем. Сейчас важно представить тебя жертвой обстоятельств, хорошим интеллигентным мальчиком. Тогда есть шанс на минимальный срок по твоей новой статье. По самому факту, боюсь, сделать ничего нельзя. Отрицать очевидное бессмысленно. Или будем отрицать?

— Не будем. Я убил.

— Тогда самооборона. Даже превышение — это совсем другие сроки по сравнению с умышленным убийством. Здесь важный момент с орудием, что скажешь?

— Я оперу сразу сказал, что заточка их была.

— Молодец! Это очень хорошо! Следователю под протокол — то же самое.

— Я понял. Сколько мне светит?

— Рано об этом говорить. Прокуратура наверняка будет настаивать на умышленном, то есть сто пятой. Я приложу все усилия, чтобы переквалифицировать в превышение самообороны. Рассказывай, как все было, только честно. Какую версию выдавать следствию, подумаем.

Эрик подробно изложил все, что помнил. Про заточку соврал, что нашел под матрасом перед самым переселением.

— Ты должен понимать, — глядя ему прямо в глаза, сказал Эдуард, — что тогда превышение у нас сразу рассыпается: ты вошел в камеру уже вооруженным. Другая версия — на тебя напали в камере с заточкой, ты отнял или завладел ею случайно, что еще лучше, а дальше увлекся и превысил необходимые пределы. Только это ложь. Тебя подловят.

— Плевать. Они напали, первый из них ударил, я выбил заточку, схватил ее, ну и... превысил в общем.

Он постоянно ловил себя на том, что ему почти безразлично, чем все это закончится. Нет, конечно, не совсем безразлично. «Лучше веселиться, чем работать, лучше водку пить, чем воевать», — с этим трудно спорить. Комфортные условия на воле гораздо предпочтительнее лагерного убожества. Ограничение свободы — это большие неудобства во всех отношениях. Но и только. Его нисколько теперь не пугал сам факт нахождения в этой непривычной обстановке. Он перестал бояться всех этих людей: и уголовников, и тех, кто в форме. Немного пугало лишь осознание нового себя, который не боится ни боли, ни смерти, а значит — не боится ничего.

Новый следователь, полный дядечка в роговых очках, не производил впечатление злого человека. Он разговаривал с Эриком совершенно беспристрастно, порой казалось, что даже сочувственно. Нисколько не давил, лишь подробно выспрашивал все обстоятельства дела. Записывая, смешно причмокивал пухлыми губами. Выглядело так, словно он безоговорочно верит

всему, что рассказывает Эрик. Только одно обстоятельство, казалось, заинтересовало его особо.

— Эрос Николаевич, объясните мне одну вещь, — потребовал он, внимательно разглядывая Эрика, — вы убили двух самых крепких ваших сокамерников без видимых усилий: по одному точному удару на каждого. А третий истыкан буквально весь, местами неглубоко. Вы его что, пытали? Хотели что-то узнать?

— Да нет! — попытался как можно спокойнее ответить Эрик. — С теми случайно вышло, а потом я не соображал уже ничего. Сейчас даже не помню толком.

— Так-так-так! Ну конечно, не помните...

Но развивать тему больше не стал.

Эрика через две недели перевели из карцера в одиночку, где условия были явно получше, и он почти не сомневался в удачном исходе. Эдуард тоже не давал поводов для пессимизма. Этот проныра добыл-таки документальные подтверждения того, что Эрик летом работал на строительстве и подавал заявление на академический отпуск в университете, что вполне опровергало обвинения в тунеядстве. Кроме того, он собирался приобщить школьные грамоты Эрика и благодарственное письмо родителям от командования воинской части, такой способ поощрения в армии, над которым Эрик в свое время немало потешался. С положительным обликом все складывалось неплохо.

Тем неожиданней оказалось то, что в суд прокуратура вышла с обвинением по части второй статьи 105: «Убийство двух или более лиц». Все усилия Эдуарда привели лишь к тому, что суд, учитывая исключительно положительные характеристики обвиняемого, отсутствие судимостей и приводов, а также обширный «послужной список» жертв, назначил минимально возможное наказание — восемь лет колонии строгого режима.

Эрик услышал, как охнула в зале мама. На протяжении всего процесса он старался не смотреть в сторону родителей. Лишь

в самом начале заседания он нашел их глазами, отметил, как они сдали за эти два месяца. Отец, конечно, крепился, а мама, казалось, находится в предобморочном состоянии. Что-то человеческое теплится еще в душе Эрика. Отсутствие эмоций не исключает осознания чувства вины. Эрик отлично понимал, сколько горя принес родителям. Он спокойно принял бы осуждение, но сейчас их глаза полны были любви, жалости и надежды. Ответить тем же он не мог и предпочел не встречаться больше взглядами.

ГЛАВА 10

* * *

Приговор Эрик принял равнодушно. Восемь лет строгого режима — это, конечно, не два года «химии». Досада, несомненно, была, но о ходе следствия адвокат информировал его регулярно, и как тот ни бодрился, Эрик сразу понял, что обманывать себя не стоит. Он изначально был готов к худшему.

Пережив все перипетии этапа — сборки, автозаки, столыпинские вагоны, пересылки, бесконечный лай собак, крики вертухаев, Эрик оказался, наконец, в колонии. Условия на удивление оказались сносными. По крайней мере, гораздо лучше, чем в СИЗО, не говоря о пересылках. Барак светлый и чистый. Двухъярусные кровати расставлены точно, как в армейской казарме. «Везде люди живут», — вспомнил Эрик заезженную фразу, которую сам же когда-то сказал следователю.

Бригадир отряда, или «бугор», как его здесь принято называть, принял Эрика настороженно. Похоже, что тюремный телеграф гнал его «славу» далеко впереди. На этапе Эрик держался особняком, ни с кем не общался, при случайных контактах вел себя высокомерно и дерзко. Все это сошло ему с рук, желающих пойти на открытый конфликт не нашлось. Теперь он так же держал себя с бригадиром, что никак не могло тому понравиться. Здоровый амбал средних лет, получивший кличку Башка то ли за выдающиеся умственные способности, что было крайне сомнительно, то ли за действительно крупный, тщательно выбритый череп, пользовался беспрекословным авторитетом в своем отряде. И хотя Эрик не сказал ни одного лишнего слова,

только представился, как положено, бригадиру, по всей видимости, очень не понравилась в новичке сама манера держаться.

— Слушай сюда, Тихий, — негромко процедил он, — я вижу, ты ставишь себя не по масти. Мне велено тебя не трогать, потому пока можешь располагаться, а там поглядим.

— А не будешь трогать, и проблем со мной не будет, — ухмыльнулся Эрик, — я же тихий.

— Сказал — поглядим. Работать будешь или в отказ?

— Зачем же в отказ? Работать — это с удовольствием! Только мне бы в помещении. По причине слабого здоровья.

Башка холодно оглядел высокого спортивного парня.

— Все производство в помещении, у нас тут не лесоповал. Умеешь чего?

Эрик отрицательно покачал головой. Не хватало угодить на стройку.

— Умеешь — не умеешь — все равно на швейку. Для тебя другой работы нет.

— Значит, на швейку.

То, что обязательно надо работать, Эрик решил для себя сразу. Без занятия, которое занимало бы большую часть времени и обеспечивало усталость для хорошего сна, и за два года сойдешь с ума, не то что за восемь.

Вечером к нему снова подошел Башка.

— Иди на выход, там тебя отведут. Урал хочет с тобой побазарить.

— Урал — это пахан?

— Книжек начитался? Здесь так не говорят. Урал Резаный — в законе, он за этой зоной смотрит. Беги живее, никто тебя ждать не будет.

У дверей барака его поджидал суетливый мужичонка невысокого роста.

— Ты Тихий?

— Да.

— За мной иди.

Он повел Эрика мимо ряда бараков в сторону промзоны. Работы, судя по всему, уже прекратились, и вокруг было пустынно. Перед входом их встретил охранник. Высунувшись из будки, он лениво бросил:

— Куда?

Мужичок, подбежав ближе, заискивающе прошептал:

— К Уралу. Урал велел привести.

Он кивнул на Эрика. Охранник отвернулся.

Пройдя внутрь какого-то производственного здания, они подошли к железным дверям бытовки, устроенной в углу большого цеха. Мужичок молча указал на дверь и куда-то исчез. Эрик постучал и вошел.

В прокуренном помещении за столом сидели трое в таких же черных робах, что была на Эрике под ватником. Но если собственный вид казался ему довольно нелепым, то эта троица, казалось, в этих робах родилась. Лица с задубевшей, землисто-го цвета кожей и глаза, словно цепляющие тебя крючьями, сочетались с выцветшей арестантской одеждой так же удачно, как мордашки правильно подобранных манекенщиц с модной коллекцией на дефиле. Просто совершенная гармония. Впрочем, один из троих выделялся особо. Лицо его украшал неровный шрам через всю левую щеку. «Резаный», — вспомнил Эрик.

Обращаясь прежде всего к нему, Эрик уверенно и громко сказал:

— Здравствуйте! Я — Тихий. Звали?

Зек со шрамом ухмыльнулся.

— Чет не больно ты тихий, орешь как на поверке.

Эрик счел за благо промолчать.

— Проходи, Тихий, присаживайся.

— Благодарю.

Эрик пристроился на углу скамьи. На столе не было ничего, кроме небольшой кастрюльки и одной алюминиевой кружки.

— Прикинь, ради тебя вот на биржу выбрался. Удобно тут базарить без лишних глаз.

Урал сделал небольшой глоток из кружки, пододвинул ее в сторону соседа и продолжил:

— Люди за тебя словечко замолвили. К таким людям я прислушиваюсь. Иргалеича уважаю. Тихо живет, по закону, один и гол как сокол. На сходняки его не заманишь, не лезет вопросы решать. Вот уж вор старой школы. А щас что? Наплодили «лаврушников», они живут как барыги, да все тащат и тащат своих.

— Я ведь так и не увидел больше Иргалеича, не смог поблагодарить, — решил вставить Эрик.

— Отблагодаришь, земля круглая. Не знаю, чем ты ему глянулся, что он так вписался за тебя. А за пику-то его нехило прессовали, говорят. По ходу барабанил кто-то у вас в хате, да так втихую, что не вычислили. Так вот... о тебе, Тихий. Шерстяных положил, пресс-хату захлопнул — это тебе в зачет, но положения по жизни не меняет. В армии служил?

— Служил.

— Вот. В черную масть тебе дорожка закрыта. Но, сдается мне, ты и не стремишься. А?

— Не знаю, не думал.

— А ты и не думай, жизнь — она сама определит. Здесь как жить собираешься? Актив будешь резать направо-налево?

— Зачем? Мне бы спокойно срок отмотать. Не будут меня трогать, я никого не трону.

— Так не получится! Можешь, конечно, попробовать мужиком безропотным протянуть потихоньку. Только без поддержки трогать тебя БУДУТ. И бродяги могут отвязаться, и кум. Тебе вообще крупно подфартило, что на черную зону попал. На красной бы тебя уже за ту шерсть спросили по полной.

Эрик понимал, что Урал к чему-то ведет, и выбора, скорее всего, не предоставит.

— Как же мне быть? — спросил он осторожно.

— Быть нужным мне. Я скажу — ты сделаешь. Может, и не понадобится, а может, и завтра. Особого положения у тебя ни при каких раскладах не будет, но прожить свой срок сможешь спокойно. Сам не накосячишь, никто тебя не тронет.

— И что нужно будет сделать?

— Сам не догоняешь? Шныри мне не нужны, этого добра навалом. Сделаешь то, что у тебя один раз уже получилось. Сечешь, о чем я?

— Да! Я понял.

— Ну и ступай.

Эрик вышел из бытовки и направился к выходу из цеха. Мужичок, который привел его сюда, больше не появился. Эрик опасался, что его не впустят обратно в жилую зону, но охранник демонстративно отвернулся. «Чудеса, да и только», — подумал Эрик.

Благополучно вернувшись в барак, Эрик специально оказался рядом с Башкой и, смерив его взглядом, высокомерно усмехнулся. Сигнал, по всей видимости, был понят верно. Башка молча отвел взгляд.

Потянулись одинаково блеклые дни, недели и месяцы. Ничего значимого не происходило. Эрика действительно никто не трогал. Он ни с кем не сближался, сумев установить со всеми, с кем приходилось сталкиваться в бараке и цеху, ровные нейтральные отношения. Бригадир приставил к нему на первых порах наставника — тихого смурного мужика, который должен был обучить его работе. Эрик осваивал швейное дело с большим увлечением. Это, особенно поначалу, занимало на какое-то время его мысли, сокращая бесконечную тягучесть времени. К сожалению, дело оказалось совсем нехитрым, а ассортимент моделей разнообразием не отличался. Вскоре тело само научилось автоматически справляться с работой, оставляя голову свободной для размышлений. Эрик хотел даже обратиться

к администрации с идеей обновить коллекцию прет-а-порте, но вовремя одумался.

Мама писала почти каждую неделю. Эрик отвечал через раз, однообразно сообщая, что у него все хорошо, и справляясь о здоровье. О чем писать еще, он не представлял. Та жизнь для него закончилась, в этой не было места близким и друзьям из прошлой. Месяца через три пришло письмо от отца. Он писал, что мама тяжело заболела, и он в больнице при ней. Внизу была короткая приписка от мамы с несколькими трогательными словами, в которых было больше боли и отчаяния, чем любви. От отца пришло еще несколько писем. Из них было понятно, что состояние мамы ухудшается. В последнем он сухо сообщил, что она умерла. Больше писем он не присылал. В разрешенные на строгом режиме сроки регулярно продолжали приходить посылки со стандартным набором самых необходимых на зоне вещей и продуктов.

Эрик прекрасно понимал, что отец винит его в болезни и смерти мамы. Понимал и принимал эту вину. Другое дело, что пустота и холод в душе никак чувство вины эмоционально не окрашивали. Потерю мамы Эрик пока до конца не осознавал. Это был факт, свершившийся в параллельной реальности. Эрика там не было, и воспринять его должным образом он, вероятно, мог бы, лишь вернувшись в нее вновь.

С самых первых дней мама рвалась на свидание. По правилам его могли предоставить уже в первый месяц, но Эрик твердо попросил родителей не приезжать. На самом деле ему было все равно, он не хотел терзать этой встречей маму. Она, возможно, приехала бы и без согласия Эрика, но, скорее всего, ее удержал отец. Потом она слегла и к этой теме никто не возвращался. Тем больше было удивление Эрика, когда его вызвали на краткосрочное свидание.

В тот момент, когда он увидел в небольшой обшарпанной комнатке Киру, вся его новая реальность, в которой он уверенно

обосновался, покрылась рябью и стала растворяться. Рушились тщательно воздвигнутые защитные бастионы. Прежние эмоции рвались на свободу. Лишь осознав, что по щеке катится слеза, Эрик взял себя в руки. Кира вскочила из-за стола, в порыве сделала движение к нему, но обнять не решилась. Оба чувствовали себя скованно. Они стояли друг напротив друга, молча глядя в глаза. Неловкая пауза затянулась. Кира первая вернулась за стол, пытаясь скрыть появившиеся слезы. Получилось плохо, они катились, не прекращая. Эрик присел напротив. Он разглядывал совсем не изменившееся лицо Киры. Она была прежней, как будто материализовавшейся из его воспоминаний.

— Привет! — сказал он, словно они расстались вчера и встретились у ее подъезда.

— Привет!

Слезы у Киры полились совсем уже неприличным потоком.

— Ну, что ты, Кира? Все нормально!

— Да, да. Прости!

— Не думал, что ты приедешь. Вообще никого не ждал, даже родителей просил не приезжать.

— Я знаю. Говорила с твоим отцом.

— И все же приехала?

— Я не могла... Это я во всем виновата! Нужно было вытаскивать тебя тогда из всего этого. А я из принципов... Мне казалось, что ты мною пренебрег, не хотела тебя видеть. Но потом все равно ждала, что появишься. Думала, что помучаю тебя и прощу...

— Ты ни в чем не виновата! Во всем виноват только я, и ничего уже не вернуть.

— Эрик, я хотела спросить... Это правда, что ты... Ну, убил этих? Или тебя заставили так сказать? Я не могу поверить!

— Это все правда. И меня прежнего больше нет. Зря ты приехала.

Кира сидела, молча глядя перед собой и уже не делая попыток вытирать слезы. Эрик подумал, что никогда не видел ее такой. Нет, бывало, что она плакала на фильме или спектакле. Но сейчас это были слезы отчаяния, совершенно неконтролируемый поток.

«Что же она ожидала услышать? Что я невиновен? Что по-прежнему люблю ее и прошу ждать меня восемь лет? — думал Эрик. — Нет, это нужно закончить сейчас».

— Кира, прости меня! Пожалуйста, больше не приезжай! Забудь обо мне, вычеркни из своей жизни. Все, меня нет! Прости!

Эрик вызвал охрану и ушел. То, что колыхнулось в его душе при встрече с Кирой, было лишь отголоском его прежнего. Он с огромным усилием потушил этот всполох и был уверен, что на пепелище не осталось больше ни одного тлеющего уголька.

* * *

Прошло почти полгода, прежде чем от Урала явился человек с поручением. Эрик ждал этого каждый день, за месяцы чувство небольшой нервозности от этого ожидания нисколько не припустилось. Поэтому, увидев одного из тех, кто был с Уралом в тот вечер в бытовке, в своем цеху посреди рабочего дня, он почувствовал облегчение. Тот мотнул головой, и Эрик, бросив машинку, пошел к нему.

— Здоров, Тихий! — сказал немолодой зек. — Весточка тебе от Урала.

— И вам не хворать, — ответил Эрик, — слушаю внимательно.

— Я тебе на дятла укажу. Братва его приговорила. Тебе — валить.

— Понял. Кто?

— Калганом не верти, стой ровно. Задний ряд, второй от шнифта. Погоняло — Мешок, из мужиков. Знаешь его?

— Я знаю, кто это. Сколько у меня времени?

— Срока только прокурор назначает. Ты, главное, не тяни, сделай.

Эрик не спеша вернулся на место. Он старался не смотреть на Мешка, хотя очень хотелось его разглядеть. Конечно, он много раз видел его и в бараке, и на производстве, но они ни разу не сталкивались близко. Откровенно признаться, Эрик просто не замечал этого бесцветного, немного пришибленного мужика. В то, что он стучал в оперчасть, верилось легко. Судя по виду, сломать и заставить его не составило бы никакого труда. Но дело явно было не в этом. Эрик давно понял, что тихо сотрудничают с администрацией здесь многие. А если та задастся целью, то будут все, включая часть блатных. Видимо, Мешок провинился особенно. Хотя непонятно, что он вообще мог знать. Или Урал вспомнил про меня и проверяет, подумал Эрик.

Весь вечер он разрабатывал планы. В бараке исполнить задуманное не получалось ни при каких раскладах. На улице искать удобного случая можно месяцами. Оставалась промка. Он сосредоточился на конкретной цели и вскоре стал вырисовываться вполне осуществимый вариант. Терзаний на тему «тварь я дрожащая или право имею» Эрик не испытывал. Ценность любая человеческая жизнь потеряла для него той ночью в СИЗО.

На следующий день по окончании работ Эрик, быстро прибравшись на своем столе, постарался как бы невзначай оказаться рядом с Мешком. Приблизившись, он по возможности скрытно тронул его за плечо и прошептал: «Задержишься незаметно, есть разговор». Мешок испуганно заморгал, но Эрик изобразил на лице такое дружелюбие, на которое только был способен. Затем он присел за швейным станком, как будто собирая мусор. Мешок последовал его примеру. Зеков в жилую зону вводили строем после переключки. В те несколько минут, пока вся толпа одевалась и строилась, их не должны были хватиться. Убедившись,

что все покинули цех, Эрик метнулся к Мешку. Тот только начал привставать, когда он появился сзади. Теперь все зависело от точности действий и силы. Эрик схватил растерянного мужика и что есть мочи сдавил сонную артерию. Мешок задергался, но Эрику удалось удержать руку и сдавливать шею до тех пор, пока тело в объятиях не обмякло.

Дальше Эрик дал телу упасть естественным образом и бросился к своему столу за масленкой. Сделав небольшую лужицу масла на полу под ногами Мешка, он повозил по ней его ботинками. Оставалось незаметно выскользнуть в раздевалку и смешаться с остальными. Осторожно выглянув за дверь, Эрик улучил момент, тенью метнулся из цеха и стал очень быстро одеваться, по возможности никак не выказывая спешки. Ему даже удалось выйти на построение не последним.

На перекличке недосчитались заключенного Мешкова. Эрик в очередной раз подумал о том, что, если человек ничем не выделялся, кличку здесь, как и в школе, дают просто по фамилии. Затеяливой фантазией данное сообщество не отличалось. Размышляя об этой ерунде, Эрик как бы отстранился от ситуации. То, что произошло в цеху, никакого отношения к нему не имеет. Он стоит здесь в строю и, как и все, недоумевает, куда запропастился этот Мешков.

Стоять на морозе их заставили долго. Тело обнаружилось, забегала охрана, примчались опера. Долго шли разбирательства. Кто последним вышел на построение, бригадир не вспомнил. Желающих что-то рассказать среди зеков тоже не нашлось. Изрядно продрогших, их все-таки отправили в жилую зону.

Наверняка мало кто поверил в случайную гибель стукача. Но формальные признаки присутствовали, а несчастный случай для администрации гораздо выгоднее, чем бесперспективное расследование убийства. Дело спустили на тормозах. Опера могли рыть землю, негласно выясняя обстоятельства, но Эрик об этом даже не узнал, так как трясли осведомителей и блатных.

Урал и его подручные никак не выказали Эрику своего одобрения. Словно ничего и не было. Унылая лагерная жизнь продолжалась. Месяцы складывались в годы. Постепенно с Эриком произошла неизбежная метаморфоза: когда тебя долгое время называют Тихим, рано или поздно ты им становишься. На поверках выкрикивают только фамилию. Имя «Эрик» Тихий теперь стал забывать так же, как когда-то в детстве и юности свое настоящее имя Эрос. Он стал воспринимать себя Тихим, — не тем юношей, случайно, от отчаяния и страха лишившим жизни трех отморожков, а человеком, вполне осознанно и преднамеренно убившим безответную жертву.

Солагерниками, конечно, не посвященными в его внутренние перерастания, он с самого начала воспринимался как хладнокровный душегуб, легко зарезавший трех беспредельщиков в пресс-хате и сразу после этого спокойно завалившийся спать. Что вполне соответствовало нынешнему самоощущению Тихого. Общая масса, состоявшая из мужиков, относилась к нему с опаской и держала дистанцию. Немногочисленные блатные смотрели свысока, но тоже не приближались. Администрация стабильно выполняющего план заключенного Криони как будто вовсе не замечала. Это благолепие могло иметь место только по воле негласного хозяина зоны — Урала Резаного, хотя по прошествии лет казалось, что он о существовании Тихого вовсе забыл. Того же всеобщее отчуждение вполне устраивало. Круг своих интересов он ограничил лагерной библиотекой и импровизированной качалкой, все свободное время отдавая чтению и спорту.

* * *

Урал напомнил о себе только года через три после первой встречи. Все это время они не могли увидеться случайно, так как вор в законе не работал и не жил в общем бараке. Его держали

в отдельном помещении камерного типа, из которого он выбирался для личного общения только в исключительных случаях. В прошлый раз он, конечно, слукавил. В той бытовке он весь вечер принимал разных людей и оказался там отнюдь не ради новичка. Теперь он назначил встречу в столовой. Вертлявый паренек, богато покрытый синью татуировок, подошел к Тихому днем и приказным тоном назвал место и время. Тихий молча кивнул.

Вечером он беспрепятственно добрался до столовой. Перед входом стояла небольшая группка блатных. Они курили и лениво переговаривались, всем видом показывая, что просто убивают здесь время.

— Я Тихий. К Уралу.

— Иди. Мы чё, держим? — ответил один из охранявших вход и картинно сплюнул в сторону.

Внутри оказались еще люди. Оглядев вошедшего с ног до головы, старый сморщенный зек с колючими глазами повел его по коридорам и оставил перед дверью, которую подпирали два здоровых амбала. Все это вызывало удивление. В прошлый раз никаких предосторожностей не было. Наконец, Тихий оказался в небольшом помещении, явно предназначенном для частных трапез особых персон. Впрочем, сейчас никаких яств на столе не наблюдалось. Комнатка просто использовалась как переговорная. Урал стоял спиной к столу у зарешеченного окошка.

— Давно не виделись, Тихий. Как сам? — спросил он, обернувшись.

— Благодарю, все ровно.

— Ну и хорошо! Присядь.

Оба устроились за столом. Урал прикурил, пододвинул к себе алюминиевую пепельницу.

— В прошлый раз сработал чисто. Признаюсь, не ожидал. Грешным делом, думал запущу отморозка торпедой, спалится — не жалко. А вышло — ништяк! Решил побережь тебя для серьезного дела, вот — дождался.

— Я сделаю, что скажешь.

— Я не сомневаюсь. Присмотрелись к тебе люди. Только дело сейчас такое, что ошибиться нельзя. Спугнешь баклана, он хорониться станет, ответку затеет.

— Тебе? Ответку? — искренне удивился Тихий.

— Да, пацан! Такие времена наступают, клали все на закон. То лаврушники друг друга по землячеству короновали, а нынче и за бабло могут кого угодно вором сделать. Бакланы поборзей силой братву подомнут и авторитетами себя объявят. Вот у нас на зоне такой появился, Магомед, погоняло Мага. Не слышал?

— Слышал. Не сталкивался.

— Закона не признает, с братвой не считается, собрал вокруг себя мусульман-кавказцев и выше черной масти себя ставит.

— Так братва-то чего?

Урал скривился, встал, молча походил по комнате.

— Много их. Целую войну надо затевать, бойню не на жизнь, а на смерть. Надо бы по-тихому вопрос решить. Не будет Маги, абреки его сами разбегутся. А мы их передушим по одному. Попробуй! Верю я в тебя. Сделаешь?

— Подготовиться нужно, подумать.

— Только не тяни. С беспредельщиками быстро надо решать, а то братва не поймет. Если по-тихому не получится, тогда пойдем в открытую, чего бы ни стоило.

— Я все понял, Урал.

— Надеюсь, Тихий.

Возвращался Тихий как Иванушка-дурачок от царя с наказом срубить Змею Горынычу все три головы перочинным ножиком. Про Магу он не только слышал, но и видел его пару раз вместе с приспешниками. Держались они кодлой. Как и где выловить этого Магу одного, Тихий не представлял. Во время работ в промзоне шайка эта обреталась в соседнем цеху в той самой бытовке, где он впервые встретился с Уралом. Блатные в лагере не работают. Но прямой отказ — это серьезное нарушение порядка.

Потому они приходят в промзону (или биржу, как здесь принято говорить) и убивают время в бытовке, играя в карты и чифиря. Положенная им норма выработки распределяется между мужиками, общий план по цеху в итоге выполняется, администрация на все закрывает глаза. Мага со своими братьями-мусульманами работать отказался, повесив на мужиков дополнительное бремя. Более того, они выдавили братву из бытовки и обосновались там сами. Это, несомненно, наносило непоправимый урон авторитету «черных» и конкретно Урала.

Тихий размышлял над ситуацией всю ночь. Идеальный вариант — взорвать бытовку вместе со всем содержимым. Но взрывать было категорически нечем. Поджигать бесполезно, успеют потушить.

Появилась одна мыслишка, только требовалось ее проверить. На следующий день Тихий незаметно отломил кусок пластика от лекала. Он давно заметил, что эти причудливые фигуры, которыми на его памяти никто ни разу не пользовался, сделаны из такого же пластика, как школьные линейки его детства.

Не один урок был сорван юными хулиганами с помощью таких линеек.

Их обматывали изолентой и поджигали. От крошечной «дымовушки», легко умещавшейся в детском кулачке, класс наполнился удушливым дымом за несколько секунд. На этом контрольная по математике или диктант, как правило, заканчивались. Помещение долго проветривали, так как дым этот к тому же был крайне ядовит.

Улучая удобные моменты, Тихий совершил пару пробных подходов к бытовке, тщательно осмотрел ее и составил четкий распорядок действий. Единственным слабым местом, жирной прорехой этого плана зияло окно бытовки. Решение нашлось благодаря решетке. Никакого функционального значения решетка на окне не несла, так как внутри бытовки ничего ценного не было, а желающий вылезти из него наружу попадал

в надежно огороженное пространство. Ее навесили просто по привычке. Потому, что на окнах должны быть решетки. Это сделало план Тихого осуществимым. Как только все в голове сложилось, Тихий подошел к Секе, смотрящему за их баракom от блатных, и сказал, что надо срочно перетереть с Уралом.

Через полчаса в цеху нарисовался Голик, старый зек из ближнего окружения Урала. Он подошел вплотную к Тихому и сказал, глядя в сторону:

— Недосуг Уралу, со мной говори.

— Мне надо остаться здесь на пару часов одному. Когда никого не будет. Чтобы никто не видел и не мешал.

Голик скосил на него глаза.

— Останешься.

— И пилку по металлу.

После смены к нему подошли бригадир с охранником.

— Остаешься на сверхурочные. У тебя три часа. Потом вот он тебя заберет, — сказал Башка, кивнув на контролера.

Самым сложным оказалось томительное ожидание того, пока все покинут оба цеха и наступит тишина. Убедившись в полном отсутствии нежелательных свидетелей Тихий тенью заметался по производственным помещениям: заткнуть вентиляцию и все возможные щели в стенах и потолке бытовки; щели в полу, наоборот, расширить; напихать снизу лекала; найти подходящий по размеру окна лист железа; перепилить сверху прутья решетки. Тихий уложился в два с половиной часа, уселся на свое рабочее место за машинку и к появлению охранника мирно отдыхал. Тот благоразумно не стал задавать вопросов, на которые пришлось бы выдумывать неловкие ответы.

На следующий день Тихий отлучился якобы в туалет, выбрав удобный момент, прокрался к бытовке, быстро поджег лекала с нескольких сторон, заткнул оставшиеся щели приготовленными кусками дерюги, заклинил дверь снизу куском стального уголка и незамеченным выскочил в проход между цехами.

Все заняло не больше минуты. На улице он опустил через пропилы в решетке лист железа, полностью закрывший окно. Дальше — обратно в свой цех на рабочее место.

Магу и его маленький халифат, мягко говоря, не любили. Услышав истошные крики и стук в дверь, никто не ринулся немедленно на помощь. Пока появилась охрана, разобралась в чем дело и расклинила дверь, прошло несколько долгих минут. Хлынувший густым потоком из дверного проема едкий дым не позволял войти внутрь еще четверть часа. Героев, готовых без спецсредств вытаскивать из задымленного помещения зеков, предсказуемо не нашлось. Все восемь джигитов, включая Магу, к моменту извлечения из бытовки были мертвы.

Основные волны расследований и репрессий прокатились по соседнему отряду. По слухам, жутко прессовали блатных. Так как бенефициар этого события был очевиден, Урал на два месяца загремел в ШИЗО. Однако, как и в случае с Мешком, расследование оказалось безрезультатным и вновь официально причиной пожара признали неосторожное обращение с огнем самих жертв. Руководство отряда и лиц, отвечавших за соблюдение техники безопасности на производстве, конечно, примерно наказали.

Тихого последствия всех этих событий практически не коснулись. Помня прошлый опыт, никакой реакции со стороны Урала на блестяще выполненное поручение он не ждал. И ошибся. Через неделю после его выхода из ШИЗО блатные «накрыли поляну», а Тихий оказался в числе приглашенных. Никто не произносил в его честь здравниц, никто не благодарил за оказанную услугу. Большинство присутствующих, вероятно, недоумевало, что вообще этот фраер делает за одним столом с порядочными арестантами. Праздновали как будто выход Урала. Исчезновение Маги и Ко упоминалось только в контексте торжества справедливости, счастливого случая и воровского форта. Тихий скромно сидел в дальнем конце стола и ел.

«Поляна» была просто роскошной: с жареной курицей, копченой колбасой, твердым сыром, настоящим шоколадом и водкой. Поговорить с Уралом в этот вечер не удалось. Тот лишь одобрительно кивнул ему, провозжая.

* * *

Вновь потянулись одинаковые серые дни. Тихий вернулся к своим книгам и самодельной штанге. Урал больше не обращался к нему с поручениями и вообще никак не контактировал. Его покровительство Тихий чувствовал только из крайне лояльного отношения блатных. Между тем, на воле, если верить телевизору, стали происходить фантастические перемены. В стране объявили перестройку и гласность, по ящику стали говорить такие вещи, по сравнению с которыми та демонстрация хиппи была просто детской шалостью. Не прошло и пары-тройки лет, а на улицу выходили тысячи людей с совсем не безобидными лозунгами. А Ветров все сидел. Тихий узнал о его приговоре — четыре года за антисоветскую агитацию — по арестантским каналам. Теперь «антисоветскую агитацию» спокойно крутили по телевизору.

Все это вызывало живой интерес и на зоне. Если раньше в комнату политико-воспитательной работы, где в определенное время разрешалось смотреть телепередачи, стремились только из-за хорошего фильма, теперь всем баракком смотрели новости и политические передачи. В комнату набивались битком: блатные в первых рядах у «ящика», мужики — подальше, кто где успел. Постепенно новости из любопытных стали превращаться в тревожные. Мужики забеспокоились за семьи, родных и близких, кто у кого был.

На зоне жизнь казалась спокойнее и понятнее того, что происходило на воле. Только блатные искренне веселились. В мутной воде ловить рыбку всегда удобнее, а муть поднималась

несусветная. Государство они всегда считали врагом и любые потрясения воспринимали с энтузиазмом. А Империя реально рушилась. Поначалу зоны это никак не коснулось. Жизнь здесь текла так же, как много лет до этого. Только с какого-то момента стали хуже кормить, потом исчезли продукты в лагерном ларьке. Далее последовал цирк с «Лебединым озером», последнего партайгеноссе, успевшего немного побыть президентом, больше не было, а Империя распалась уже официально.

Зеки не сильно по этому поводу переживали. Их больше беспокоили перебои с продовольствием. Однако самое печальное началось потом. К цифрам в денежных расчетах вдруг стали с бешеной скоростью нарастать нули. Цены в том же ларьке из рублей с копейками вначале превратились в рубли, потом в сотни. Начисляемая зекам за работу зарплата вроде бы тоже менялась, но с большим запозданием. Но это были мелочи по сравнению с тем, что случилось с их накоплениями на специальных счетах. То есть с ними ничего не сделалось. Они просто остались теми сотнями, а у кого и тысячами рублей, набравшими за долгие годы. Только за сто рублей теперь можно было купить две буханки хлеба или шампунь, а в то время, когда Тихий садился, это была месячная зарплата инженера. Блатные переживали только за общак, а вот для мужиков, у которых заканчивались сроки, особенно семейных, это стало сильным ударом.

По слухам, Тихий знал, что Урал должен был освободиться, но с воли его попросили остаться и посмотреть за зоной в смутное время. Для этого ему пришлось применить небольшое «насилие в отношении представителя власти», и срок ему добавили. Последний их разговор состоялся незадолго до освобождения Тихого. Пришел и этот час. В самом начале восемь лет казались ему бесконечностью. Но оказалось, что человек привыкает ко всему, а время, хоть и тянется в заключении мучительно долго, рано или поздно забирает свое. Этот отрезок его

жизни заканчивался, и ему предстояло вернуться в прежний мир. Тихий вполне отдавал себе отчет в том, что как раз прежним-то он не будет. Судя по телевизионной картинке и рассказам толпами прибывающих с воли новичков, за забором его ждал дивный новый мир, ничего общего не имеющий с тем, что он покинул восемь лет назад.

— Что, пацан, на волю собрался? — с усмешкой спросил его Урал, специально пригласив для разговора.

— Срок заканчивается, а там — как карта ляжет, — осторожно ответил Тихий.

— Ровно она ляжет, если сам чего не учудишь, — успокоил его Урал, — что делать-то думаешь на воле?

— Даже не представляю пока. Там поменялось все. Буду разбираться, что и как.

— Ты мне здорово подсобил, Тихий. За мной должок, я таких вещей не забываю. В городе твоём сейчас Асан смотрящий. Но сдаётся мне, это временно. Крепко он на марафете сидит. Я тебе маляву дам для серьёзного человека, Гоши Молодого. Не слышал? Он примерно ровесник твой, может, чуть постарше. Первую свою десятку по мокрому получил. Дерзкий пацан, отчаянный, но умный. Авторитет имеет очень большой, весточка была, что недавно короновали. Его держись — не пропадешь.

— Благодарю, Урал! Ты же знаешь, я пассажир случайный, про братву в своём городе ничего не знаю. Да и восемь лет прошло. Я бы Иргалеича нашёл.

— Нету Иргалеича. Года два как от тубика сгорел, мир праху.

— Как же... да, земля пухом.

— Давай, Тихий. Земля круглая, свидимся.

Ночью Тихий думал о превратностях судьбы. То, что Иргалеича может не быть в живых, он не предполагал. Всерьёз собираясь найти его, главным препятствием он представлял себе то, что старый вор может в данное время мотать где-нибудь

срок. Но рано или поздно он должен был освободиться, и Тихий надеялся на встречу.

За эти годы у него было время поразмыслить над тем, был Иргалеич его спасителем или злым гением, сыгравшим роковую роль в его судьбе. Не сунь он тогда Тихому заточку, тот явился бы в пресс-хату «голым» и дрожащим от страха. Помня свое состояние и физические данные как минимум двух «шерстяных», объективно он признавал, что его бы сломали. Следак получил бы свои показания, Ветров ровно те же четыре года, ни больше ни меньше, а Тихий (нет, Эрик!) максимум полгода «химии» или вообще назавтра вышел бы на свободу. И жил бы себе спокойно дальше, забыв о пресс-хате и отводя глаза при случайной встрече с кем-нибудь из тех хиппанов. «Забыв? — думал Тихий. — Забыв? Вот это вряд ли! И жил бы ты дальше продырявленным, и не забыл про это никогда».

Не только поступок Иргалеича, но и случайное стечение обстоятельств сделали его сегодняшним Тихим. Однако именно та заточка стала ключевым фактором, определившим его дальнейшую судьбу. Он давно отбросил сомнения в оценке тех событий и хотел выразить Иргалеичу свою благодарность.

В день освобождения выяснилось, что Тихому не во что переодеться. Он прилично прибавил в объеме и не смог влезть ни в брюки, ни в рубашку. Куртка застегивалась с трудом, растянулся до нужного размера только свитер. Ехать домой в типовой одежде, которую можно бесплатно получить в колонии, — это косые взгляды и бесконечная проверка документов всю дорогу. На заработанные за восемь лет деньги сейчас, если он правильно представлял уровень цен, можно было только пообедать. Купить билет до дома должна администрация, одной головной болью меньше. Что делать с одеждой, Тихий не представлял. Не дал пропасть Урал, до которого лагерный телеграф донес известие. Невесть из каких загашников братва «подогрела» Тихого вполне приличными шмотками. Так, одетый в чужое,

с билетом в общий вагон и какими-то грошами в кармане, стоял он перед отъезжающими воротами колонии. Несмотря на безразличие к своей судьбе и черную пустоту внутри, при первых шагах на волю что-то тревожно затрепетало в душе.

Снаружи весна делала робкие попытки потеснить зиму, здорово подрастерявшую свежесть, дряхлеющую, а потому злящуюся от осознания неминуемого ухода. Нет, яркое солнце, капель и подтаявший снег были и внутри. Но на воле солнце светило ярче, капель звенела веселее, и ветер приносил странные, завораживающие запахи. Поначалу заставляло вертеть головой большое количество незнакомых звуков — транспорта, смеющихся детей, каких-то электронных штуковин.

Еще удивляла непривычная одежда. До этого момента Тихий много лет видел только черные арестантские робы и форму сотрудников. Похоже, на воле за это время произошла буквально революция моды. Тихий с удивлением разглядывал на вокзале молодежь, одетую в джинсу с причудливыми разводами, кожу, утыканную заклепками и шипами, ярко размалеванных девиц в нарядах совершенно немислимых фасонов и расцветок. Одичал ты, дружок, думал он про себя, совсем одичал.

ГЛАВА 11

* * *

Эрик (а на пороге родного дома он снова ощущал себя Эриком, и эта вновь возникшая двойственность здорово раздражала его) плохо представлял себе встречу с отцом. Чувство вины давно не вызывало эмоций, но давило, ставило его в подчиненное положение, требовало «пристройки снизу». Это не могло не напрягать, так как его альтер эго — Тихий чувствовал себя независимым даже в заключении. Однако деваться ему было абсолютно некуда. Кроме того, формально он должен был встать на учет и находиться по месту регистрации, то есть в старой квартире.

Поезд прибыл в Город утром. Эрик не знал, работает ли отец на прежнем месте, да и не стал бы заявляться к нему в контору, вызвав нездоровый интерес коллег. Прямо с вокзала он отправился «сдаваться» и почти весь день посвятил формальностям: милиция, паспортный стол, снова милиция. Кроме всего прочего, он оказался обладателем паспорта уже несуществующего государства. Империя приказала долго жить. Теперь предстояло с головой окунуться в бюрократическое болото, чтобы оформить новые документы.

Когда вымотанный и голодный Эрик вырвался из липких административных объятий, на улице уже начало темнеть. Небо затянуло черными низколетящими тучами, и ветер закружил вокруг мелкие пенопластовые шарики снега. «Не прогулялся по родным улицам, пока светило солнце и было тепло», — укорил себя Эрик. Кутаясь в воротник, он пешком двинулся

в сторону дома. Город стал совсем чужим, незнакомым, неудобным. Яркие крикливые вывески, сияющие витрины, звуки музыки, доносящиеся отовсюду. Даже люди вели себя по-другому, не так, как в той жизни, которую Эрик покинул восемь лет назад. Он будто попал в параллельный мир.

В который раз я оказываюсь в новых, незнакомых и враждебных условиях, который раз приходится приспосабливаться, чтобы выжить, думал Эрик. Возможно, и этот — не последний. Неожиданно донесшийся до него запах выпечки и жареного мяса спутал мысли, напомнил о голоде. В наступающих сумерках ярко светился огнями прозрачный ларек, внутри которого два южных человека сутились вокруг огромного конуса из мяса. Возле ларька стояло несколько высоких столиков, посетителей почти не было. Немедленно скрутило желудок, мозг отключился, оставив только «аварийный режим», транслировавший единственную мысль: «еда». Эрик подошел к ларьку. Глаза разбежались от незнакомых названий: хот-доги, гамбургеры, шаурма, самса. Он ткнул пальцем в мясного монстра на вертикальном вертеле:

— Это что?

— Мясо для шаурмы, дорогой. Шаурму хочешь? — спросил, доброжелательно улыбаясь пожилой узбек (Эрик решил для себя, что он узбек, ничего другого в голову не пришло).

— А хот-дог что такое?

— Вот хот-дог, — узбек указал на сайку, внутри которой лежала сосиска, обильно политая томатным соусом.

Эрик взглянул на бумажку с ценниками, прилепленную к стеклу. Денег хватало.

— Две шаурмы мне сделай. Нет, три!

— Конечно, дорогой. Пять минут подожди. Чай, кофе?

Не отходя от окошка, Эрик ждал, глядя как молодой поваренок резво колдует на крошечной кухоньке. Получив три ароматных кулька и обжигающий кофе в пластиковом стаканчике,

он пристроился за столиком прямо напротив ларька. Первую порцию проглотил жадно, почти не чувствуя вкуса. Ко второй приступил размеренно, удивляясь на редкость удачному сочетанию продуктов. Взяв в руки третий сверток, Эрик понял, что голод сыграл с ним плохую шутку. Он уже вполне наелся, третья порция была лишней. Но оставлять или тащить ее с собой он и не думал. Зеку не привыкать при возможности наестся впрок.

Немного опьянев от еды, Эрик перестал даже ощущать колючий ветер, гнавший по улице легкую поземку. Лепешка лезла с трудом, Эрик сбавил темп ее поглощения и стал оглядываться по сторонам. За столиком в отдалении устроилась колоритная тройца. Лицом к нему стояли два здоровых молодых парня в распахнутых, несмотря на ледяной ветер, кожаных куртках. Судя по толстым, в палец, золотым цепям, обилию перстней и печаток, но главное — обрывкам фраз, доносимых ветром, их можно было бы принять за блатных. Но румяные юношеские лица не несли того неизгладимого отпечатка, которое придает только зона или длительное пребывание в настоящем воровском мире. Эрик заметил, что третий из этой компании, стоящий к нему спиной невысокий худой человек, время от времени достает из кармана пальто бутылку водки и разливает ее по стаканчикам. Лица его Эрик не видел, но чувствовал, что человек это немолодой, а его повадки и манера держаться кажутся знакомыми.

— Слышь, лошара! Чего пялишься?

Эрик, пытаясь разгадать, кому принадлежит эта чуть сутулая спина в драповом пальто, не сразу понял, что обращаются к нему. Один из парней, упершись в него недобрым пьяным взглядом и выпятив нижнюю губу, продолжал:

— Я тебе, тебе говорю, олень!

Разборки на улице Эрику в его нынешнем положении были совсем ни к чему. Вернуться на зону из-за пьяных идиотов

никак не входило в его планы. Но и спускать такое обращение нельзя.

— За метлой следи, баклан, — сказал он негромко, максимально нейтральным тоном, чтобы не усугублять ситуацию.

Однако даже такой аккуратный отпор обладателям цепей очень не понравился. Градус агрессии возростал.

— Ты, лошок, с кем так говоришь?

Два раза его назвали «лохом», один раз «оленом». Весь этот зверинец требовал немедленной «ответки». То, что это не просто слова, на зоне впитывается намертво. Стерпел слово — значит, это слово и есть твоя суть. Что делать? Парни крепкие, откормленные как бычки. Но самым опасным, думал Эрик, может оказаться пожилой. Что-нибудь колюще-режущее у них точно есть. А я пустой. Впрочем, это дело наживное, лишь бы волин у них не оказалось. Тогда точно положат здесь. Но влип я по-любому. Узбеки еще эти... не валить же всех. Ну что, снова «здравствуй, зона — дом родной» или прямиком в деревянный ящик? А может, правда: уже и хватит, нажился? Только глупо как-то уж совсем!

Эрик огляделся. Под столиком сбоку лежала пустая бутылка из-под пива. «Под розочку сойдет», — решил он и быстрым движением метнулся за ней. Через мгновение он уже стоял, придерживая руку за спиной и готовый в любую секунду превратить бутылку в ощерившийся осколками цветок.

Парни рванули было к нему, обегая свой столик с двух сторон. Но вдруг остановились, словно повиснув на неожиданно натянувшихся поводках. Третий собутыльник поймал их обоих за полы курток и рванул назад. Несколько секунд до этого он внимательно разглядывал Эрика.

— А ну харе, — прокаркал пожилой хриплым надтреснутым голосом, — притихли оба.

Он продолжал буравить Эрика цепким колючим взглядом. Лицо оказалось совсем не знакомым.

Парни с крайне недовольным видом вернулись за столик.

— Давно откинулся, браток? — спросил пожилой, подпустив в голос почти ласковые нотки.

— Вчера, — ответил Эрик, — приехал сегодня.

— Где мотал?

Эрик назвал колонию, присовокупив и статью, чтобы нагнать немного жути на молодых щенков. Пожилой точно был из бластных. Потому повадка его и показалась знакомой даже со спины. Этого мокрой статьей не напугаешь.

— Ты на этих барбосов не серчай. По глупости и малолетству у них эта борзота. А понятия сейчас все подзабыли. Беспредел сейчас, браток. Кто сильней, тот и прав.

— За базар ответить надо, — напомнил Эрик без нажима.

— Я сам их накажу. Устроит такой расклад?

— Ладно. Все ровно.

— Назовешься?

— Тихий.

— Я — Трофим. Ты бутылочку-то поставь, не пригодится. Ваксы примешь за знакомство?

— Нет. Благодарю!

— Что делать собираешься, Тихий?

Эрик и сам не знал, что собирается делать. Да если бы и знал, то делиться с первым встречным не стал бы точно. Его ответ должен был закончить этот разговор. На ментов эти трое точно не походили, поэтому он сказал почти правду:

— К Молодому пойду. А там поглядим.

Ответ не просто прекратил дальнейшие расспросы. Он, похоже, удивил и произвел впечатление на Трофима.

— Лады. Бывай, браток! Извиняй, если что!

На том и разошлись.

Троица направилась к машине, припаркованной неподалеку, и Эрик с удивлением увидел, как один из пьяных парней спокойно садится за руль. Сам он вернул пивную бутылку под стол

и все-таки доел остывшую шаурму. Он никак не ожидал, что в первые же часы в родном городе его встретит все та же зона. Менты, блатные, феня, необходимость выживать. Нет, дружок, не вернуться тебе в город детства. Нет его! Как, впрочем, и тебя. Есть бывший зек Тихий, мокрушник, не ставящий ни в грош ни чужую жизнь, ни свою.

Трудно сказать, как прошла бы встреча с отцом, явись он домой прямо с вокзала. Сейчас, нажимая кнопку звонка, Эрик чувствовал только пустоту внутри и полное безразличие. На сильную усталость, накопившуюся за день, наложился выплеск адреналина во время стычки. Теперь наступила реакция, вызвав сонную апатию.

Отец открыл дверь и, увидев Эрика, переменялся в лице. Он отступил назад, впуская его, оступился. Эрик бросился вперед, успел подхватить. Отец вцепился в него, обнял и несколько секунд не отпускал. Высокий, худой, все еще крепкий, с тем же красивым профилем, он, казалось, совсем не изменился за эти годы. Только в наполнившихся слезами глазах появилась незнакомая тоска.

— Здравствуй, папа! — сказал Эрик устало.

— Здравствуй, сынок! — голос отца дрогнул, — проходи, проходи, чего мы на пороге...

Отец засуетился, пытался его накормить, напоить чаем. Кажется, огорчился, когда Эрик отказался. Он вел себя как будто ничего не случилось, любимый сын вернулся из долгой командировки или отпуска. А Эрик обреченно ждал, когда же проявятся, наконец, боль и обида. Конечно, дождался.

В какой-то момент голос отца опять задрожал.

— А мама наша... за несколько месяцев сгорела. Диагноз так и не поставили. То одно говорили, то другое. Не смогла она пережить... волновалась очень за тебя, переживала...

— Я знаю, что виноват перед вами. И в смерти мамы виноват. Ты это хочешь сказать? Что дальше? Маму не вернуть.

— Да, не вернуть.

Объяснение оказалось коротким. Отец отошел, отвернувшись. Он почувствовал безразличие и отчужденность сына. Слова раскаяния оставались пустыми словами, не подкрепленными даже толикой душевного страдания. Перед ним сидел совершенно чужой человек, холодный и равнодушный. С этого момента трещина, возникшая между ними восемь лет назад, стала стремительно разрастаться.

Утром, уходя на работу, отец положил на трюмо пачку денег.

— Купи что-нибудь из одежды. Ничего из старого тебе не подойдет, я вижу.

— Спасибо! — вырвалось у Эрика давно забытое слово, — я заработаю, обязательно отдам.

Отец выразительно посмотрел на него и покачал головой. Эрик вспомнил свой звонок из Одессы. Тогда было стыдно, сейчас — нет. Кроме того, он всерьез собирался вернуть деньги. Которых, кстати, оказалась тысяча рублей. Солидная сумма!

Большой хороший магазин одежды находился буквально в соседнем доме. Мама водила его туда одевать в школьные годы. Накануне вечером Эрик мельком обратил внимание на светящиеся витрины. Значит, его не закрыли. Выйдя из двора, Эрик обошел дом и оказался на оживленной улице. Мимо прогрохотал трамвай, автомобили шли сплошным потоком. Он вчера еще заметил, что машин на улицах прибавилось в разы. Появились иномарки, в основном старенькие, но встречались и сияющие роскошные авто, явно новые и дорогие. Вместо привычной вывески «Иван да Марья» (одно крыло магазина раньше занимал отдел мужской одежды, другое — женской) его встретило название на иностранном языке, значение которого не помогла понять даже английская спецшкола. Зато внутри почти ничего не изменилось, что сразу же успокоило Эрика. В мужском отделе висела красивая добротная одежда вполне привычных фасонов и расцветок. Эрик ходил между рядов, присматривая, что

примерить. Смущали его только ценники: выходило все как-то очень дешево, если сравнивать с ценами на продукты. Отличная рубашка стоила столько, сколько Эрик примерно столько отдал вчера за шаурму.

Правда за цифрами следовало не знакомое «руб.», а некое «У.Е.». Он спросил у девушки, неотступно следовавшей за ним:

— А что такое «У.Е.»?

Девушка смерила его презрительным взглядом и холодно ответила:

— Условные единицы.

— И что это означает по-русски?

— Доллары это означает! — девушка, наконец, выплеснула раздражение. — Зелененькие такие, с портретами президентов США.

За зелененькие с портретами в его времена давали огромные сроки, вплоть до расстрела.

— И какой нынче курс?

Эрик быстро сосчитал, что всех его денег хватит на одну рубашку.

Он вышел и на улице спросил прохожего, где бы одеться недорого — не за у. е. Прохожий понимающе кивнул и направил его на вещевой рынок.

Эрик провел там несколько часов. Дело было не в том, что барахолка оказалась поистине огромной или он слишком привередничал. С одеждой он определился быстро, в новое шмотье Эрик переодевался сразу, по мере приобретения. Чужое тряпье, от которого, казалось, все еще смердит зоной, вскоре целиком оказалось на помойке. Потом он неспешно бродил среди рядов, перестав обращать внимание на зазывал.

Внимательно наблюдая за жизнью рынка, можно было понять, что в этом царстве Меркурия обитают не только покупатели и продавцы. По барским замашкам можно было выделить хозяев палаток, одной, а то и нескольких сразу. Иногда между

рядами сновали делано бодрые подсобные рабочие, набранные, как правило, из сильно пьющего, опустившегося контингента и терпящие только до первого выданного рубля, чтобы немедленно «нажраться в хлам». Эрик застал даже момент «сбора дани». Пара крепких парней в черных кожаных куртках, братья-близнецы тех барбосов, что были вчера с Трофимом, методично обходили палатки, задерживаясь в каждой не более минуты.

Толпа покупателей была предсказуемо разношерстна, но и продавцы оказались совершенно разными, причем независимо от того, чем торговали. Попадалось много женщин интеллигентного вида, молча сидящих в окружении товара с обреченным видом. Но больше всего Эрика удивило огромное количество мужчин среди торговцев. Чуть ли не в половине палаток мужчины торговали всем подряд, начиная с обуви и заканчивая женским бельем. В речи немалого числа торгующих явственно читалось высшее образование, а лица многих были неизгладимо обезображены интеллектом. Среди хозяев палаток, что характерно, такого не наблюдалось.

Много еще чего интересного и поучительного вынес Эрик из посещения рынка. Главный вывод, который он сделал, был неутешителен: нет ему места на этом рынке, в который, видимо, превратилась вся страна. Проворочавшись всю ночь в раздумьях, утром он встал с твердым решением. Аккуратно свернутый тетрадный лист, переданный ему Уралом, он не потерял. Другого пути, похоже, не было. Прежнего мира не существовало. От судьбы не уйдешь. Умерла так умерла.

ГЛАВА 12

* * *

Нужно было позвонить по телефону, который Урал велел выучить наизусть. Откуда у того актуальный номер свежеиспеченного вора в законе из другого города, спрашивать было глупо. Он давно уже перестал удивляться хорошей информированности, казалось бы, надежно изолированного воровского мирка колонии. Более того, ему самому добыли полные сведения о Кире. Эрик убеждал себя в том, что делает это исключительно из любопытства. Всего лишь выясняет, действительно ли из колонии строгого режима можно узнать практически все о ком угодно. Информация о том, что у нее есть муж и четырехлетний сын, никак его не задела.

...Эрик вошел в просторный кабинет, прикрыл за собой дверь и немного ошалел.

Стены, богато отделанные деревянными панелями и массивный дубовый стол, конечно, производили впечатление, но вчерашнего зека потряс телевизор. Вернее, его размер. Метра два в диаметре, он занимал почти половину торцевой стены. То, что это телевизор, подтверждала программа новостей, идущая с приглушенным звуком. Несколько секунд Эрик не мог оторваться от этого чуда техники. Хозяин кабинета все это время разглядывал его, несмешливо кривя рот.

— Ну давай. Чего встал? — сказал он наконец.

Эрик протянул ему листок. Тот развернул его, попутно надорвав какую-то хитрую клейку внутри и принялся читать. Теперь наступила очередь Эрика рассмотреть его. Совсем

не страшный на вид, даже симпатичный человек. Возрастом, наверное, действительно немного постарше Эрика. Высокий, крепкий. Лицо вполне харизматичное, правильные черты, темные, чуть вьющиеся волосы, твердый, но совсем не злой взгляд. Явно вменяемый человек. Встретив его на улице, никак не заподозришь в нем дерзкого убийцу, по слухам почти не покидавшего в свой первый срок ШИЗО, а ныне крепко держащего в руках большую преступную организацию. Он оторвался, наконец, от чтения и внимательно посмотрел на Эрика.

— Урал за тебя много хорошего пишет. Я Урала уважаю, в словах его не сомневаюсь. А сам-то что скажешь?

— Чего говорить? Я три дня как откинулся. Жизнь тут у вас изменилась круто, хожу как обдолбанный, не въезжаю в тему, а бабло кончилось уже. Работа мне нужна.

— Работа говоришь? Ну вот и Урал пишет: «Прими, человек правильный».

Эрик промолчал.

— А умеешь что?

Не сказать, чтобы вопрос застал Эрика врасплох. Он сам задавал его себе еще до того, как прийти сюда. И если бы он умел что-то серьезное, значимое, нужное за пределами этого кабинета, то здесь бы ни за что не оказался.

— Тапочки шью хорошо, — ответил он вслух.

Хозяин кабинета хохотнул:

— Зачет, насмешил.

— Еще могу завалить кого-нибудь, если надо, — добавил Эрик.

Молодой стал серьезным.

— Это не по адресу. Я людей на мокрое не посылаю.

Эрик промолчал.

Молодой выдержал паузу и продолжил:

— Ты три дня всего погулял, на воле-то? Ну, погуляй еще немного. Телефон есть?

— Есть домашний. Только я с отцом живу,

— Это ничего. Оставь номерок Русланчику, там пацан, за дверью сидит. Мне надо подумать.

— Понятно. Всего хорошего.

Эрик вышел из кабинета. Он был разочарован не тем, что никто не встретил его с распростертыми объятиями, а в первую очередь собой. Тем, что он вообще сюда явился. «А работу-то, похоже, придется искать», — думал он, выходя на улицу.

— Эрик!

Не сразу поняв, что окликают его, Эрик завертел головой. От припаркованной машины к нему, улыбаясь, шел высокий, хорошо одетый молодой человек с роскошной шевелюрой иссиня-черных волос. Лишь когда тот, насмешливо изображая удивление, развел руки и чуть повернул голову, он узнал выдающийся греческий профиль.

— Привет, Костя! — сказал он сдержанно.

— Здорово, братан! Ты давно в городе? Чего не объявился?

— Нет. Пару дней всего.

— О, как удачно! И сразу встретились. У меня офис тут рядом, фирма риелторская. Сажусь в машину, вдруг вижу — ты.

— Да, удачно, — нехотя огласился Эрик.

— Слушай! Не хочу эту тему ворошить, но попал ты тогда неслабо. Я охренел просто, когда узнал. Но сейчас же все пучком? Посидеть бы...

— Посидим при случае. Извини, мне некогда сейчас.

Эрик никуда не спешил. Но Костя Констанди был частью прежней жизни, которой больше нет и никогда не будет. И вспоминать «молодые годы» он вовсе не собирался.

Костя перешел на шепот:

— Ты от Молодого сейчас вышел? Это же его офис. Круто!

— Да так, случайно зашел.

— Понял, понял, без бэ! Тебя подвезти?

— Я домой. Если по пути, не откажусь.

— Поехали! По пути, не по пути. Столько лет не виделись!

Эрик не стал отказываться. Добираться из Темниковки до центра на общественном транспорте было сомнительным удовольствием. К тому же проезд стоил денег, и совсем не трех или пяти копеек, как раньше. Деньги, выданные отцом, уже растаяли, а просить еще было неудобно. По дороге Костя успел похвастаться тем, как хорошо идут дела в его риелторской конторе, удачной женитьбой, причем уже второй, и более всего машиной, на которой они, собственно, ехали. Высаживая Эрика, он обещал обязательно позвонить и договориться о посиделках. Для себя Эрик выяснил только то, что с работой он помочь не сможет.

* * *

Эрик никак не мог собраться на могилу матери. Каждое утро он вставал с мыслью, что сегодня же отправится на Южное, однако находил тысячу причин отложить поездку. При его патологической любви к кладбищам это могло показаться удивительным. Он просто не хотел видеть эту могилу. Эрик вдруг понял людей, которые не хотят видеть любимых людей в гробу, чтобы запомнить их живыми. Мало кто решается заявить об этом вслух. Восприятие одного человека другим складывается из многих составляющих: зрительного образа, прикосновений, запаха, звука голоса, слов, которые он произносит, смысла этих слов и, наконец, поступков. Смерть меняет абсолютно все. Что-то отнимает совсем, что-то делает другим, хуже, просто отвратительным. Насколько невыносимо видеть любимого безмолвным трупом в деревянном ящике?

Он был рад, что не видел маму мертвой, — теперь он не хотел видеть ее могилу. Смерть ее до сих пор была для него чем-то неочевидным, не имеющим никакого фактического подтверждения. Его сознанию, вероятно, было удобно прятаться

за этой условностью. Могила существовала реально, она ставила точку, заканчивала игру в прятки. Но когда в первый выходной день отец предложил поехать на кладбище вместе, Эрик не смог отказаться.

На счастье, с утра подморозило, было пасмурно, и они спокойно прошли по тропинке среди беспорядочно установленных оград. Стоило чуть пригреть солнышку — и пришлось бы от центральной дорожки хлюпать по весенней слякоти. Памятник оказался прекрасным: благородный гранит, лаконичная форма, соответствие пропорций. Достоинно, гармонично и ничего лишнего. С портрета смотрела молодая красивая мама. Что-то должно было кольнуть в душе, но Эрика в очередной раз посетил только осознание вины. Только перед кем он должен ответить? Перед отцом? Больше не перед кем, в высшие силы и загробный мир Эрик не верил.

Следующие несколько дней Эрик заново знакомился с родным городом, а вечерами смотрел телевизор. Зеркало экрана, возможно, отражало жизнь кривовато, но по-другому в короткий срок понять суть произошедшего и все еще продолжающегося происходить в стране не было возможности.

Поиски работы не продвигались никак, Эрик даже начал подумывать про стройку. Конечно, это был совсем никудышный вариант, но других пока не намечалось. К тому же до сих пор не был готов новый паспорт. По телевизору говорили про гиперинфляцию, безработицу, постоянные задержки зарплаты, забастовки рабочих. Сидеть на шее отца и дальше становилось уже просто неприличным. В то утро, когда позвонили от Молодого, Эрик уже собирался устраиваться куда-нибудь черно-рабочим.

В назначенное время он вновь явился в знакомый офис. Холл оказался абсолютно пуст, стояла звенящая тишина. Казалось, что в здании вообще больше никого нет. Однако Молодой оказался в кабинете, он был не один. На диване

развалился тип, с первого взгляда крайне не понравившийся Эрику. Липкий, словно пытающийся присосаться к тебе, взгляд, кривящиеся в ухмылочке тонкие губы. Выражение лица брезгливое, высокомерное, но одновременно какое-то жалкое. Он встречал таких людей в заключении. Они могут быть среди блатных или совсем случайными пассажирами. Но преступления, совершенные ими, всегда оказывались какой-то жутью, вызывающей чувство гадливости даже у законченных отморожков.

— Входи, Тихий. Присаживайся, — пригласил Молодой, — а, познакомься, это — Маггиль.

Неприятный тип приподнялся с дивана, протянул руку. Эрику пришлось ее пожать. Он уже стал привыкать к тому, что на воле здороваются за руку со всеми подряд, а отказ ответить на рукопожатие может быть расценен как оскорбление.

— Ну что, нагулялся? Работать не передумал? — весело спросил Молодой.

— Не передумал, бабки нужны. Неудобняк отца обсасывать.

— Да, это нехорошо. Но, бабло не проблема, если с нами будешь работать. А ты, говорят, биатлонист? — спросил он неожиданно. — Востребованная нынче специальность.

Они с Маггилем заржали.

— Не, я не биатлоном занимался — пулевой стрельбой. Это только винтовка, без лыж, — попытался объяснить Эрик.

— Лыжи тебе и не понадобятся, — продолжил веселиться Молодой, — мы же в городе живем, не в лесу.

Эрик благоразумно промолчал.

— Короче, работать будешь с Маггилем. Встречайтесь где хотите, здесь я тебя лишний раз светить не хочу. Сегодня специально вызвал, пока пацаны все на выезде. Я так понял, ты вообще пустой?

Эрик кивнул. Молодой вернулся за стол, открыл один из ящиков, вынул оттуда пачку долларов.

— Это подъемные, штука бакинских. Хватит на первое время, я думаю.

— Благодарю!

— Тебе справка будет нужна для мусоров. Оформите все там, Маггиль проводит. Будешь числиться экспедитором в одной из наших фирм.

— Ништяк! Я и забыл про справку. Благодарю, Молодой!

— Все, валите.

В машине Маггиль разговорился:

— Молодой велел пробить по полной. Урал в маляве намекнул, что для особых дел подходишь, а тут ошибиться нельзя. «Быком» или «торпедой» тебя бы в первый день пристроили, бригад у нас много. Но ты бы и сам не пошел, а?

— Что сейчас об этом говорить?

— Ну да, ну да. В общем, и про крытую, и про зону мы все знаем: как ставил себя, чем Уралу помог. Ну, и маляву проверили. Знаешь, сейчас времена такие...

— Так что мне делать конкретно?

— Пока ничего. Сиди, жди звонка. А работка по профилю будет.

Дальше ехали молча. Эрик попросил высадить его на оживленной улице недалеко от дома.

Эрик собирался не домой, а к ближайшему обменнику. Нужно было в первую очередь закупить продуктов. Сколько можно объедать отца? Тысяча долларов казалась ему огромной суммой. После посещения обменника Эрик направился к новому продуктовому магазину, который гордо именовал себя «супермаркетом». Цены на некоторые деликатесы оказались просто безумными, но он набрал два больших пакета. При его новой профессии думать о завтрашнем дне просто глупо.

Вечером отец, глядя на приготовленный ужин и полный стол закусок, только покачал головой.

— Откуда такое изобилие?

— На работу устроился. Аванс получил.

— Куда, если не секрет?

— В фирму солидную. Экспедитором.

— Хорошо нынче экспедиторы живут...

Отец снова покачал головой и внимательно посмотрел на Эрика.

— Ты не попадешь опять в историю, сынок?

— Все будет хорошо! Не беспокойся.

— Ну, тебе видней. Ты взрослый человек.

Звонок от Маггиля раздался неожиданно быстро, буквально через день.

— Выходи на Проспект, я тебя подхвачу, — велел он.

Посадив Эрика, он свернул в ближайшем переулке и припарковался в укромном тупичке возле мусорки. Не теряя времени на пустые разговоры, он достал из барсетки небольшой листок и фото.

— Адрес и морду запоминай, в руки ничего не дам. Каждый вечер приезжает с работы примерно в семь вечера, иногда задерживается. Служебная машина подвозит прямо к подъезду. Оплата по факту — пять тонн зеленыю.

— А кто он? — спросил Эрик, разглядывая фотографию.

— Это тебе вообще ни к чему. Если прям сильно интересуешься, он — какая-то шишка в нефтянке. Не мент, не чиновник. Ну и не из бродяг, как ты понимаешь. Еще вопросы?

— А как... Ну, инструмент какой-нибудь мне дадут? Волыну, короче?

Маггиль скривился:

— Кто тебе ее должен дать? Это твои проблемы.

Эрик понял, что, возможно, «облажался» со своим вопросом и хотел быстрее закончить разговор:

— Сроки?

— Не больше недели.

— Понял, сделаю.

— Сделаешь, не звони никуда, затихарись. Я сам узнаю.

Эрик вышел из машины и медленно пошел в сторону дома, обдумывая ситуацию. Несмотря на то что именно такой расклад он и предполагал изначально, после первого разговора с Молодым из-за возникшей неопределенности он совсем расслабился. Даже после того, как были расставлены все точки, эти два дня он тратил аванс, совершенно не думая о будущем. Теперь ему предстояло решать поставленную задачу в короткие сроки и без чьей-либо помощи. Определенные мысли по поводу огнестрельного оружия у Эрика были, но надеяться сейчас на этот ненадежный вариант не стоило. Для начала он решил просто осмотреться на месте и к семи часам вечера поехал на адрес.

Устроившись с бутылкой пива на скамейке у соседнего подъезда, Эрик дожидался клиента. Дом приличный, относительно новый. Пять этажей — значит, лифта нет. Всего три подъезда, отдельный ухоженный дворик. Все в плюс: даже в семь вечера людей во дворе почти нет. Ни толп детей, ни местных алкашей, ни бабулек у подъезда. Бежевая «Волга» подкатила в 19:08. Мужчина с фото вылез из машины, прошел в подъезд. Машина уехала сразу, водитель не ждал, пока шеф дойдет до двери. Все оказалось даже слишком просто.

На следующий день Эрик купил на развалах ближайшего рынка большой нож с крепким негнушимся лезвием и дешевые перчатки. Нож тщательно обработал дома, убрав возможные отпечатки и потожировые следы, аккуратно поместил его в полиэтиленовый пакет. В цветочном киоске приобрел скромный, но приличный букет и в половине седьмого прогуливался с ним неподалеку от нужного дома. Издалека увидев знакомую «Волгу», Эрик быстрыми шагами направился к подъезду и успел войти в него до того, как подъехала машина. Когда мужчина стал подниматься по лестнице, Эрик уже стоял на площадке между первым и вторым этажами лицом к окну. Прилично одетый молодой человек с букетом в руках не вызвал у мужчины

никаких подозрений. Если он и озадачился вопросом, к кому, собственно, тот пришел и почему стоит на лестнице, то развить эту мысль он просто не успел. Оказавшись сзади, Эрик вынул нож из букета и по рукоять воткнул его в правый бок жертвы.

Светлый плащ с правой стороны полностью был залит кровью, она сочилась через рваные дыры и заливала площадку. Убедившись, что нигде особо не испачкался, Эрик взял букет с подоконника и вышел из подъезда. На ходу снял перчатки, сложил в заготовленный пакет. От букета избавился на ближайшей помойке, а вот пакет с перчатками отвез подальше.

Дома при ближайшем рассмотрении оказалось, что одежда забрызгана крошечными пятнышками крови, а на правом рукаве новой куртки и вовсе намок край. Пришлось избавляться буквально от всего, включая ботинки. Никаких эмоций Эрик не испытывал. Жалость, раскаяние, страх — это все в прошлой жизни. Незнакомый мужчина был просто неодушевленным безымянным объектом. Впрочем, кое-что о нем Эрик узнал на следующий день из городской газеты. Короткая заметка в разделе криминальной хроники сообщала об убийстве одного из топ-менеджеров крупного нефтеперерабатывающего завода.

В тот момент Эрик совсем не понимал, каким образом руководитель промышленного предприятия мог перейти дорогу криминальным структурам. Только много позже он сумел увидеть всю картину «со стороны». Вследствие всеобщей разрухи в стране образовался дефицит нефтепродуктов. Выпускаемая предприятием продукция была нарасхват, и делили ее жестко. Внутри завода образовались противоборствующие кланы, возглавляемые топ-менеджерами. Каждый из кланов отстаивал интересы определенных групп коммерсантов. Молодой, как узнал потом Эрик, имел, кроме прочего, и бизнес, связанный с поставкой нефтепродуктов. Этим в то время не занимался на разном уровне только ленивый. В чем конкретно провинился этот человек — откусил не свой кусок пирога или кинул каким-то

образом не тех людей, Эрику было безразлично. Главное он понял — дело всегда в деньгах.

Маггиль объявился через несколько дней. Также, как в прошлый раз, подхватил Эрика на улице, завез во дворы.

— А ты профи, Тихий, — сказал он, ухмыляясь, — все чисто! Пером работаешь по высшему разряду. Я тебя на понт взял насчет оружия. Стволы есть вообще-то. Подгоним, если надо.

— Сам найду. Ты же сказал, что это моя проблема. Чего тогда менжуеться?

Он протянул пачку долларов.

— Пять штук, как договаривались. Да, кстати, а ты сотовый телефон не хочешь купить?

— А что это?

— А, ты же только откинулся, дикий, — Маггиль хохотнул, — короче, трубку с собой можно носить. Почти в любой точке города работает. Мертвых зон много, конечно, но все равно, почти всегда на связи.

— И сколько это стоит?

— Штука — трубка, штука — подключение. Ну, там еще за разговоры надо платить.

— Штука долларов, — догадался Эрик. Такое чудо не могло стоить тысячу рублей.

— Ну да, дороговато. Мы подумываем транковые телефоны всем завести, это как рации, но работают по всему городу и дешевле сотовых.

— Я тоже возьму, если что.

— Ладно, пока на домашнем сиди.

Маггиль высадил Эрика и уехал.

Пять тысяч долларов — это уже серьезная сумма. Можно приступить к решению всех насущных проблем, думал Эрик, искать стволы, нормально приодеться, научиться водить и купить машину, снять квартиру, в конце концов, жить с отцом уже неудобно. Машина, конечно, пока перебор, но все остальное осуществимо.

Начинать, в любом случае, следовало с орудий труда. Несмотря на огромное расстояние, отделявшее его теперь от первого курса университета, он помнил из марксистской политэкономии, что именно в орудиях труда, их форме и функциях закреплены идеальные способы трудовой деятельности. В современном мире нечего делать с примитивным колюще-режущим инструментом и первобытными навыками. Не имея пока обширных связей в криминальной среде, Эрик знал только одно место, неразрывно связанное с огнестрельным оружием, — стрелковый клуб. Родной когда-то клуб, никуда, как он надеялся, за эти годы не девшийся. Помня легкомысленное отношение к хранению и перевозке оружия в советские годы, при нынешней всеобщей неразберихе он рассчитывал на полный бардак в этой сфере. Кроме того, тогда ходили слухи, что оружейник Колюня как-то при случае сплавил пару списанных винтовок знакомому охотнику. А во время трудовой повинности на стрельбище они с Ириком нашли среди разбираемого хлама старенькую ТОЗ-12 в исправном состоянии и вывезли ее вместе со своими винтовками. Так и не придумав по малолетству, как ее использовать и где хранить, они предложили ее Коле. Тот, поломавшись для виду и попугав подростков, дал им за нее смешные тридцать рублей. Они довольствовались и этим, поскольку других вариантов все равно не было. В целом от истории с винтовкой остался какой-то осадочек, который, возможно, стал тогда дополнительным кирпичиком к той стене, которая в то лето отгородила Эрика от стрелкового спорта.

Клуб действительно никуда не делся. Он по-прежнему располагался на задворках большого стадиона и за прошедшие годы внешне нисколько не изменился, только заметно обветшал. Эрик беспрепятственно прошел внутрь и двинулся по знакомым коридорам в сторону «оружейки». Удивительно, но прежним

остался даже запах. Как будто он вышел отсюда вчера. Те же стенды, те же плакаты на стенах, только лица на Доске почета другие. Окно «оружейки» было открыто. В глубине за столом возился с какой-то железякой не кто иной, как Колюня. Он изрядно заматерел, обзавелся солидными усами и небольшим брюшком. Эрик не знал наверняка, его ли имел в виду встреченный в коридоре мужчина, называя Николаем Васильевичем. Но Эрик решил рискнуть.

— Николай Васильевич! — обратился он к оружейнику.

Тот оторвался от своего занятия и подошел к окну. Эрика он не узнавал, да и не должен был по прошествии стольких лет.

— Слушаю вас, — ответил он, заинтересованно разглядывая посетителя.

Посторонние в клубе бывали редко, а в «оружейке» им, вроде бы, совсем делать было нечего.

— Николай Васильевич, у меня к вам крайне важное дело. Не могли бы мы побеседовать где-нибудь с глазу на глаз? — спросил Эрик подчеркнуто вежливо.

Колюня высунул голову из окна. За специальным столом для чистки оружия никого не было. Значит, в ближайшее время сдавать винтовки в «оружейку» некому. Он кивнул в сторону выхода и закрыл окно. Эрик не стал его дожидаться и первым вышел на улицу.

— Вопрос очень простой, Коля, — сказал Эрик, подходя к нему вплотную, — мне нужны стволы.

— Вы что-то перепутали, — изобразил Колюня полное равнодушие, — у нас тут не магазин.

— Я ничего не перепутал. Не узнаешь меня? Ну, напряги память! Эрик и Ирик, ТОЗ-12, тридцать рублей.

— Ну допустим. И чё?

— Да ничего! Просто не надо тут целку изображать!

Эрик подошел еще ближе и в упор уставился на Колюню.

— Найди мне стволы! В баксах плачу.

— С чего ты взял, что я могу стволы достать? У меня все под учетом. Все по номерам, полный контроль.

— А вот будешь мне пургу всякую нести, я тебя просто заваляю. Веришь?

Колюня под взглядом Эрика чувствовал себя крайне неудобно. Этот вежливый и интеллигентный поначалу парень теперь внушал ему безотчетный ужас.

— Я ничего не обещаю. Попробую что-нибудь узнать... может кто другой.

— Не надо мне ничего обещать. Я подъеду через два дня. Приготовишь биатлонную винтовку и Марголина. Все стандартное, без спортивного обвеса. По штуке баксов и за то, и за то.

— За пистолет маловато будет, с пистолетами вообще все строго. Давай хотя бы две, мне с людьми делиться придется.

— Хорошо, за Марголина две.

— Патроны?

— Да есть у меня. Коробок пять-шесть осталось со спортивной карьеры. «Рекорд», «Олимп» и британские, название не помню. Их же никто не считал тогда.

— Патроны хорошие, скорее всего, годные. Но все же вероятность отказа есть. Оно тебе надо? Не жмись, возьми свежих. По сто баксов за коробку отдам,

— Ну ты жучара, Коля! Пять коробок приличного чего-нибудь. Два дня.

— Британских нет теперь, наши будут лучшие.

Обратно Эрик ехал в приподнятом настроении. Все разрешилось как нельзя лучше. С оружием он будет чувствовать себя гораздо увереннее. Теперь нужно решать вопрос с жильем. Винтовку точно к отцу не потащишь. Тут он вспомнил про Костю: тот же владеет риелторской фирмой, даже визитку всучил! Эрик вышел из троллейбуса, не доехав до дома, и из ближайшего таксофона набрал номер, указанный на визитке. Костя оказался на месте, с радостью вызвался помочь и предложил сразу приехать.

ГЛАВА 13

* * *

Уже на следующий день он оплатил аренду на полгода вперед и въехал в очень приличную двухкомнатную квартиру в центре, полностью обставленную мебелью и главное — с телефоном. Еще он озадачил Костю найти ему рядом простенькую однокомнатную «хрущевку», можно совсем «убитую», но желательно без оформления. Костя удивления не показал, пообещал быстро подобрать что-нибудь подходящее. Эрику все это стоило, помимо денег, «чудесного» вечера воспоминаний и тяжелого похмельного утра. Отец воспринял известие о переезде Эрика сдержанно. За последние годы он уже привык жить один. К тому же он чувствовал, что никакой близости с сыном не будет, живи они теперь вместе хоть до скончания века.

— Ты взрослый человек. Только не пропадай совсем, у нас с тобой никого нет кроме друг друга.

Брать деньги он категорически отказался, но Эрик, уходя, оставил на комодке тысячу долларов.

Колюня не подвел. В назначенное время Эрик забрал из багажника стареньких «жигулей» выцветший брезентовый чехол для удочек и черный пластиковый пакет. Передвигаться по городу без собственных «колес» было не только неудобно, но с такой поклажей и крайне опасно. К счастью, практически все автомобилисты теперь «бомбили». Стоило поднять руку на обочине, как к тебе устремлялся первый же автомобиль, оказавшийся в пределах видимости. Это здорово выручало, но могло подойти не во всех случаях. До своей съемной квартиры Эрик

добрался без приключений. А вот выехать за город, чтобы опробовать и пристрелять стволы никак не получалось.

Эрик твердо решил при первой возможности купить машину и права, а пока стал учиться вождению с частным инструктором. Вначале получалось совсем плохо. До этого момента ему никогда не приходилось близко сталкиваться с автомобилем. Своей машины в семье не было. Теперь уйму времени пришлось потратить на элементарное умение уверенно трогаться с места. Движения Эрик не боялся и постепенно стал чувствовать себя на дороге уверенно. С правами обещал помочь все тот же инструктор. Таким образом, дело было только за покупкой собственного автомобиля.

* * *

Недели через две после переезда на новый телефон позвонил Маггиль. Припарковавшись, он рассыпал перед Эриком целый ворох фотографий.

— Смотри, это банда отморожков. Всего их четверо: братья Чудовы, Гвоздь и Хобот. Малолетки, полные беспредельщики. Отжали автосервис на нашей территории, пытаются сдвинуть нашу крышу с двух автозаправок и всех окрестных ларьков. Базарить с ними невозможно, краев не видят. Отхерачили наших пацанов, двое до сих пор в больничке. Обещают взорвать заправки, если не отступимся. У них фирменная фишка — «лимонки». Где уж они их достали, х... знает. Но, чуть что, выдергивают чеку и типа: «Нам терять нечего». Молодой из-за такой мелочевки пацанов класть не хочет. Ты можешь выловить их по одному и завалить по-тихому. А лучше — всех вместе зачистить. Кто их знает, может, реально в отместку заправки рванут.

— А они уже что-нибудь рванули? Может, гранаты учебные?

— Желающих проверить пока не нашлось. Можешь стать первым.

— Они понимают, против кого прут?

— Кто Молодой, они знают. Чудовы оба на малолетке мотали, вроде должны законы уважать, но сейчас времена такие...

— Адреса?

— Домашние адреса тебе не нужны, да и не бывают они там. В автосервисе этом, который отжали, каждый вечер собираются. Иногда ночуют там же.

— А какая проблема заблокировать их в этом автосервисе и задавить, как котят?

— Ты не слушал? У них «лимонки». Волыны тоже есть, не знаю только сколько. Это же война настоящая будет. А повзрывают пацанов?

— А меня типа не жалко, пусть взрывают?

— Так ты сделай так, чтобы не взорвали. Тихо сделай, с толком. Тебе же за это башляют. Нет?

Эрик вышел из машины и похлопал по раскисшему весеннему снегу. Пацанов им жалко, а меня, похоже, не очень.

В этот же вечер он отправился к автосервису по полученному от Маггиля адресу. Ворота оказались заперты, света внутри не было. Эрик пристроился метрах в ста у каких-то складских помещений. Ждать пришлось несколько часов, только около полуночи к сервису подъехала раздолбанная «копейка». Двое пассажиров выскочили из нее и быстро кинулись открывать ворота. «Копейка» въехала внутрь, ворота закрыли. Эрик настолько продрог, что даже мысли в подмерзшем мозгу ворочалась слишком медленно, чтобы сразу броситься очертя голову вперед и начать стрелять. Он поехал домой, чтобы спокойно все обдумать в тепле.

Отогреваясь за чашкой горячего чая, Эрик пытался составить оптимальный план. Диспозиция в целом была понятна. Варианта вырисовывалось два: пострелять всех прямо в машине на подъезде или зайти каким-то образом внутрь и разбираться там. Первый вариант казался самым простым и вполне выполнимым.

Однако пространство вокруг сервиса было слишком открытым. Незаметно подкрасться не получится. Придется бежать к машине издалека, а насколько эти парни начеку, Эрик не знал. Чтобы попасть внутрь, требовалось что-то изобрести. Насколько он понял, в часы работы «хозяева» не появлялись, подъезжали только поздно вечером. Впрочем, даже если бы они и были там днем, валить бы пришлось не только их, но и персонал. «И клиентов?» — Эрик сразу отбросил эту бредовую мысль.

Утром он съездил на рынок, купил ватную телогрейку и черную вязаную шапку. Потом обзавелся бутылкой дешевого портвейна. Вечером он снова был на вчерашнем месте. Ватник он натянул прямо на куртку. В зимних ботинках и шапке легкий морозец совсем не чувствовался, а двойная одежда надежно защищала от ветра.

Сегодня замерзнуть он не успел совсем. «Копейка» появилась, когда не было и десяти. Выдержав еще около получаса, чтобы они успели раздеться, пригреться и расслабиться, а еще лучше выпить и закусить, Эрик направился к воротам. Он обильно полил ватник портвейном, прополоскал им рот, снял пистолет с предохранителя и начал яростно колотить бутылкой по железной калитке. Стучать пришлось довольно долго. Непрошенных гостей явно не ждали. Наконец, кому-то надоел настойчивый стук. Лязгнул запор и из калитки выглянул молоденький парнишка. Эрику он мимолетно напомнил Лешку, с которым ему пришлось работать на стройке в Одессе. Такое же простое лицо, худое, как будто изможденное, — и тот же отпечаток безумия в направленном внутрь себя взгляде.

— Ты чё долбишься, муфлон? — спросил он скорее, чтобы просто отпугнуть алкаша и явно не ожидая никакого ответа.

— Я к Мишане, братан, — сообщил ему Эрик, обильно обдавая парами портвейна.

— Нет тут никакого Мишани, — ответил паренек и попытался закрыть калитку.

— Как нет? Мы забились тут на десять, — добавил напора Эрик и энергично толкнул того внутрь, щедро плеснув на него из бутылки.

Еще несколько мгновений парень переваривал беспредельную наглость алкаша, тупо глядя на залитый красным свитер. Эрик в это время осматривался внутри. В рабочей зоне располагались два подъемника. Кроме знакомой «копейки», брошенной прямо на входе, в цеху стояла только полуразобранная черная «БМВ». Остальные члены банды, по всей видимости, находились в комнате отдыха, из открытой двери которой в полутемный цех падал прямоугольник света.

Паренек, наконец, пришел в себя. Недоумение в его глазах сменилось отрешенностью. Не ярость, не злость, а именно отрешенную решимость убивать прочитал Эрик в его взгляде. Выстрел из прижатого вплотную к груди пистолета прозвучал глухо и негромко. Парень, казалось, ничего не почувствовал и снова удивленно опустил глаза на свитер. Проблема Марголина в том, что калибр слишком маленький. Даже смертельное ранение поначалу в горячке не воспринимается всерьез.

Оттуда с криком: «Гвоздь, что там у тебя?» уже выглядывал второй персонаж. Увидев приближающегося Эрика, он немедленно исчез из поля зрения. К счастью, дверь в комнату открывалась наружу, и для того, чтобы запереться, пришлось высунуться целиком. Эрик не таясь вломился в комнату. Серьезного оружия ни у кого из троих действительно не оказалось. Лишь один инстинктивно схватил со стола большой охотничий нож. Эрик методично стал расстреливать троицу, начиная с самого ближнего. Попадать нужно было наверняка. Ближнему, ошалело стоящему с ножом в руке, Эрик в упор вlepил практически между глаз, второй, тот что выглядывал, дернулся бежать и получил пулю в затылок.

Третий, сидевший дальше всех, попытался скрыться под столом. Эрику пришлось присесть и выстрелить в корпус почти

наугад. Он был уверен, что попал, но не видел куда именно. Осторожно обходя стол, Эрик приближался к третьему. Когда он подошел почти вплотную и заглянул за торец стола, тот сидел на полу, держась за бок. Худое лицо, скулы обтянуты кожей, как у мумии, короткие всклокоченные волосы. В глазах плещется знакомое безумие. Он осклабился, обнажив плохие, местами потемневшие зубы, и разжал руку. Звонко щелкнула скоба и по полу покатилась «лимонка». Блефует, гад. Учебная, подумал Эрик. Или не блефует.

С того момента, как щелкнула скоба прошло секунды две. Еще двух секунд Эрику хватило, чтобы выскочить наружу. Он раньше, чем услышал, как будто загравком почувствовал напирющую сзади энергию взрыва и в тот момент, когда из двери полетели осколки, уже падал за остов «БМВ».

Вот и проверил.

* * *

Дома вместо чая он позволил себе сегодня пару рюмок коньяка. Отметил, так сказать, удачное окончание дела. Вообще с алко-голем после колонии у Эрика складывались странные отношения. Он перестал получать удовольствие от выпивки. Не тянуло совсем. Возможно, Эрик подсознательно выстраивал цепочку причинно-следственных связей от того злосчастного дня, когда он прямо с вокзала поехал выпивать к Каме, в результате потерял Киру, оказался в компании хиппи и так далее, до момента, когда стал убийцей. И как первопричина возникновения этой цепочки, алкоголь теперь вызывал отторжение. А может быть, дело было в отсутствии компании. Выпивать в одиночку — это все-таки диагноз.

Эрик вел совсем уединенный образ жизни. Пока он жил у отца, общение ограничивалось дежурными разговорами. Переехав в отдельную квартиру, Эрик оказался совсем один и был этому

чрезвычайно рад. Все свободное время он посвящал книгам. Издательский бизнес, став частным, переживал прямо-таки бум. Огромными тиражами печатали то, что было в советское время дефицитом, то, что было запрещено. Появлялись новые авторы. Конечно, еще большими тиражами издавался откровенный мусор, но читателю предлагался выбор, и каждый мог найти то, что хотел. За интересными книгами не нужно было даже ходить в магазин. Книги продавали на рынках, в подземных переходах и прямо на улице. Книжных развалов было больше, чем продуктовых и вещевых. Казалось, что духовные потребности победили биологию. Эрик поглощал запоем все, что подворачивалось, пока никак не подвергая упорядочению свои новые литературные пристрастия. Он с одинаковым интересом читал про хоббитов и сталинские лагеря, «Лолиту» и Нерона. Доступность того, что недавно казалось невозможным в принципе, просто пьянила.

В юности он с удовольствием читал роман о том, как доблестные чекисты в результате виртуозной комбинации выманили из-за границы и схватили белогвардейца, врага народа и отъявленного мерзавца Савинкова. Вчера он купил на развале мемуары самого Бориса Савинкова. Умный, тонкий писатель и твердо убежденный в собственной правоте человек излагал свое видение и отношение к тем самым событиям. Мемуары были написаны в тюрьме, в ожидании казни. Читая их, Эрик чувствовал силу духа этого человека, его целостность и готовность умереть за свои идеалы. Это производило впечатление. А вот труды другого знаменитого сидельца его совсем не впечатлили. Ознакомившись с его главными опусами, Эрик сделал для себя вывод, что человек не столько мотал срок, сколько удачно «косил». Вдобавок, он теперь взялся обустроивать Россию, не выезжая из Вермонта. Впрочем, лагерная тема в литературе стала настолько популярна, что выбор предоставлялся огромный: от серьезных произведений прижизненных классиков до дешевых страшилок про беспредел.

Эрик читал, книги копились. Держать их стопками на полу казалось непочтительным, и Эрику пришлось поставить стеллажи. В конце концов малохудожественную литературу, как-то: современные детективы, фэнтези и политизированную псевдоисторическую дребедень он стал просто выбрасывать. Остатки маминого воспитания, твердо вбившего в подсознание трепетное отношение к книге, отчаянно сопротивлялись такому кощунству, но копить этот разноцветный хлам не имело никакого смысла.

Чувство удовлетворения от хорошо проделанной работы сменилось разочарованием, когда Маггиль приехал рассчитаться.

— Что, проверил лимонку? — весело спросил он, едва поздоровавшись, — красава, показательно зачистил поляну. Держи — пять тонн.

— То есть пять тонн? Их четверо было!

— А ты хотел по пять за каждого? Во-первых, такого уговора не было. Во-вторых, и в прошлый раз, и в этот ты устранил проблему. Вот за эту проблему Молодой назначил такой ценник.

Эрик молча взял деньги. Действительно, предварительно о сумме они не договаривались. Сам виноват. С этой публикой всегда так: каждое слово имеет значение.

На новую машину, даже отечественную, при таком раскладе рассчитывать не стоило. Надо же еще на что-то жить. Инструктор, обучающий его вождению, взялся помочь не только с правами, но и с покупкой машины за небольшие комиссионные. Подержанную следовало выбирать тщательно, а у Эрика опыта не было никакого. Проведя с инструктором полдня на авторынке, Эрик стал обладателем довольно свежей «девятки» модного цвета «мокрый асфальт». Через пару дней подоспели и права. Теперь Эрик стал по-настоящему мобилен.

Первым делом он выехал за город и пристрелял винтовку. На привычной дистанции в пятьдесят метров она показала себя

неплохо. Возможно, спортивной мелкашке не хватало убойной силы, но точность она гарантировала и лежала в руках как родная. По сути биатлонная винтовка ничем не отличается от классической, кроме магазина на пять патронов. Поэтому знакомиться с ней Эрику не понадобилось.

Оружие он хранил не в своей квартире, а в такой же съемной неподалеку. Костя арендовал ее для Эрика без оформления бумаг у пьющей тетки, которая круглый год жила на даче, пропивая арендную плату. Одним из главных условий, кроме конфиденциальности, было полное невмешательство хозяйки в его жизнь. Тетка не должна была появляться на пороге своей квартиры ни при каких обстоятельствах, за что ей заплатили отдельно. Впрочем, переживать ей было не о чем. Ухудшить состояние этого жилища мог только хороший пожар. Эрик не стал ничего облагораживать, только поставил железную дверь и надежный замок с раздвижными ригелями.

Почти месяц Эрика никто не беспокоил. Он полностью погрузился в свой иллюзорный книжный мир, выходя на улицу только закупить продукты или поесть в ближайшем кафе. Для поддержания формы он приобрел пару наборных гантелей, но заставлять себя заниматься дома становилось все труднее и труднее, и он подумывал найти подходящую качалку.

Работодатель вспомнил о нем только в середине мая. Маггиль позвонил, привычно подобрал его на обочине. Они проехали пригород с дачными домиками и свернули с шоссе на проселок. После недолгого петляния среди редких деревьев, Маггиль выехал на берег Темной и остановился на небольшой полянке.

— Здесь подождем, — изрек он многозначительно.

Эрик вышел из машины, подошел к самому краю. Темная вода почти вошла в берега после весеннего половодья, но мутный поток все еще бурлил, вскипая крупными пятнами то там, то тут. Эрик стоял на берегу, наблюдая за водой. Вдоль реки дул довольно сильный, но уже по-летнему теплый ветерок.

«Я в последний раз просто отдохнуть на природу выезжал той осенью, перед посадкой, — вспомнил он, — с Владкой, Нино и Арсением. В другой жизни. А после того, как вышел, даже воздухом не подышал».

Примерно через четверть часа он услышал шум мотора и, обернувшись, увидел темно-синюю «БМВ», подъезжающую к ним. С пассажирского сиденья вылез Молодой. За ним вышел и водитель: высокий крепкий парень, светлые волосы коротко острижены, тяжелый взгляд исподлобья. Когда они подошли ближе, Эрик отметил, что нос у него свернут немного набок.

Пожимая руки, спутник Молодого представился Эрику:

— Валера.

Молодой подошел к Эрику.

— Тихий, — начал он, — я в тебе не ошибся, и Уралу с меня простава. Вопросы решаешь четко.

Эрик кивнул.

— Короче, расклад такой: стрелка у нас с асановскими. Знаешь Асана?

— Слышал, — лаконично ответил Эрик.

— Ну вот. Терки у нас серьезные. Эта стрелка должна все решить. Асана не будет, я знаю. Я тоже не поеду. Рулит на стрелке Валера. Ты на подстраховке. Если шмалять начнут, прикроешь пацанов. Ты же биатлонист. Винтарь есть у тебя, кстати, или надо срочно искать? Времени нет совсем.

— Винтарь есть, — подтвердил Эрик. То, что он не биатлонист, напоминать не стал.

— Короче, съездить надо на место, осмотреться, — вклинился в разговор Валера.

Высадив Молодого, Валера повез Эрика в темниковскую промзону. Наконец, выехали на небольшой пустырь между заброшенных производственных зданий.

Эрик вышел на место предполагаемой дислокации противника, оглядел здания вокруг. Одно подходило неплохо: удачно

расположено, крыша с мягкой кровлей. Нужно было только на эту крышу попасть. Они с Валерой сломали ветхий замок, сняли засовы, и Эрик пошел искать проход наверх. Дверь на крышу запиралась внутренним замком, пришлось выломать косяк, благо у Валеры нашлась большая монтировка. Удовлетворившись видом сверху, Эрик показал Валере выбранную позицию, и они на этом закончили.

* * *

На следующий день он поехал на место часа за четыре. Машину поставил далеко. Лучше пробежаться, если что, чем «спалить» свои «колеса». К пустырю шел не спеша, поглядывая по сторонам. Оценил, что место для стрелки выбрано удачно. Эта часть промзоны, похоже, не использовалась уже давно, Эрик не встретил на пути ни одной живой души, кроме бродячих собак. Он поднялся на крышу, вышел на свою позицию. Достал винтовку. Старый брезентовый чехол на завязках, доставшийся вместе с винтовкой от Колюни, он поменял на современный с удобным замком.

До середины пустыря было метров семьдесят — далеко, но прицельный огонь вести можно. Биатлонисты еще лет тридцать назад с дистанции в двести метров из таких же винтовок стреляли. Попадали все-таки большей частью. Серьезным недостатком при стрельбе по движущимся людям мог стать диоптрический прицел, идеально подходящий для круглой неподвижной мишени. Самостоятельно сменить его на простой открытый Эрик не решился. Кроме того, пропала бы точность на большой дистанции. В целом все было готово. «Зря так рано приехал, — подумал Эрик, — волновался чего-то, теперь ждать больше трех часов». Он аккуратно пристроил винтовку к бортику крыши и лег на спину. По небу бежали редкие облачка. Солнышко припекало как в июле. Май выдался на удивление

жарким. Еще в середине апреля казалось, что весна будет затяжной. Но уже перед майскими наступила прямо-таки летняя жара. Эрик помнил годы, когда в это время шел снег. Однажды им пришлось после майских возвращаться со стрельбища после ночного снегопада. Несколько километров до станции шли по полю по колено в снегу. А выезжали на сборы в теплую погоду в легких спортивных костюмах и кедах. Вот и сейчас казалось, что жара обязательно сменится похолоданием. Однако с каждым днем становилось только жарче.

Тишина вокруг нарушалась только лаем собак и далеким гулом транспорта. Правда, время от времени на работающей части промзоны что-то гроыхало, раздавался резкий гудок маневрового электровоза или едва слышный отсюда сигнал башенного крана. Эрик не боялся пропустить появление «гостей». Шум мотора и даже шелест шин по асфальту он услышал бы издалека. Накатывала дремота, глаза закрывались. Теплый ласковый ветерок мягко касался щеки. Хотя вокруг почти не было растительности, только края пустыря поросли бурьяном, ветер доносил откуда-то запах распускающихся почек и еще чего-то пряного.

Эрик почти засыпал, когда вдруг услышал хруст камня на асфальте. Он стряхнул с себя сонливость и очень осторожно выглянул из укрытия. К соседнему зданию, оглядываясь и стараясь не шуметь, подходил еще один «рыбак» — мелкий, щуплый. Коллега, понял Эрик. От горла вниз прокатилась горячая волна. Он взглянул на часы: прошло часа два. А все-таки не зря пораньше приехал, не напрасно волновался...

«Рыбак» прошел внутрь. Похоже, замки тоже были сломаны загодя. Вскоре он появился наверху. Трудно сказать, чем ему приглянулась именно эта крыша. Здание было более неприметное и стояло немного в глубине. Оно было пониже того, на котором расположился Эрик, и он прекрасно видел своего соседа. Тот огляделся, расчехлил винтовку и так же, как Эрик пару часов

назад, стал выцеливать пустырь. Эрик, осторожно наблюдающий за ним, судорожно сглотнул. У соседа была СВД с оптикой.

Конкурирующая фирма явно выигрывала, Асан подготовился основательно. Решать нужно было немедленно. Пока стрелок изучал местность, глядя в прицел, Эрик как можно тише загнал патрон в патронник, устроил винтовку на бортике крыши и поймал в прицел его голову.

Голова в прицеле даже не дернулась, но через пару секунд стрелок мягко завалился набок. Эрик оторвался от прицела и посмотрел на соседнюю крышу. Тело оставалось неподвижным, значит, попадание есть. Собственного выстрела он даже не услышал, а отдачи у мелкашки нет никакой. Потому возникает сомнение в реальности того, что ты только что застрелил человека. При близком контакте все очень реально: адреналин, борьба, тактильные ощущения... А при выстреле, особенно с большой дистанции, все выглядит как игра.

Эрик раздумывал, что делать дальше. Оставить все как есть и отработать по плану? А СВД? Это же богатство! В боевиках, которые потоком хлынули на экраны, киллеры всегда оставляли оружие на месте, чтобы их не могли с ним прихватить. Только где его столько набрать, этого оружия, чтобы так разбрасываться... Нет! Драгунова нужно забирать. Кроме того, лишняя винтовка и сейчас может пригодиться. Он огляделся. Вроде бы выстрел никого не привлек. Времени до стрелки оставалось достаточно. Эрик бегом бросился на соседнюю крышу.

Эрик взгляделся в лицо стрелка (по виску стекала тонкая струйка крови) — и, не веря себе, сорвал с него вязаную шапку. Ну да. Ну да... Короткая лохматая стрижка, соломенные волосы. Биатлонистка Наташа, которую отгонял от него, малолетки, ее злобный тренер... Чемпионка то ли города, то ли области... Что же такое, милая, занесло тебя на эти галеры? — А тебя? — как будто спрашивало в ответ лицо Наташи, чуть обиженное, удивленное. Прости, пробормотал Эрик. Прости, не хотел...

Он поднял винтовку и еще раз огляделся. Все тихо. А вот позиция на этой крыше оказалась получше. Да, до середины пустыря метров сто, но для СВД это ерунда. Обзор ничего не перекрывает, хоть здание и не на первой линии, зато позиция стрелка скрыта. То, что здание ниже, тоже скорее плюс: не нужно сильно свешиваться сверху, высовываясь из-за бортика. Все сходилась к тому, чтобы остаться здесь. Труп Эрик трогать не стал, просто сместился в сторону, поднял винтовку и заглянул в оптику. Картинка в прицеле отчаянно «плясала». Чтобы успокоить дрожь, пришлось положить цевье на бортик. Все оставшееся время Эрик потратил на изучение новой винтовки. Страшно хотелось ее опробовать, но делать второй выстрел, тем более из большего калибра, он не решился. Мало ли кто услышит.

Следующие полтора часа пролетели незаметно. Вскоре Эрик услышал шум целой кавалькады машин. Первыми, без двух минут шесть, приехали «свои». Опаздывать на стрелку было нельзя, но и приехать намного раньше считалось не комильфо. Возглавляла колонну синяя «БМВ», за ней черная, квадратная, как огромный гроб на колесиках «вольво», замыкающим выступал старенький черный же «гелик». Из машин никто не выходил. Ровно в шесть с противоположной стороны показались их оппоненты. Первым на пустырь въехал темно-зеленый «гранд чероки», за ним следовали черная «БМВ» и какой-то японский микроавтобус. Машины разъехались небольшим веером и остановились метрах в двадцати от «наших». Асановские стали выходить из машин. Начали выгружаться и «наши».

От своей группы отделился Валера и направился в сторону асановских. Ему навстречу развинченной походкой шел невысокий худой человек с наголо обритой головой. Они поговорили несколько минут. Эрик за это время успел хорошо разглядеть в прицел морщинистое лицо «разводилы», постоянно кривящееся в презрительных гримасах. Никаких указаний, кого валить

«если что», Эрик не получал. Но решил, что начинать нужно с водителей. Это в любом случае заставит остальных замешкаться, если они задумают просто сбежать. Он перевел прицел на стоящий ближе всего к выезду микроавтобус. Водители двух других машин вышли, а этот сидел за рулем. Винтовка готова к бою. Эрик устроился поудобнее и тщательно выцелил через боковое окно водилу микроавтобуса. Даже спокойно лежащая на бортике винтовка давала ощутимое дрожание картинки в прицеле. «Как же вы с рук-то стреляете в кино?» — думал Эрик.

Увлечшись своими экспериментами, он упустил момент, когда на пустыре все вдруг изменилось. Бандиты стали выхватывать стволы, засуетились, раздались какие-то крики. «Началось», — решил Эрик. Он сделал глубокий вдох, затаил дыхание, навел перекрестье на водителя микроавтобуса и плавно надавил на спуск.

Преимущество оптики он оценил в следующее мгновение. Боковое окошко микроавтобуса разлетелось, а водитель упал на руль с дыркой в виске. Эрик перевел прицел, как репетировал. Водитель «Гранд Чероки» сменил позицию и теперь прикрывался дверью. Только прикрывался он от оппонентов спереди, а не от Эрика. Он упал вторым. Эрик, наконец, услышал, что на пустыре стоит беспорядочная пальба. Он начал искать третьего водителя и заметил, что из микроавтобуса вытаскивают ручной пулемет. Следующим он положил здорового детину с пулеметом. Он все-таки стал выцеливать третьего водителя, увидел, как он мелькнул за машиной, дождался пока тот высунется снова, выстрелил и... промазал. Тогда, плюнув на план, он стал методично отстреливать наиболее удачные цели. Стрельба оказалась увлекательной, он и не заметил, как закончился магазин. Пока он его менял, на пустыре стало тихо. Прежде чем снова прильнуть к оптике, Эрик решил осмотреться.

Больше стрелять оказалось не по кому. Остатки асановских сбежали, бросив машины и мертвых корешей. Несколько секунд

стояла оглушительная тишина. Потом стали раздаваться победные возгласы. Бойцы Молодого ликовали. С такого расстояния толком было ничего не разглядеть, и Эрик вернулся к прицелу. «Положить этих тоже?» — мелькнула мысль. Ее он сразу отогнал: «А жить на что?»

Валера был цел и невредим. Его обнимали, хлопали по плечу, жали руку. А он все оглядывался на соседнее здание, на крыше которого они выбрали для Эрика позицию.

Эрик понимал, что, несмотря на отдаленность, стрельбу услышали и скоро здесь будет не протолкнуться. Но все же дождался, пока все уедут. Между старыми полуразрушенными складами и вдоль заброшенных железнодорожных путей он просто бежал. На шаг перешел, только выйдя к забору какой-то фабрики, которая до сих пор работала. В машину, припаркованную в тихом тупичке, впрыгнул вспотевший насквозь от бега и напряжения. До своего «арсенала» в «хрущевке» доехал без приключений, принял душ, переделся и спокойно отправился домой.

Эрик ждал, что Маггиль даст о себе знать уже на следующий день. Однако прошла неделя, прежде чем позвонил сам Молодой и позвал в офис.

— Ты снайпером, что ли, служил?

— Нет, в штабе.

— Ну, не хочешь, не говори. Короче, вот тебе тридцать штук и наш полнейший респект.

Он запустил руку в ящик стола и не глядя извлек три пачки.

«Сколько же там у него лежит вот так запросто, без сейфа?» — подумал Эрик.

Вслух спросил:

— А чего так долго раздумывали?

Молодой сощурился.

— Тут такое дело, Тихий... Валерик после стрелки мне напел, что это он с бригадой всех асановских положил, а ты, дескать,

вообще не появился. Я слегка разозлился на тебя, но дело-то отлично разрешилось. У нас трое раненых, так царапины. Асан спешно в Москву уехал, а мы все под себя забираем. Я теперь смотрящий за городом.

— Кого они там положили? — задохнулся от холодного бешенства Эрик. — Эти олени палили в белый свет, как в копеечку.

— Присядь, поговорим спокойно.

Он кивнул Эрику на кресло, сам уселся напротив.

— У меня мусорок есть свой, прикормленный, — продолжил Молодой, — на самом верху сидит, в управе. Он мне весь расклад и дал потом: у асановских девять трупов, пули все винтовочные, 7,62, ни одной пистолетной. Если и попали в кого, то раненые, своими ногами ушли. Вот тут я и припомнил Валере базар его гнилой.

— Он меня действительно не видел. А то, что заслуги себе приписал... Ну, они же стреляли куда-то. Может, и правда подумал, что сами... А так-то выходит, что и те, и другие в небо палили, чисто попугать.

— Вот и я думаю, что чисто попугать. Кто первым побежит. А тут ты валить всех начал, как кегли. Асановские и побежали. Кто успел, конечно.

Эрик украдкой оглядывал кабинет Молодого. На любовь хозяина к гигантизму указывал не только телевизор с экраном фантастических размеров. Мебель тоже отличалась массивными формами и крупными размерами. Еще внимание Эрика привлекла огромная, почти в человеческий рост бутылка «Метаксы» на качельках. Молодой, перехватив его взгляд, похвастался:

— В Греции братва подарила. Там сейчас много наших.

Потом как будто спохватился:

— Слушай! А ты же грек! А ну давай по рюмашке!

— Спасибо! Я за рулем. В другой раз, — отказался Эрик.

— Ну, как знаешь, — не стал настаивать Молодой, — такими темпами я ее за год не выпью.

Попугать, думал Эрик, выходя от Молодого, попугать! Так они, может, и стрелять бы не стали? Посверкали волынами, померялись членами и разошлись краями? То, что первый выстрел сделал он сам и по сути начал эту бойню, Эрик осознал еще тогда, на крыше, когда ждал, пока уедут «победители».

Впрочем, никаких моральных терзаний по этому поводу он не испытывал.

* * *

Буквально на следующий день вдруг позвонил и назначил встречу Маггиль и предложил поехать в Москву.

— Дело такое. Столичная братва попросила человечка надежного прислать. Вопрос нужно решить. Человек нужен посторонний, чтобы ни с кем там не связанный. Это нормально.

— Хорошо.

— Лететь завтра. Там позвонишь по этому телефону, спросишь Ивана Ивановича. Назовешься племянником. Скажешь приехал на работу устраиваться. Там тебе все объяснят. Стволы — их. Десять косарей зеленью. Расчет на месте после дела.

На следующий день он уже вылетал в столицу.

Если свой аэропорт практически никак не изменился со времен Империи, то столичный явно переживал все возможные болезни роста одновременно. Помимо начавшихся повсюду строительных работ, он потрясал многолюдностью и суетой. Сотни, а может быть тысячи киосков, киосочков, уличных лотков образовывали один большой шумный базар. Площадь перед аэропортом представляла собой скопище хаотично перемещающихся и припаркованных как попало автобусов, маршруток, такси и частных.

На выходе к Эрику сразу подошел «бомбила».

— Есть одно свободное место в машине. Недорого получится на троих. Всего двести, — напористо начал он, заглядывая в глаза.

Пока Эрик раздумывал, как бы невзначай спросил:

— А чё, по делам в столицу? Прикид, я гляжу, фирмовый. Серьезный бизнес, небось?

— Инженер я, — ответил Эрик, — в командировку от завода приехал.

«Бомбила» вдруг сразу потерял к нему интерес.

— Ааа! Слушай, братан, нам не по пути, наверное. Вон там стоянка автобусов. Бывай!

«Я так и понял», — подумал Эрик. Про такие «попутные» такси он уже слышал. Кроме водителя к тебе подсаживаются еще два амбала и где-нибудь в лесочке на полпути высаживают без денег и прочих ценностей. Не то чтобы он этого сильно опасался. Но, во-первых, он только с самолета, то есть пустой. Одним металлическим «Паркером» уработать сразу троих довольно сложно. Во-вторых, зачем ему вообще эти приключения? Он спокойно добрался до ближайшей станции метро на автобусе. Метро, кстати, со времен его армейской службы несколько не изменилось. Только снаружи обросло теми же самыми неисчислимыми ларьками.

«Иван Иванович» назначил встречу у тихого прудика в центре. В условленное время к Эрику подошел импозантный пожилой мужчина профессорского вида.

— Племянничек? — спросил он.

— Да. Вы — Иван Иваныч?

— Он самый. Давайте сразу к делу. Вот клиент. Фото не отдам, запоминайте. Каждый день он обедает в одном и том же ресторане. Можно работать на выходе. Доходчиво излагаю?

Иван Иванович поправил очки в красивой золотой оправе.

— На место поезжайте прямо сегодня, еще успеете. Осмотритесь там. Инструмент получите завтра.

Ресторан находился на небольшой спокойной улочке. Припаркованные с обеих сторон машины оставляли посередине проезд, едва позволяющий разъехаться встречному транспорту. Со стороны ресторана все первые этажи представляли собой сплошной ряд магазинчиков и кафешек. Монументальная парадная лестница самого ресторана не выступала наружу, а уходила внутрь здания. На противоположной стороне улицы ряд жилых домов прерывался, образуя букву «П», внутри которой расположился небольшой скверик. У этого скверика, облокотившись на кованную ограду, Эрик и ждал появления клиента.

В 13:16 у входа в ресторан остановился черный шестисотый «мерседес». Вышел телохранитель, открыл заднюю дверь. Одновременно с этим с противоположной стороны выскочил второй. Клиента Эрик опознал при мимолетном повороте головы, а так видел только затылок. Телохранители работали профессионально, прикрывая хозяина с двух сторон.

«Может, на выходе будет попроще», — понадеялся Эрик. Он не торопясь обошел скверик сзади, зашел за ограду. Никаких скамеек или дорожек, просто островок зелени посреди шумного города. Эрик вернулся к проезжей части, перешел улицу, посмотрел по сторонам. Длинный ряд витрин, ни проулка, ни проходного двора. До ближайшего перекрестка метров сто, не меньше. Завалить клиента действительно просто: вышел из-за ближайшей припаркованной машины и всадил пару пуль. Вот только уходить некуда. Вот для чего нужен посторонний человек — чтобы труп нельзя было привязать ни к какой из местных группировок.

В обед Эрик еще раз съездил на место, походил, промерял все шагами. Вечером забрал пистолет.

На следующий день он дождался клиента, сидя в кофейне неподалеку. Пропустить сверкающий «шестисотый» было сложно, а примелькаться на улице он не хотел. Посидев еще полчасика (быстрее клиент не обедал), Эрик перешел улицу и, обогнув

ограду, нырнул в сквер. Здесь он раздвинул редкие кустики и стал наблюдать за выходом. Показался первый охранник. Эрик надел перчатки, достал пистолет, придвинулся ближе к ограде, присел, положил ствол на чугунную перекладину.

Два быстрых выстрела в корпус. Есть попадание! Клиент стал оседать, один из телохранителей бросился к нему, пытаясь подхватить. Второй молниеносно извлек ствол и осматривается. Отлично, цель до сих пор открыта, можно спокойно выцелить лоб, хорошо контрастирующий на темном фоне.

Оставив пистолет здесь же в кустах, он на полусогнутых юркнул из сквера к дому, стоящему в углублении, и ушел дворами. Телохранители, оставив в покое труп и задрав головы, пристально осматривали чердачные окна домов напротив.

Тут главное — правильно расставить акценты. Эту мудрость он запомнил еще со случая с Настей и всегда старался ей следовать.

Вечером Иван Иванович, встретившись для расчета, похвалил Эрика, как профессор хвалит прилежного студента:

— А вы хороший специалист, молодой человек. Оставьте-ка мне свой контактный номер, удобнее будет обращаться к вам без посредников. Сотовый у вас есть?

ГЛАВА 14

* * *

Непривычно теплый май сменился жарким июнем. За два месяца не пролилось ни капли дождя. Стоял невыносимый сухой зной. Трава на газонах выгорела, деревья уныло шелестели жухлыми листьями. Все, что должно было цвести и благоухать в начале лета, успело отцвести еще в мае. Город задыхался в пыльном мареве.

Эрик стал выбирать с книжками на природу. Днем в квартире находиться было просто невозможно. Он облюбовал уединенное место не очень далеко от города и ничем не привлекательное для рыбаков, грибников, ягольников и вообще туристов всех мастей. Небольшая поляна в окружении густого ельника весь день была защищена от прямых солнечных лучей. Вместе с тем, благодаря естественному коридорчику, в котором ели расступались узкой полосой около сотни метров, поляну почти постоянно обдувал легкий ветерок. Эрик раскладывал удобное рыбацкое кресло и устраивался с книгой на целый день. Проголодавшись, он обедал припасенными бутербродами и пил чай из термоса. В детстве он никогда не верил маме, когда она говорила, что горячий чай прекрасно утоляет жажду на жаре, и всегда выпрашивал лимонад. Пришло время убедиться в ее правоте.

Две недели он жил в этом ритме и совсем уже стал ощущать себя свободным человеком. Эту иллюзию развеял звонок от Маггиля.

Маггиль передал ему фотографии и листок с адресом.

— Это директор Северного рынка. Есть домашний адрес. Но он целый день у себя в конторе, бывает, задерживается допоздна.

— И чем он провинился?

— Тебе не все равно?

— Это может быть полезная информация.

— Он много лет исправно платил асановским. Когда Асан отвалил, к нему заехала наша братва, объявили ценник. Он вроде согласился, но стал тянуть. Пацаны надавили. А он, падла, оказывается сразу к ментам побежал и дальше под запись разговаривал. Короче, двоих наших приняли, и там с доказухой полный ажур: запись разговоров, бабки меченые, что он передал. Ферштейн?

— Ферштейн. Сделаю.

Первым делом Эрик съездил на адрес. Потратил на наблюдение целый день. Двор ему очень не понравился. Новый элитный дом, вокруг все ухожено, чисто. Но и днем, и вечером на детской площадке полно ребятишек, мамочки с колясками. Двери подъездов отлично просматриваются.

Следующим утром он приехал на Северный рынок. Последний раз он был здесь с отцом еще ребенком, до того, как они переехали в центр. Помнил это посещение смутно, но все равно мог оценить произошедшие изменения. Рынок разросся неимоверно. Общая площадь его увеличилась в несколько раз. Он давно уже вылез за первоначальную ограду и поглотил все пустыри и улочки вокруг, вплотную подбираясь к жилым домам.

Эрик обошел рынок кругом, осмотрев все входы и выходы. Отметил места дежурства охранников. Зашел в администрацию и разыскал кабинет директора. Прикинул варианты: валить прямо в кабинете или при выходе на служебную парковку. Доступ везде свободный, охранники годились разве что бомжей гонять.

Покинув здание администрации, Эрик решил пройтись по рынку. Он прогуливался по рядам практически бесцельно, полностью погруженный в разработку плана. Из киоска, торговавшего контрафактными аудиокассетами, зазвучала песня, заставившая его остановиться. Тягучая мелодия, чем-то напоминающая танго; резкий, словно острым гвоздем по стеклу голос: «Я пытался уйти от любви. Я брал острую бритву и правил себя...»

Эрик тряхнул головой и пошел дальше.

Незаметно для себя он оказался в стихийной, неорганизованной части рынка, уже за оградой. Там, где сельчане пытались продать плоды своего нелегкого труда. Ведра с картошкой, пучки свежей редиски, соленья в банках были разложены на старых газетах прямо с краю тротуара. Эрик уже направился в сторону припаркованной машины, когда его окликнул дедок, мимо которого он только что прошел.

— Молодой человек, купите майский мед! Свежайший майский мед. Купите, не пожалеете!

Эрик совсем не разбирался в пчеловодстве. Но он вырос в регионе, главной гордостью которого, его визитной карточкой был мед. Здесь каждый мальчишка знает, что свежий мед появляется в продаже только к августу, после сезона летнего медосбора. Эрик философски относился к маленьким хитростям рыночных торговцев. На базаре, как известно, всегда один — подлец, другой — дурак. Но он очень не любил, когда его пытались развести откровенно и нагло. Он вернулся.

На краю тротуара стоял седой старик с окладистой бородой, одетый в бесформенную, застиранную рубаху неопределенного цвета и такие же штаны. Он внешне чем-то напоминал великого классика русской литературы в самую позднюю его пору, когда тот ушел из Ясной. Только глаза совсем другие — не суровые буравчики из-под насупленных бровей. Он смотрел на Эрика с добрым, веселым прищуром. У него под ногами на картонке с неровно оборванными краями примостились две

трехлитровые банки. Их содержимое, красиво просвеченное утренним солнцем, мерцало прозрачным янтарем. Эрик уперся в старика взглядом.

— Майского меда не бывает, дед, — весомо отчеканил он каждое слово.

«Может и чудес не бывает?» — прозвучал в голове голос старика.

— Что-что? — переспросил Эрик.

— Я говорю: «Как же не бывает?» — старик широко улыбался. — Бывает, сынок! Майский мед самый вкусный и целебный. Пчелки, они ведь уже в апреле из улья вылетают. Опротасться после зимы. А дальше от погоды зависит. В мае, когда первые цветы появятся, они уже начинают трудиться. Обычно майского меда очень мало бывает. Им самим на прокорм только и хватает. Ну, и пасечнику немного полакомиться. Потому никто майский мед и не продает. Только в этом году май необычный выдался, все медоносы уже цвели. Вот, даже на продажу немного вышло. Купи, сынок!

Эрик зачем-то купил у старика обе банки. К сладкому он был совершенно равнодушен.

Дома, выставив их на стол, он сел напротив и долго вглядывался в янтарные глубины, погружившись в раздумья. Потом решительно встал, подошел к телефону и начал набирать номер, выученный наизусть еще в колонии.

Два длинных гудка. Три. Четыре... Что я делаю?!

— Алло, слушаю! — прозвучал в трубке такой родной и такой далекий голос.

— Привет! Ты майский мед любишь?

Повисла долгая пауза.

— Здравствуй! Люблю... наверное. А что это?

— Просто мед. А ты что подумала?

— Ну, не знаю... поп-группа какая-нибудь: «Ласковый май», «Майский мед». Или что-то эротическое.

Эрик рассмеялся. Напряжение спало.

— Нет! Это мед. Его пчелы в мае собирают. Потому он майским и называется.

— Никогда не слышала про майский мед.

— Я тоже не слышал. А он, оказывается, самый вкусный и целебный.

— Здорово!

— Вот я и хотел тебя угостить. Мы можем встретиться?

Снова повисла пауза.

— Хорошо. Я могу через час.

— Давай я тебе домой привезу. Заходить не буду, не бойся.

— Нет. Давай в нашем парке. Встретимся у центрального входа.

Эрик повесил трубку и снова уставился на банки. Что заставило его именно сейчас решиться на поступок, который он подсознательно хотел совершить каждый день после освобождения?

* * *

В этом парке они с Кирой часто гуляли в первые месяцы знакомства. Он располагался совсем рядом с Кириным домом, и она прибегала на встречу пешком. Изумрудный Гай потому и получил свое название, что со всех сторон окружен лесопарковыми зонами.

Эрик вышел из машины и, нервно прохаживаясь, сосредоточенно высматривал Киру со стороны ее дома.

— Эрик! — раздался голос из-за спины.

Эрик резко повернулся.

Он перестал видеть все вокруг. Только ее глаза!

Кира вроде бы весело и беззаботно улыбалась. Но Эрик видел в ее глазах нежность и боль. И надежду.

Кира подошла, коснулась его груди.

— Привет!

— Привет! Погуляем?

— Да!

Они пошли по дорожке вглубь парка. Над головой шумели на ветру кроны корабельных сосен. Нагретый полуденным солнцем воздух благоухал хвоей.

— Как ты? — спросила Кира.

— Нормально.

— Ты изменился. Очень!

— Восемь лет прошло.

— Почти девять.

— Да, почти девять... А ты только красивее стала. Правда! Кира заулыбалась.

— Ну вот, возмужал. Научился комплименты дамам говорить.

— Да брось, какие комплименты.

Дальше они болтали обо всякой ерунде, словно приятели, встретившиеся после недолгой разлуки, и не было ничего трагического в их расставании, и этих долгих лет тоже не было.

По окончании прогулки Кира категорически отказалась от предложения подвезти ее до подъезда.

— А как ты их потащишь? — спросил Эрик. — Банки тяжелые.

— Банки? Их что, много?

— Две.

— Не-не-не, Эрик! Я возьму одну. И прекрасно донесу ее. Я сильная!

— Хорошо! Как скажешь. Мы еще увидимся? Можно я позвоню? Мы так хорошо погуляли! Но мне все равно не хватило. Мы же можем еще погулять?

— Можем. Я как в декретный ушла, так и не вышла обратно. Некуда выходить, развалилось все: сокращения, люди месяцами без зарплаты сидят. Так что днем я свободна, у меня Димка до четырех в садике. Сын.

— Я знаю, Кира.

Глядя вслед уходящей Кире, Эрик еще не понимал до конца, что с ним происходит. Но ночью он впервые с момента освобождения долго ворочался без сна.

Эрик хотел выдержать приличествующую паузу, но не утерпел и позвонил на следующий же день. Кира легко согласилась встретиться с условием, что они снова будут гулять в любимом парке.

День выдался не такой жаркий, солнце время от времени скрывалось за плотными кучевыми облаками, а усиливающийся прохладный ветерок заставлял верхушки сосен сгибаться под своим напором. Вчерашняя легкость исчезла. Болтать о пустяках не хотелось. Они долго шли молча, все больше углубляясь в парк. Эрик с трудом подбирал слова и, наконец, решился.

— Кира, ты счастлива? — спросил он.

— Да! — ответила она после короткой паузы. — У меня муж, он очень хороший человек, чудесный сын, спокойная устроенная жизнь.

— Я очень рад за тебя! Правда! Не знаю, смог бы я сделать тебя счастливой, что сейчас об этом говорить. Но то, что у тебя все сложилось прекрасно, — это просто здорово!

Снова повисла долгая пауза.

— Кира, я действительно рад, что ты счастлива, — скороговоркой заговорил Эрик, — я не стану тебе мешать. Я не хочу ничего разрушить, не посмею даже потревожить твою спокойную жизнь. Но может, в ней найдется для меня крошечный уголок, капелька твоего свободного времени. Мы можем иногда видеться? Не в ущерб твоим планам. Можешь не отвечать прямо сей...

— Да! — перебила его Кира.

От нахлынувших чувств кровь бросилась Эрику в лицо. Он давно уже считал свою душу выжженной пустыней. Много лет ничего не могло его взволновать. Самые драматические моменты он оценивал с холодной объективностью. Скучные эмоции

были естественной реакцией организма, но не находили никакого отклика в душе. А сейчас он чувствовал себя мальчишкой, тем прежним Эриком, не знающим ни зоны, ни убийств.

— Я так рад, что вернул тебя, — сказал он, пытаясь сдержать дрожь в голосе.

— Это еще кто кого вернул, — с загадочной улыбкой ответила Кира.

— То есть? Это я тебе позвонил.

— Да, позвонил. Ну и что?

— Ты говоришь загадками.

— Нет никаких загадок. Я знала, что ты должен выйти этой весной. Когда ты сед, я год терзалась, потом заставила себя забыть, жить своей жизнью. И ты знаешь, казалось, забыла. Вышла замуж, родила сына и многие годы даже не вспоминала о тебе. Но, оказывается, эта часть памяти просто спряталась на время, а часики тикали, отсчитывая твой срок... И этой весной я как с ума сошла. Каждую ночь думала о тебе, ждала, что ты появишься. Не появился. А меня не отпустило. Не поверишь, но я пошла к гадалке. Она настоящая шотландка. Представляешь?

— А чего шотландка-то? — не удержался Эрик. — Не цыганка, не индианка, не шаманка из Сибири. Как ее из Шотландии к нам занесло?

Сейчас наступило просто засилье всевозможных экстрасенсов и целителей всех мастей. Колдовали прямо по телевизору, заряжая целебными свойствами воду и леча энурез на расстоянии в тысячи километров. В смутные времена на поверхность всегда всплывает много грязной пены. Колдуны — лишь малая ее часть. Эрик поначалу относился к этому с юмором, но в последнее время всеобщее мракобесие стало немного раздражать.

— Не знаю! Не смейся! Можешь не верить! Она сказала: «Не переживай, он завтра позвонит».

— И...?

— На следующий день ты позвонил... Поэтому я не удивилась.

У Эрика не было никаких оснований не доверять словам Кире. Она всегда была трезвомыслящим человеком. И, судя по всему, таковой осталась.

— Не знаю, как это объяснить, — осторожно сказал он, — может совпадение?

— Ага, совпадение. Так раз — и совпало! — иронично ответила Кира.

— Хорошо! Значит, это судьба, — согласился Эрик, чтобы не усугублять дискуссию, — все равно я не могу этого объяснить.

— Еще она мне сказала, чтобы я никогда в жизни больше не гадала. Ни у нее, ни у кого другого.

— А вот это странно. Это ведь ее заработок.

— Не знаю. Но гадать больше не буду. Все, что хотела, я уже нагадала.

Кира вдруг взяла его за руку и увлекла с асфальтовой дорожки на узкую тропинку, уходящую вглубь леса. Отойдя достаточно далеко, чтобы скрыться от взглядов случайных прохожих, она притянула Эрика к себе и прильнула в поцелуе. Эрик сначала касался ее совсем робко, но от мягких ее губ, от пьянящего запаха быстро потерял голову, из всех сил прижал ее к себе, руки оказались под ее футболкой, ласкали голую спину, опустились ниже... Кира мягко отстранилась.

— Эрик, все! Все! Не спеши!

Эрик остановился в нерешительности, опустил руки. А Кира уже шла обратно к дорожке.

* * *

Эрик теперь жил только мыслями о Кире. Планировал встречи, думал, о чем ей интересно будет поговорить, мечтал о том, что отношения их станут, наконец, совсем близкими, как раньше. Так прошла еще неделя. Звонок от Маггиля застал его врасплох.

— Ты чего творишь, Тихий? Какие-то проблемы? — с ходу «наехал» тот.

«Черт! Черт! Вот же черт!» — пронеслось в голове.

— Нет никаких проблем. Все будет ровно, — ответил вслух спокойным голосом.

Конечно, он не забыл. Просто отставил в сторону, загнал в самый уголок сознания как неприятную повинность. О ней помнишь ежечасно, но делаешь все, чтобы оттянуть час расплаты.

— Не тяни. Решай уже!

Маггиль повесил трубку.

Эрик задумался. Тянуть действительно уже некуда. Примерный план был готов еще в первый день, когда он побывал на рынке. Если бы не странная встреча с тем дедом, вопрос был бы решен, возможно, уже на следующий день. В конце концов, директор рынка не американский президент. «Вот прямо сегодня и прихлопну барыгу, — решил Эрик, — чего, собственно, заморачиваться? Пришел, увидел, застрелил. Главное — побыстрее».

Еще немного поразмыслив, он оделся похуже, добавил на одежду немного грязных пятен с помощью коричневой акварели и к концу рабочего дня был на Северном рынке. Клиента он поджидал рядом со служебной стоянкой, сидя прямо на бордюре с бутылкой пива. Рядом находились мусорные баки, в которые время от времени что-то выбрасывали. Эрик делал вид, что очень интересуется содержимым новых поступлений мусора. Помойка воняла, Эрик терпел.

Директор рынка появился около семи. Вышел он не один. Его сопровождал подсобный рабочий, который тащил два больших, плотно набитых пластиковых пакета. Еще один нес сам директор. Погрузив пакеты в багажник белоснежного «лексуса», подсобник раскланялся и исчез. Клиент что-то еще поправил, уложил поудобнее и захлопнул крышку багажника.

Когда он повернулся, Эрик уже стоял перед ним. Он достал пистолет, практически упер его в лоб этого лысоватого плотного мужичка.

Он понял, что не может нажать на спуск.

Дяденька, стоящий перед ним не дернулся, не побежал. Он стоял, зачарованно глядя на пистолет. Губы его задрожали, на лбу выступили крупные капли пота. Эта мразь недостойна жить, уговаривал себя Эрик, да никто не достоин. Что тебе жизнь этого слизняка или кого-то другого. А Кира, она тоже недостойна? Ее жизнь тоже ничего не стоит? При чем здесь вообще Кира. Выстрелить незнакомому человеку в лоб, думая в этот момент о Кире? Эрик опустил пистолет и быстрыми шагами направился прочь.

Вызвав его на разговор вечером следующего дня, Маггиль был вне себя от ярости.

— Ты знаешь, что этот упырь исчез?

— Нет. Я пас его вчера вечером. Сегодня собирался решить вопрос. Вместо этого общаюсь с тобой.

— Ничего ты уже не решишь! Его зам — наш человек. Он сообщил, что этот гаденыш не вышел сегодня на работу, на звонки не отвечает. Затихарил по полной, короче. Ты чё его спугнул?

— Да вроде нет. Если только он почувствовал что-то, — соврал Эрик, не моргнув глазом.

— Это твой косяк!

— Ты мне предъявляешь? Уверен?

Уехал он крайне недовольный, а Эрик почувствовал безмерное облегчение и через полчаса забыл и о Маггиле, и о сбежавшем директоре рынка.

Они с Кирой стали встречаться часто. Не каждый день, но не реже одного или двух раз в неделю. У Эрика началась совсем другая жизнь, с новыми интересами и новыми заботами. Ему теперь было кому посвятить свое время и свои мысли. В это лето он под разными предложениями отказался еще от двух

заказов. Он был, должен был быть прежним Эриком. Не может Кира встречаться с убийцей Тихим. На звонки Маггиля он просто перестал отвечать. Денег пока хватало, со столичными «халтурами» он подкопил приличную сумму. Про будущее думать не хотелось.

Однажды дождливым сентябрьским вечером его окликнули возле подъезда. Эрик обернулся. Машина Маггиля. Тот, опустив стекло, призывно махал ему рукой. Эрик подошел, мельком бросил взгляд на задний диван. Никого. Спокойно сел вперед на пассажирское кресло. Машина тронулась.

— И как это понимать, Тихий? — даже не поздоровавшись спросил Маггиль.

— Что тебе непонятно? — вопросом на вопрос ответил Эрик.

— Ты «морозишься», на звонки не отвечаешь. Соскочить решил?

— А если и так? Я пожизненно на тебя пахать не подписывался. Контракты свои исполнил, денег вам не должен. Или штуку баксов вернуть, подъемные?

Маггиль попетлял в дворах и остановился в тупичке за гаражами.

— Положим, один заказ ты просрал, этого барыгу так и не нашли. Собрал вещички и свалил вместе с семьей.

— Я денег за него не брал. Ты же аванс не платишь.

— Ладно, хрен с ним, с барыгой. Только просто соскочить не получится, так дела не делаются!

— Ты меня пугаешь, что ли? Так мог бы уже понять, я ничего не боюсь. И дорого вам встанет мне предъявлять.

— Баба твоя тоже ничего не боится?

Судорожный спазм перехватил горло.

— Какая еще баба, — справившись с голосом равнодушно спросил Эрик.

— Та, замужня, с которой ты встречаешься как школьник, — ответил Маггиль, внимательно глядя ему в глаза.

— Это подруга детства. Встретились пару раз потрындеть, вспомнить молодость. Она при чем? Она мне никто.

— А вот мы и проверим, при чем и кто она тебе.

— Кто это мы? Молодой так интересуется моей личной жизнью?

— Молодому наплевать. Пока только я интересуюсь твоей личной жизнью, а там поглядим.

— Так это не он тебя прислал? — спросил Эрик, расстегивая куртку, — душно тут у тебя.

— Не он, — машинально ответил Маггиль и ту же секунду все понял.

Он еще не договорил, когда Эрик первым движением вырвал из подмышки нож. Одновременно со вторым движением Маггиль стал поднимать руку, чтобы защититься, но не успел.

Услышав о Кире, Эрик потерял голову и действовал на инстинктах. Теперь он глядел на хрипящего Маггиля и думал о последствиях. Просто уйти нельзя. Даже если никто не знал, что Маггиль едет конкретно к нему, бросить его здесь опасно. Машина стоит слишком близко к его дому, а главное — почерк. Один удар в сердце. Истывать беспорядочно, забрать деньги и рыжье? Нет, вариант с ограблением слишком наивный. Надо, чтобы он просто исчез!

Маггиль затих и привалился к боковому стеклу. Эрик огляделся. В эту мерзкую осеннюю погоду улица вокруг совершенно безлюдна. Он поправил тело Маггиля, откинул спинку водительского кресла в горизонтальное положение, вынул нож, аккуратно обтер его об одежду покойника и вернул в ножны. Потом пересел на задний диван и перетащил туда же тело. Сел за руль и двинулся к выезду из города. Маггиль должен исчезнуть бесследно вместе с машиной. Для этого годилось только одно место — старый затопленный карьер в сорока километрах к югу.

Добирался до карьера, искал подходящее место и сталкивал машину в воду Эрик, что называется, на автомате. Нужно было просто делать это, не останавливаясь, не раздумывая, невзирая

на усталость и непогоду. Самым сложным оказалось вернуться домой. От карьера Эрик несколько километров месил грязь до близлежащего поселка. К этому времени наступила ночь, поселок встретил его тишиной и безлюдьем. Он нашел на улице колонку, кое-как умылся, отмыл ботинки от грязи и пошел к трассе. Подсаживаться в таком виде к частнику не стоило. Впрочем, никто бы его и не повез. На трассе ему удалось остановить грузовик и доехать до въезда в город. Здесь он пересел в автобус и доехал до своей остановки, не обращая внимания на взгляды пассажиров.

Дома, собрав в большой пакет одежду и обувь, на которой могли остаться следы крови, и приняв ванну, Эрик выпил рюмку конька, завернулся в плед и с ногами уселся в кресле.

Ну что, начал новую жизнь, думал он. Забыл, кто ты? Ты — Тихий, и никем больше не будешь. Размяк, расклеился, приполз к Кире. На что надеялся? Что она от мужа уйдет, жизнь свою разрушит и уедет с тобой в закат? Или что всю жизнь бегать к тебе будет тайно? Вот только сколько веревочке ни виться... Сегодня Маггиль вычислил, завтра другие. Пообещал, что не влезешь в ее жизнь, а сам влез своими кровавыми лапами.

Жизнью ее рисковал.

* * *

На следующий день он попросил Киру о встрече. Предложил встретиться у «их» парка. Она недоумевала, вначале отнекивалась. Гулять в такую погоду — сомнительное удовольствие. Эрик настоял. Прогулка действительно не получилась. Кира почти бегом прибежала под внезапно усилившимся дождем и, отряхивая зонт, запрыгнула в машину.

— Ну и погоду ты выбрал. Ничего не случилось? — весело спросила она, на самом деле несколько не тревожась, скорее предвкушая сюрприз.

Новое развитие их отношений находилось на самом пике. Они преодолели естественную после долгой разлуки неловкость первых встреч, «вспомнили» друг друга и только-только бросились в омут любви, не разбирая берегов.

Эрик заставил себя разжать зубы и произнести:

— Случилось, Кира. Я уезжаю, мы не сможем больше видеться.

Кира не сразу поняла смысл сказанного. Потом в глазах ее промелькнул страх.

— Что, снова?

— Нет, нет! — поспешил ответить Эрик, — ты не так поняла. Это не как в прошлый раз. Я уезжаю сам. И, если быть честным, потому, что нам НЕ СЛЕДУЕТ видеться.

— Не следует? И что это значит? — Кира спросила с недоумением, хотя уже вполне осознала сказанное. — Я в прошлый раз собирала себя по кусочкам. Собрала. Выстроила свою жизнь. Теперь... я бегая к тебе, словно девочка... Что ты делаешь?

— Я не могу тебе всего объяснить. Это непросто. Отношения со мной могут не просто разрушить твою жизнь, это очень опасно для тебя.

— То есть ты решил за меня?

— Да! Я решил за тебя. За нас обоих. Ты сделала бы это сама, если бы знала обо мне немного больше. Я...

Эрик не смог произнести слово «убийца».

— Я действительно в любой момент могу отправиться обратно за решетку. Кроме того, близость ко мне смертельно опасна. Я не могу тобой рисковать.

Если бы Кира в полной мере осознавала смысл произносимых Эриком слов, то, возможно, она отнеслась бы к ним немного иначе. Но любая женщина, даже самая умная и трезвомыслящая, в такой ситуации слышит одно: ее бросают. Причины не имеют никакого значения, будь это хоть конец света. Кира холодно бросила: «Хорошо, прощай!» — и вышла в дождь.

Кира шла по дорожке, забыв про зонт. Через несколько минут она промокла насквозь. По щекам черными струйками текла тушь.

Эрик, сидя в машине, в ярости колотил по рулю. Он смог это сделать — вырвал из себя новые ростки жизни. Вырвал и растоптал. Теперь его холодная ярость должна была окончательно переродиться во всеобъемлющую ненависть: к себе и всему вокруг. Бесповоротно освободившись от естественного влечения к любви, он неизбежно отдавался другому врожденному влечению: к злу, агрессии, разрушению, жестокости.

В каждом человеке изначально заложено два противоположных влечения: влечение к жизни и влечение к смерти. Влечение к жизни объединяет сексуальные влечения и стремление к самосохранению. Оно несет в себе любовь, продолжение рода и любые формы созидания. Цель же влечения к смерти — разрыв связей и разрушение. В том числе — разрушение себя.

Случается и так, что человек с детства всецело отдается только влечению к жизни, не проявляя и тени агрессии, но роковое стечение обстоятельств в один миг переворачивает его мир с ног на голову, и им безраздельно овладевает стремление к смерти. Самым простым выходом здесь видится самоубийство. Однако зачастую ненависть к окружающему миру преобладает над ненавистью к себе. Ровно как сейчас у Эрика. Этот мир, эти люди сделали его таким. Потому он не просто не думал о суициде, он собирался выживать, защищать себя от опасностей, и отнюдь не из инстинкта самосохранения, а из желания умереть по-своему.

«А хрен я сдамся!» — в ярости рычал он.

За наглухо тонированными окнами его «девятки» сгущались сумерки. Капли дождя превратили темное стекло в непрозрачную шагрень, фонари в парке еще не зажгли, движения на близлежащей улице никакого не было. В динамиках звучала тягучая рок-баллада.

Эрик на какое-то время потерял чувство реальности. Казалось, что машина висит в пустоте, спеленатая кромешной и беспросветной тьмой.

ГЛАВА 15

* * *

Эрик не соврал Кире. Он действительно уехал. Собрав только самое необходимое, он на следующее утро первым самолетом улетел в столицу. Поселился в гостинице и немедленно сообщил Ивану Ивановичу, что готов работать. Тот обещал иметь его в виду.

Однако ни одного заказа Эрик принять не успел. В столице начался какой-то фантастический фильм. Сначала объявили чрезвычайное положение. Это уже крайне не понравилось Эрику. Работа в таких условиях при всех преимуществах бардака иногда чревата непредвиденными осложнениями. Потом на улицах появились танки, бронетранспортеры и баррикады. Догорающая посреди центрального проспекта машина, разбитые витрины, толпы людей с флагами разных цветов — вот что увидел Эрик, выйдя в очередной раз на улицу. Судьбы демократии его не интересовали нисколько. В тот момент, когда в Дом правительства прямой наводкой лупили из танка, он уже летел домой.

В зоне прилета, уже перед выходом на улицу он неожиданно услышал:

— Эрос Николаевич!

Эрик с ног до головы оглядел окликнувшего его человека. Высокий хлыщ, ровесник, может чуть старше, светлые волосы аккуратно пострижены, одет неброско, но не дешево. Лицо его казалось смутно знакомым. «Кто-то из прежней жизни: школа, университет? Тогда почему так официально?» — вычислял Эрик.

— Отойдем? — предложил незнакомец.

За колонной он вынул из кармана красную книжечку, развернул.

Щит с мечом, фото... вроде похож, капитан... Контора? Впрочем, такими ксивами нынче торгуют в каждом переходе.

— И что? — спросил он спокойно.

— Давайте я вас подвезу до города. Заодно и поговорим.

— То есть я не задержан?

— Нет, конечно.

— Тогда я на такси.

— Поверьте, этот разговор в ваших интересах. Пока это частная беседа. Вы же понимаете, что можно и по-другому.

Эрик смущало до боли знакомое лицо. Но вспомнить его обладателя никак не получалось. Любопытство взяло верх над всем остальным.

— Хорошо, поехали! — решил он.

В машине попросил:

— Можете называть меня Вячеслав Иванович.

«А-а-а, вот оно! Вячеслав!» — Эрик вспомнил.

— Неужели тогда в поезде настоящим именем представились? — с усмешкой спросил он.

— В каком поезде?

— Восемьдесят второй, школьники в поезде едут домой, встречались в Ереване с американцами... А их разводит на разговоры молодой человек, который типа в самоволке. Забыл, Слава?

— А мы уже на «ты»? — холодно спросил Вячеслав. — Не помню никакого поезда.

— Предположим, — согласился Эрик. — А как вязали демонстрацию хиппи тоже не помнишь? Ты там был, я помню.

— Это помню. Глупая и нелепая история. Все всё понимали, но машина продолжала вертеться.

— Так что ты сейчас-то хотел, Слава? — спросил Эрик, прервав молчание.

Вячеслав скопил на него глаза.

— Мы знаем, чем ты занимаешься.

— Чем?

— Повторю: нам известна сфера твоей деятельности. Нескольким эпизодам мы просчитали. И что в колонии было — тоже знаем.

— А что было в колонии?

— Так вот мое предложение, Эрос Николаевич. Нет, просто ты будешь работать на нас. По своему профилю.

— А если нет?

— Это не предложение.

— Ничего себе методы у вас...

— У вас, — с нажимом сказал Слава. — У тебя методы. Просто бывают случаи, когда правосудие бывает бессильно. Правосудие! А ты не имеешь и не будешь иметь к нам никакого отношения. И более того: если что — тебе придется самому разбираться с ментами, судами и бандосами, если вдруг их рассердишь. Ни помогать, ни вытаскивать тебя мы не будем.

— Да это просто шикарные условия!

— Других нет, — серьезно ответил Вячеслав.

— А почему вдруг я? По всей стране других кандидатов не нашлось?

— Не льсти себе. Ты не один. Имя вам — легион.

— Правосудие настолько бессильно?

— Империя развалилась. На ее осколках почти повсеместно тлеют или уже полыхают в полный рост вооруженные конфликты. На западе: в Приднестровье, на Балканах. В Закавказье наши бывшие республики воюют между собой или распадаются на части. Не сегодня завтра на Кавказе начнется полномасштабная война. Бандосы всех мастей повылезали, целые горда под себя подминают. А в стране практически безвластье. Ты не видишь, что происходит вокруг?

— Вижу, из столицы прилетел, если ты позабыл.

— Вот-вот!

— Что с оплатой? Я за идею не работаю.

— Оплата будет. Не очень большая, мы не наркокартель. Но командировочные и текущие расходы — да...

— А будут командировки?

— В основном командировки и будут.

Эрик, наконец, озвучил вопрос, мучивший его всю дорогу:

— А почему ты встретил меня именно в аэропорту?

— Надо отдать должное, Эрос Николаевич, вас очень трудно найти, — с усмешкой ответил Вячеслав, — где ты живешь, мы так и не вычислили. Съемное жилье, не на свое имя, я думаю. А вот билеты на самолет ты по своему паспорту покупал. Могли тебя перед вылетом принять, но тогда бы спокойного разговора не получилось. Дождался, пока обратно прилетишь.

— Понятно. А как вообще вышли на меня?

— Нет, ну ты правда думал, что ментовский висяк с расстрелом асановской группировки не привлечет к себе внимания? У всех трупов дырки от армейской винтовки. У нас-то пока не война, и история эта расследовалась всеми ведомствами. Не знаю, что там МВД накопило, а у нас специалисты хорошие еще остались. Тема эта — Молодого. Ну и посмотрели вокруг него повнимательнее. Вышли на Руслана Магиярова, погоняло Маггиль. Он, правда, неожиданно исчез... Кстати, ты не в курсе, где он?

— Нет. Откуда мне знать?

— Предположим. Там еще несколько интересных эпизодов всплыло. И все указывало на то, что хороший киллер у Молодого в банде работает. А человек один дал нам потом твое подробное описание. Дальше — дело техники.

На прощание Слава потребовал «надежный контакт».

— А ты визиточку мне оставь, — сказал Эрик. — Я завтра транковый телефон куплю и тебе сразу отзвонюсь.

— Только не играй со мной.

— Конечно!

Были, были у вас возможности, думал про себя Эрик. Только нынче Контора не в таком авторитете, как раньше. Еще в колонии по телеку видел, как памятник Железному Дровосеку сносили. Вы не только власть над страной потеряли, вы власть над собственной площадью потеряли. Скрипели, небось, зубами из-за занавесок.

Впрочем, ссориться с Конторой сейчас было совсем не с руки. Эрик на следующий день действительно обзавелся сотовым телефоном и сообщил его номер Вячеславу.

В офисе сотовой компании он спросил у продавца, благоговейно достававшего трубку из навороченной упаковки:

— А отследить мое местоположение по этому телефону можно?

— Теоретически можно, но очень приблизительно. Местоположение трубки можно привязать к конкретному ретранслятору. Только радиус охвата у ретранслятора — тридцать километров. Пока их не так много в городе, зоны их действия едва перекрывают друг друга. Когда побольше вышек понаставим, и связь станет получше, и местоположение можно будет точнее определить, уже по нескольким вышкам сразу.

— И скоро это произойдет?

— Не могу точно сказать, мы развиваемся. Год-два, я думаю. Только ведь для этого сложная и очень дорогая аппаратура нужна. Или к нашей надо подключаться, а это даже спецслужбы не могут без специального разрешения.

«Ага, не могут! — усмехнулся про себя Эрик, — ладно, два года еще надо прожить, а точность в тридцать километров меня вполне устраивает. Лови меня, Славик, если что!»

Его никто не беспокоил довольно долго. Эрик, вполне довольный этим, снова посвятил себя чтению книг. Происходящие вокруг политические потрясения и катаклизмы подтолкнули его к изучению исторической литературы. Это оказалось

не менее увлекательно, чем беллетристика. Очень скоро он выяснил, что ничто не ново под луною. Империи развивались, росли, процветали, а затем рушились во многом по сходным причинам. Как и любое разрушение, это сопровождалось в лучшем случае кризисом, хаосом, потерей ценностных ориентиров. В худшем — войной, кровью, жертвами. Но всегда — человеческими трагедиями. Самое печальное заключалось в неизбежности этих процессов. Любая, самая совершенная конструкция со временем себя изживает и рушится. Предотвратить это невозможно.

* * *

В ноябре, когда за окном уже крупными хлопьями летел мокрый снег, позвонил и назначил встречу Молодой.

— Маггиль пропал, — сообщил он, поздоровавшись, — уже почти два месяца ни слуху, ни духу. Не знаешь, где он?

— Нет, — спокойно ответил Эрик, — не звонил, не появлялся. Я его с лета не видел.

— Не пойму, куда он мог деться. Как в воду канул. Вроде никаких косяков за ним не числится. Если только я чего не знаю...

— У него вроде в столице прихватки были.

— Если живой, найдем! Я чего тебя вызвал. Вопрос надо один решить в Екате. Съездишь?

— Конечно!

Молодой вкратце обрисовал ему задачу. Целью был авторитет из новых. Кличка Бухар. Не вор, даже не блатной. Но держал в городе целый промышленный район, по беспределу отжав его у прежних «хозяев».

Прощаясь, Молодой сказал Эрику:

— Связь теперь будешь держать напрямую со мной. Не хочю никого из братвы подтягивать. Маггиль уж больно для такой работы подходил, только где его...

Поездка в столицу Урала произвела на Эрика впечатление. Родной Город оказался по сравнению с Екатеринбургом тихим и сонным, хотя по размерам и административному значению был ему практически равным. Эрик постоянно натыкался на явные признаки совершенно безнаказанного разгула бандитизма. С таким беспределом на улицах он не встречался еще нигде. Если в Москве криминальные аспекты тонули в общей бушующей суете огромного мегаполиса, то здесь они постоянно выпирали из относительно размеренной жизни города острыми углами. Эрик поленился ехать на машине и взял билет на поезд. Ствол и еще кое-что очень эффективное он вез с собой, справедливо рассудив, что вероятность шмона в купе даже ниже случайного досмотра на трассе. По прибытии ранним утром прямо на перроне он стал свидетелем неприглядной картины: целая толпа подростков, распределившись вдоль состава, останавливала одиночных пассажиров и трясла с них деньги. Выходило, что местное воровское сообщество собирает своеобразную плату за посещение города. Начинали малолетние «шакалы» с просьбы поделиться, при отказе становились грубее и собравшись кучкой налетали на несговорчивого пассажира с явной агрессией. Нескольких слов «по фене» оказалось достаточно, чтобы они мгновенно потеряли интерес и переключились на другого «клиента». Эрик здорово устал от дороги, отдохнуть в поезде толком не удалось, и не нашел ничего лучше, чем немедленно устроиться в гостиницу «Свердловск», стоящую прямо на привокзальной площади, и завалиться спать.

Проснулся он от громкого стука в дверь. Эрик спросонья открыл, даже не спрашивая. На пороге стояли двое ментов и дежурная по этажу. Кобура с пистолетом в шкафу под пальто, быстро не достать. И две «лимонки» в портфеле. Где же я спалился?

— Гражданин, разрешите пройти через вашу комнату? — вежливо попросил молодой щекастый старлей.

— Куда пройти? — опешил Эрик.

— На козырек. Ваш номер выходит на козырек над входом, — объяснил старлей.

Эрик растерянно отступил. Когда администратор всучил ему ключ от номера на втором этаже, он не придал этому никакого значения. Какая разница, где выспаться?

Менты в грязных ботинках через всю комнату проследовали к окну.

— А что случилось-то? — поинтересовался Эрик.

— Человек выпал, — шепотом сообщила дежурная.

Усатый сержант, уже открывая фрамугу, уточнил:

— Проститутку из окна выбросили. Вот она, красавица!

Эрик подпирал спиной шкаф с «палевным» содержимым и останками продажной красоты не заинтересовался.

Капитан, кряхтя, выбрался на козырек, поглядел зачем-то вверх, потом долго разглядывал труп.

— Зови санитаров, — крикнул он сержанту, — хер тут каких улик: весь козырек в мусоре. Чего только не бросают...

Эрику пришлось в том же положении ждать, пока появятся санитары, на носилках вынесут накрытый простыней труп и, не закрыв окно и не извинившись, отвалят менты. Он уныло смотрел на ковер, по которому словно стадо бизонов прошло на водопой.

— Я горничную пришлю, — пообещала дежурная, — после обеда.

— Ага, — кивнул Эрик, — это уже без меня. Я выезжаю.

Он провел в городе несколько дней и довольно часто наблюдал интересные сцены. Однажды на небольшом пустыре в самом центре города он натолкнулся на массовую драку. Человек двадцать молодых мужчин бились стенка на стенку. Из одежды на них были только спортивные штаны. Бритые черепа, залитые кровью торсы, пар над разгоряченной толпой и полное молчание. Слышалось только сосредоточенное сопение и глухие

удары. Эрик постоял несколько секунд и ретировался от греха. В другой раз, прогуливаясь по центральной улице, он заметил в подворотне персонажа, классически одетого в майку-алкоголичку, черные трико с вытянутыми коленками, стоптанные сланцы на белые шерстяные носки и... с «калашом» в руках. Он лениво наблюдал за погрузкой небольшого грузовичка, видимо, осуществляя охрану. Непосредственным свидетелем гангстерских разборок Эрику стать не довелось, но время от времени ночью в разных районах слышалась стрельба. Из всей этой мозаики складывалась полная картина, дающая представление о том, кто в этом городе хозяин.

Впрочем, случались и довольно забавные эпизоды. Эрик следил за офисом Бухара и, чтобы не сильно отсвечивать, отошел с тротуара поближе к стене здания за редкие припорошенные снегом кустики. Вдруг на него что-то упало сверху. Эрик инстинктивно успел отшатнуться, его едва чиркнуло по рукаву пальто. Признаться, он получил приличную дозу адреналина. Сердце бешено колотилось. Однако через миг стало понятно, что упавший сверху предмет непосредственной опасности не представляет. Это были вывернутые наизнанку вместе с трусами сиреневые колготки. Только что снятые, еще теплые. Казалось, что от них даже поднимается легкий парок. Эрик поднял глаза. Он стоял под корпусом какого-то общежития. Представив в красках произошедшие где-то наверху события, Эрик несколько секунд трясся в беззвучном смехе.

Эрик приехал на поезде еще по одной причине. «Палить» свою тачку на деле все равно было нельзя, а значит, и тащить ее сюда не имело смысла. Потому он просто купил на местном авторынке вазовскую развалюху на ходу, и на большие расстояния передвигался на ней. По наводке Молодого Эрик знал места, где появляется Бухар, и несколько дней последил за ним. Днем тот мог заниматься чем угодно, а вот вечерний досуг разнообразием не отличался. Ужинать и набираться алкоголем

он мог в разных местах, но «на кочерге» с завидным упорством приезжал в один и тот же бордель. Зависал там часов до двух ночи и отправлялся домой. Ездил ли он к одной и той же девушке, Эрик не выяснил, а, впрочем, и не стремился. Зато он заметил, что приезжает он в бордель всегда только с водителем, который терпеливо ждет его в машине. Еще водитель очень много курил, что неудивительно при многочасовом ожидании, и у него постоянно было до половины опущено окно.

План был насколько прост и дерзок, настолько же опасен. Жизнь Эрика зависела от раздолбанной «шахи». Однако он готов был рискнуть, у него прямо чесались руки попробовать осуществить задуманное. Кроме того, «шаха» при всей своей неказистости ни разу не заглохла в неподходящий момент.

Решившись на осуществление своего плана, Эрик дождался ночи и отправился к дому терпимости. Здесь он убедился, что Бухар предается любви, машина на месте, водитель покуривает себе, как обычно. Он припарковался метрах в двадцати напротив огромного внедорожника Бухара и, не глуша двигатель, погасил фары. Клиент появился в дверях в половине второго. Эрик открыл окно, включил передачу и потихоньку тронулся, одновременно выдергивая чеку «лимонки». Ему удалось поравняться с машиной Бухара в тот момент, когда тот уже уселся и захлопывал за собой дверь. Водитель успел что-то заподозрить и тревожно взглянул на подъезжающую «шестерку» без огней. Но сделать ничего не успел. В открытое окно влетела граната. Эрик дал по газам. Он не оборачивался. Выскочить из машины эти двое все равно не успеют. Когда грохнул взрыв, «шаха» уже подъезжала к концу переулка. Он включил фары, закрыл окно и направился в сторону вокзала.

То ли в поезде продуло (вагон отапливался кое-как, из огромных щелей в плохо закрывающемся окне нещадно дуло), то ли сказались вынужденные пешие прогулки по Екатеринбургу. На второй день после приезда Эрик проснулся с больным горлом

и сухим саднящим кашлем. К вечеру стало немного знобить. Лекарств в доме никаких не водилось, да и отвык он за время отсидки от медикаментов при простуде. С больным горлом в санчасть обращаться бесполезно. Примут, если только температура под сорок. На зоне простуду лечат чесноком (если он есть) и промыванием носоглотки чифирем. Прибегать к радикальным мерам Эрику показалось преждевременным, зато он вспомнил отличный способ для смягчения кашля и прогревания горла из юности — горячее пиво. Вкус на любителя, но полностью натуральный продукт и как будто помогает. Накинув короткий полушубок, Эрик выскочил до ближайшего гастронома. Он выбрал хорошее темное пиво, покрутил в руках бутылку, подумал и взял две. Рассчитавшись, распихал бутылки по боковым карманам полушубка и направился в сторону дома. Не успел он свернуть с освещенной улицы в ближайший переулок, как услышал в стороне возню и захлебывающийся женский голос. Стоило, наверное, пройти мимо. Он уже был практически в своем дворе и происходящее его совершенно не касалось. Однако что-то заставило Эрика остановиться и заглянуть в темный тупичок за трансформаторной будкой.

Хорошо одетая женщина отчаянно отбивалась от троих подростков. Один из них пытался вырвать у нее сумочку, но она вцепилась в нее мертвой хваткой и не выпускала из рук. Второй прижимал ее корпусом к стене и махал перед лицом небольшим ножиком. «Пожалуй, если дама сумочку не отпустит, может и пырнуть», — подумал Эрик. Третий в потасовке не участвовал, только тревожно оглядывался по сторонам. Через мгновение они встретились взглядами.

— Э, гопота! Отпустите женщину, — прохрипел Эрик.

Стоявший на стреме оглянулся в нерешительности. По всему, смелостью он не отличался, потому и оказался только в карауле. Два других отлепились от женщины и двинулись в сторону Эрика.

— Слышь, дядя! — ответил тот, что с ножом.

— Да нет, чижики, это вы сейчас побежите быстро-быстро, — сообщил Эрик и, вынув бутылку за горлышко, треснул ее о ближайшую стену.

Женщина отпихнула растерявшегося грабителя и что есть сил побежала прямо по сугробам в сторону освещенного двора. Пацана с ножом все это как будто не смутило. Они сошлись практически вплотную, когда вдруг за спиной у Эрика заурчал мотор и в переулок въехал милицейский «бобик». Менты, разглядев мизансцену, немедленно включили «люстру». Эрик на мгновение оглянулся и тут же получил удар ножом в левый бок. Малолетние гопники бросились врассыпную. Эрик в горячке поначалу ничего не почувствовал, при первой же попытке сделать шаг его пронзила острая боль. Один из ментов бросился было за пацанами, но быстро понял тщетность своих усилий. Второй уже подходил к Эрику. Тот, опомнившись, отбросил «розочку» в снег, но было поздно.

— Стой, стой, стой! Что это там у нас? А ну-ка ручки за голову!

Очень быстро Эрик оказался в наручниках, и менты запищали его в «бобик».

Левый бок на каждой кочке отдавался острым прострелом. Свитер намок, кровь стекала по брюкам и вскоре под ним образовалась небольшая лужица. Менты заметили это, только вытаскивая его возле отдела.

— Слушай, его реально надо подлатать, он нам все щас кровью зальет, — сообщил молоденький «пепс» старшему.

Тот витиевато выматерился.

Врач «скорой», усталая миловидная женщина, обработала рану, наложила повязку и как можно убедительнее сказала дежурному:

— У него проникающее ранение. Я в этих условиях не могу определить глубину и тяжесть. Его надо везти в больницу,

— Вы кровотечение остановили?

— Остановила, но...

— Ну и отлично! Езжайте.

Женщина укоризненно покачала головой и, подхватив чемоданчик, вышла на улицу.

Эрик больше часа провел в «обезьяннике». Никто им не интересовался.

Молодой дознаватель Виталя, проходя мимо дежурного, заметил у того на столе бутылку пива.

— Ага, бухаем прямо на рабочем месте!

— Да это у задержанного изъяли. «Пепсы» поначалу не заметили. Только здесь в кармане полшубка нашли. Там еще «розочка» где-то в вещдоках. Бутылки две было, одну он разбить успел. Подрался, походу, с такими же алконавтами. В обезьяннике сидит, документов при себе нет.

— А ну-ка, ну-ка! Пиво-то импортное, дорогое. С чего бы ханыге такое бухло покупать? Вчера тут поблизости ларек бомбанули. Терпила — комерс, целый список накатал, чего вынесли. Вроде такое пиво тоже было. Кто им занимается?

— Да кому он нужен?

— Так. Давай-ка оформляй его как положено: пальчики откатай, запрос в картотеку, ну все, в общем. И ко мне в кабинет. Щас разберемся.

У Эрика сняли отпечатки пальцев, записали со слов все данные и привели в небольшой обшарпанный кабинет, который делили, судя по количеству столов, три дознавателя. Сейчас на месте был один старлей Виталя.

— Присаживайтесь, уважаемый! — с лучезарной улыбкой пригласил он Эрика.

Эрик рухнул на стул. К неважному самочувствию из-за простуды добавилась слабость от кровопотери и непрекращающаяся боль в боку.

— Фамилия, имя, отчество?

Эрик представился.

— Почему без документов?

— На пять минут за пивом вышел.

— Где проживаете?

Эрик назвал адрес.

— Предположим. Откуда пиво?

— Купил.

— А денег прям ровно на пиво было? При вас ни кошелька, ни денег не обнаружили.

«Черт! Еще и бумажник выронил», — с досадой констатировал Эрик.

— Кошелек потерял.

— Ах, какое несчастье! Хватит пургу мне гнать! Пиво это — из ларька, который позавчера обнесли. Давай, рассказывай все. Оформим как «чистуху», так и быть.

— Я позавчера в Екатеринбурге был, начальник. Ты свои висяки на кого-нибудь другого вешай. А мне в больницу надо. Рана, похоже, глубокая.

— А чего так близко, в Кате? Чего не в Париже?

У Витали был очень плохой день. С утра на планерке влетело от начальства за неоформленные вовремя дела. В обед он обнаружил, что кто-то поцарапал на служебной стоянке его новенькую «Ладу». Поцарапал и втихую смылся. Только что его полчаса пилила жена за то, что вместо того, чтобы поехать к ее родителям, как договаривались, он остался дежурить в отделе. Как будто его кто спрашивал! И этот упрямый «алкот» вывел его из себя окончательно. Он схватил со стола толстую стопку дел и со всего маха заехал Эрику по голове. Тот не успел отклониться и упал вместе со стулом. Дознаватель выскочил из-за стола и добавил ногой в живот.

Но, увидев, что повязка на боку Эрика стала сочиться кровью, бить больше не стал и отправил Эрика в камеру. Только повели его не в клетку напротив дежурного, а куда-то в глубину ИВС.

В камере он оказался не один. Там уже сидели два крепких коротко стриженных парня в ярких спортивных костюмах. Они встретили Эрика угрюмыми взглядами, на вежливое приветствие не ответили.

Заместитель начальника отдела дознания и по совместительству начальник информационного отделения майор Постышев уже два часа раскладывал пасьянс на компьютере, ибо ничем более полезным на дежурстве заниматься не хотелось. Пасьянс смертельно надоел, и когда поступил ответ информационной системы по свежему запросу, он сам набрал по внутреннему дознавателя:

— Виталя! Есть ответ по пальчикам твоего задержанного. Криони Эрос Николаевич, ранее судимый. Ты за что его «морозишь»?

— О! Спасибо, товарищи майор! Я как чувствовал. Все в елочку. Ларек он позавчера обнес. К утру расколется, «чистуху» мне напишет.

— Откуда такой оптимизм? Он, вообще-то не за кражу сидел, а за тройное убийство.

— Главное — судимый.

— А с чего ты взял, что он вдруг в полную сознанку пойдет? Дело это, за которое он сел, лет десять назад было, но я запомнил, потому что нашумело сильно...

— Да я его в камеру к двум рекетирам определил. Они пресанут слегка...

— Дебил! Вытаскивай его оттуда немедленно! Вернее, их вытаскивай... если успеешь. ЧП с мокрухой на отдел, баран...

Эти двое в камере поначалу затеяли с Эриком какой-то малозначительный разговор. Постепенно он принимал довольно «гнилой» оборот. Они стали цепляться к словам, хотя развести имевшего опыт общения с блатными Эрика было чрезвычайно сложно. Он, как зашел, практически сразу упал на скамью и его участие в разговоре сводилось к односложным ответам. Когда

все свелось к банальному: «Ты чё борзеешь, дядя?», Эрик просто замолчал и отвернулся к стене. В воротник его полушубка была вшита очень гибкая стальная спица. Через мех она не прощупывалась из-за мизерной толщины. Эрик тихонько разодрал край воротника и вытянул спицу наружу. «Спортсмены» подошли к его скамье. Он приподнялся, сжимая спицу в кулаке. При ударе заостренную часть нужно было оставить совсем небольшой длины, чтобы она не согнулась. А дальше ввести целиком. Вот здесь уже требовался навык.

Он наметил, куда бить, и подобрался.

В это время по коридору загрохотали милицейские сапоги, торопливо загремели запоры. Эрик сполз на скамью. Спицу он аккуратно отправил в узкую щель между досками. Кровь лилась из-под повязки тонкой струйкой, Эрика колотил озноб.

К утру его все-таки отправили в больницу. На следующий день приехал другой дознаватель. Про ларек никто не вспоминал, с него снимали показания только по драке. Эрик категорически отказался писать заявление как потерпевший, это было совсем не по понятиям, но протокол допроса подписать пришлось.

А еще через день к нему в больницу пришла та самая женщина. Эрик совсем ее не разглядел в темноте, запомнил только светлое пальто и красивую сумочку. Теперь перед ним стояла не просто элегантно одетая дама, ее вполне можно было бы назвать красавицей. Правильные черты лица, большие выразительные глаза, чувственный рот. Все это тщательно подчеркнуто выверенным до микрона макияжем. Она держала в руках полный пакет мандаринов и, вручив его Эрику, немного виновато сказала:

— Простите, не знала, что вам принести. Вот — дежурные мандарины.

— Спасибо, я люблю мандарины. Прямо Новый год! — решил поддержать ее Эрик.

— Отлично! — сразу заулыбалась женщина, — мы не имели возможности познакомиться. Меня зовут Ольга.

Было заметно, что к ней вернулась уверенность. Она высоко держала подбородок, улыбалась чуть иронично и смотрела из-под приспущенных век.

— Эрос! — неожиданно для себя представился Эрик полным именем.

— Ой, я знаю! Такое необычное имя! Я ведь пошла на следующий день в милицию, в райотдел ближайший. Я видела издалека, что патруль подъехал. Подумала, что у вас могут быть неприятности. Мой бывший муж работал в органах, поэтому я примерно представляю... В общем, я написала объяснение, к вам не должно быть претензий. Еще мне сказали, что вас увезли в больницу, и я пришла поблагодарить.

— Ну что вы, не стоило! Так на моем месте поступил бы каждый, — бодро заявил Эрик.

Ольга смотрела на него с удивлением. Кажется, с чувством юмора у нее обстояло не очень.

Они еще немного поговорили о разных пустяках. Эрик не преминул блеснуть познаниями в литературе, вполне к месту вставил пару цитат. Он заметил, что Ольга посматривает на него все с большим интересом. Сам он не испытывал к ней абсолютно никакой тяги. Созданная многочасовыми усилиями красота казалась искусственной, а в душевной близости потребности не было совсем. Он немного распустил хвост перед ней скорее инстинктивно. Общаться с женщинами в последние полгода ему не приходилось вовсе.

Через пару дней Ольга пришла еще. В этот раз она принесла что-то завернутое в толстый платок.

— Это мясо по-французски, — гордо сообщила она, — я сама приготовила, еще горячее. Поешьте, пожалуйста!

Они пристроились на лестничной клетке черного хода. Эрик ел, она смотрела на него. Ольга производила впечатление

властной, уверенной в себе женщины. Особенно в первый визит. Сейчас она, сохраняя внешний лоск и даже некое высокомерие в разговоре, пытливно ловила взгляд Эрика. Он же большей частью предпочитал смотреть в сторону или в миску с едой. Наконец, они встретились глазами, и Ольга все поняла. В уме ей отказать было трудно.

Больше она не пришла.

ГЛАВА 16

Путешествие на поезде через несколько границ стало для Эрика приключением гораздо более увлекательным, чем любая задача по ликвидации. То рутина, а это — где-то давно позабытое, а где-то совсем новое и занятное развлечение. Он ехал в одном купе с челноком, который возил из Чехии дешевую бижутерию. Для него опостылевшая дорога развлечением не была, зато он хорошо знал каждый полустанок, заведенные на границах правила и служил Эрику отличным путеводителем. Им повезло, они всю дорогу ехали вдвоем. В международном вагоне компоновка купе совсем другая. Все три полки расположены с одной стороны. Это вызывает определенные неудобства, а вот если одна из них сложена, то двум пассажирам очень комфортно.

В Бресте у состава меняли колесные пары на более узкие европейские. Стоянка затянулась на несколько часов. Пограничники прошествовали по их вагону почти не останавливаясь, лишь мельком взглянув на приготовленные паспорта. Зато таможня явно никуда не торопилась, поезд-то все равно стоит.

— Туда-то не больно шмонают, — объяснял Эрику челнок Володя, — им на самом деле на реальный криминал наплевать, оружие там или наркота. Если только по наводке. А вот обратно, когда все из Европы с товаром едут, это — да! Все пересчитывают! Ну, понятно же, что пятьсот комплектов бижутерии я не для себя везу, приходится платить.

Когда, наконец, по их вагону двинулись, заглядывая в каждое купе, таможенники, Володя присвистнул:

— Ого! Вот повезет кому-то! Надя сегодня досматривает.

— Что, злобная тетка? Жестко шмонает?

— Ну... как тебе сказать...

Повезло, конечно, Эрику. Надя, как назвал ее Володя, миловидная женщина средних лет с усталыми глазами довольно быстро расправившись с соседями, добралась до них.

После беглого осмотра содержимого их сумок, таможенница заявила, что необходимо провести личный досмотр. Первым оставила Володю, Эрика выставила в коридор. Досмотр продолжался не больше минуты. Выпустив ушлого челнока наружу, она приглашающе кивнула Эрику. Он зашел в купе со смешанными чувствами. Тюремный опыт вызывал резкое отторжение любого досмотра, поднимал из глубин памяти мерзкое ощущение беспомощности и унижения. С другой стороны, его никогда не досматривала женщина.

Сзади щелкнула задвижка. Таможенница заперла купе. Эрик удивился: «С Володей она вроде бы не закрывалась». Он стоял посередине, не зная, что делать. В воздухе повисло напряжение. Таможенница подошла к нему вплотную. Тихо, глядя прямо в глаза, спросила: «Имеете при себе запрещенные к провозу предметы?» Низкий грудной голос и тон, которым были произнесены эти формальные слова, никак не соответствовали их смыслу.

«Нет!» — сглотнув, ответил Эрик.

Она положила ладони ему на плечи, провела сверху вниз по рукам. Задержалась на кистях, сжала запястья, как будто проверяя манжеты. Затем подняла руки, обхватила ими шею, запустила под ворот, стала не спеша спускаться вниз, ощупала грудь, живот. На самом деле досмотр это напоминало мало. Все происходило о-о-очень медленно и крайне... эротично. Заведя ладони Эрику подмышки, таможенница просунула их назад и повела ими по спине. В этот момент она совсем прижалась к нему. Лица их почти соприкоснулись. Он ощущал слабый запах ее духов, табака и пота. Здоровый мужской организм отреагировал совершенно естественным способом. Напряжение

нарастало и увеличивалось в размерах. Надя тоже это почувствовала. Ее губы чуть тронула улыбка. Она вернула ладони на живот Эрика, оттянула ремень и запустила правую ладонь вниз. Ой! Однако, вопреки его ожиданиям, она, едва убедившись в своей правоте и полной боевой готовности Эрика, тут же вынула руку обратно. Эрик не успел почувствовать разочарование, как она положила обе ладони ему на ягодицы, прижалась всем телом и начала медленно опускаться, ведя руками по задней поверхности бедра, икрам. Когда она оказалась лицом на уровне пряжки ремня и, томно взмахнув ресницами, взглянула наверх. Эрик чуть было вслух не вскричал: «Да, да! Продолжай!» На лице таможенницы появилась лукавая улыбка. Она неожиданно поднялась и, продолжая улыбаться, сказала: «Да, ничего нет. Досмотр окончен». И вышла из купе с абсолютно невозмутимым видом. Ошарашенный Эрик продолжал стоять неподвижно.

Володя ввалился в купе покатываясь со смеху.

— Почти десять минут, — давясь проговорил он.

— Что десять минут? — не понял Эрик.

— Десять минут она тебя пытала. А говорят, рекорд до получаса, если вдохновение накатит.

— Что это вообще было? Я думал, что она меня изнасилует.

— Не, таких случаев достоверно не зафиксировано, — продолжал смеяться Володя, — секс ей, похоже не нужен. Или самоутверждается так, или просто развлекается. Женщина обеспеченная, у них тут дворцы уже у всех понастроены, самый хлебный переход.

— А предупредить товарища?

— Тебе же самому не интересно бы было. Зато какие впечатления получил!

После нескольких часов томительного ожидания поезд, наконец, тронулся и через несколько минут выкатился на мост. За речкой была уже Польша. Ехали они совсем недолго, на той

стороне в Тересполе их встретил польский пограничный пост. Пограничник, высокий белобрысый поляк, прекрасно говорил по-русски и оказался очень душевным парнем. Во-первых, он всего за десять долларов закрыл глаза на то, что у Эрика не было медицинской страховки. Эрик, положим, понятия не имел, что она нужна, но ее не было и у Володи, и тот также откупился десяткой. На вопрос, не проще ли ее оформить, раз едешь постоянно, Володя удивленно выпучил глаза «Зачем? Заплатил на границе — и все!» К слову, страховок не было у всего вагона, и веселый поляк очень быстро собрал приличную сумму. Заартачилась только одна дама. Она вслух в коридоре стала орать: «Что, десять долларов тебе? За что это? Никто меня не предупредил, что нужна страховка!» Поляк невозмутимо вызвал по рации бригаду и двинулся дальше.

Когда поезд тронулся, Эрик увидел ее на перроне. Она растерянно стояла с чемоданом в руке, а пограничник что-то ей объяснял.

До Остравы от границы оставалось ехать совсем немного, и Эрик стал потихоньку собираться. Вскоре стало твориться что-то странное. Проводник метался по вагону с мотками проволоки, пассажиры попрятались в свои купе.

— Что происходит? — спросил Эрик у всезнающего Володи.

— Албанцы, — ответил тот, — грабят на этом перегоне.

— Какие албанцы, мы же в Чехии?

— Обосновалась в этом районе какая-то группировка. На Балканах же война идет. Нищета там, разруха. Вот эти и щемятся в Европу.

— А полиция что?

— Они их так же боятся.

Забегал проводник.

— Держите проволоку. Примотайте ручку как следует. Защелку они открывают, ключ у них специальный, получше моего.

— Я в Острове выхожу, — сообщил ему Эрик.

Проводник посмотрел на него как на умалишенного.

— Я уже наружную дверь вагона примотал.

— Иди отматывай. Там стоянка всего две минуты.

— Не буду я ничего отматывать, — заупрямился проводник.

На протяжении всего разговора он тревожно поглядывал в сторону тамбура. Эрик хотел уже сделать ему более доходчивое внушение, как тот вдруг поменялся в лице и бросился в сторону своего купе. Эрик выглянул в проход. По вагону, дергая двери каждого купе, друг за другом шли несколько человек, не сказать, чтобы очень грозного вида. Молодые мужчины, похожие на кавказцев. Обросшие щетиной, в засаленной одежде. Но затравленные бегающие глазки не могли напугать бывшего зека. Они сами боятся, — подумал Эрик, — это не делает их менее опасными. Даже заяц, загнанный в угол, становится тигром. Могут со страху и ножичком пырнуть. Он отступил назад и облокотился на стол. Албанец, шедший первым, остановился напротив открытой двери, заглянул в купе. Уставившись на Эрика, помедлил несколько мгновений, отвернулся и пошел дальше. Когда все другие купе запечатаны намертво, открытая дверь может оказаться ловушкой. Вся колонна торжественно шествовала мимо. Только последний, самый молодой, тоже заглянул в купе и поднял было руку, чтобы сделать угрожающий жест, но, натолкнувшись на взгляд Эрика, поспешил за остальными. Через пару минут Эрик пошел вслед за ними освобождать дверь вагона.

Острада, при всем при этом, не производила впечатления криминальной столицы. Обычный европейский город. В центре немного шумный и суетливый, а на окраинах тихий и сонный. Эрик устроился в гостинице как раз в более тихой части города. Насколько он понял, в городе была достаточно большая промышленная часть, но эта сфера его совсем не интересовала.

Незнание чешского языка Эрика не пугало, он надеялся на английский. Первый же вечер его в этом плане сильно отрезвил. Доллары на кроны он поменял еще на вокзале и позже, поленившись снова выбираться в центр, спустился поужинать в маленький ресторанчик при гостинице. Молодой официант всячески демонстрировал учтивость и желание общаться, но ни слова не понимал по-английски. Меню, которое он принес, было полностью на чешском, иностранные туристы в промышленном городке не предполагались. Эрик легко заказал кружку пива, ткнув пальцем в надпись Budweiser, это название было ему знакомо. Потом повторил. Окончательно проголодавшись, он стал скрупулезно изучать меню. Ни одного, даже приблизительно знакомого слова. Наконец, он с облегчением обнаружил название блюда, начинающееся со steak. Следовавшее за ним Malibu, его нисколько не смутило. Подозвав официанта, он победно указал ему найденную строчку. Официант несколько раз повторил название блюда. Из его мимики и жестов Эрик понял, что тот переспрашивает, уверен ли он. Он был уверен! Есть хотелось адски, а стейк в любом случае мясо. А, судя по очень высокому ценнику, это должен быть хороший кусок. Каково же было его разочарование и досада, когда через полчаса официант принес ему огромное блюдо, почти целиком заполненное разнообразными экзотическими фруктами. Посередине сиротливо лежали два крохотных кусочка курицы, залитые сладким сиропом. В этот вечер Эрик так и остался голодным.

Поездка в незнакомую страну дарила новые впечатления, вызывала подзабытое желание жить. Эрик ощущал себя туристом. Тем более что задание Славы он выполнил обыденно и легко. Выследить по имеющемуся адресу цель и приложить ее в удобный момент на тихой улочке железным прутом по затылку, не составило никакого труда. В этот же вечер Эрик купил билет на ближайший поезд. Остаться здесь не имело смысла.

Проходящий до Праги останавливался в Остраве на две минуты ранним утром. Эрик приехал на вокзал заблаговременно, едва светало. Поезд пришел вовремя, минута в минуту. Пройдя приличное расстояние по щебенке, он оказался перед нужным вагоном. Дверь не открывалась. Эрик стал стучать. Тишина. Эрик понял, что в свой вагон точно не попадет, и пошел вдоль поезда, стуча во все двери подряд. Две минуты прошло, состав дернулся, лязгнули сцепки. Никаких признаков жизни внутри. Вдруг, метрах в ста, на другом конце состава открылась дверь, выглянула проводница. Так быстро Эрик не бегал никогда в жизни. Был ли побит какой-нибудь рекорд на этой стометровке, к сожалению, никто не зафиксировал, но Эрик успел. Когда он впрыгивал в вагон, поезд уже ехал. Албанцы, вспомнил он запоздало. Только женщина не побоялась, а большинство проводников здесь — мужики.

Выйдя из поезда в Праге, Эрик сразу же отправился в кассу и купил обратный билет на вечер следующего дня. Он посчитал, что двух дней для знакомства с городом будет вполне достаточно. О Праге он практически ничего не знал, кроме того, что это столица бывшей Чехословакии, а ныне Чехии. Город и город. Если бы не легенда, которой необходимо было неукоснительно следовать, вполне вероятно, что Прага вообще не была бы удостоена визитом.

Эрик не представлял, с чего начать и, оставив сумку в камере хранения, просто пошел от вокзала в сторону первого попавшегося на глаза красивого здания, оказавшегося Национальным музеем. От музея спускался широкий и очень красивый бульвар, в начале которого возвышалась конная статуя. Всадник на коне напомнил Эрику канонический образ Александра Невского. Вряд ли чехи стали бы воздвигать ему памятник, но он решил проверить. Надпись на постаменте гласила Svatý Václav.

Изучив карту и составив примерный маршрут, Эрик не спеша двинулся по городу. Бульвар, на котором он находился,

оказался Вацлавской площадью. От нее Эрик проследовал к Старому месту, полюбовался на Старомесской знаменитыми курантами, Тынским храмом и вслед за толпами туристов вышел к Карлову мосту. Пражский Град на горе за Влтавой выглядел с этой стороны моста как игрушечный. Поднявшись к Градчанам, он вошел через Ворота Матиаша, обошел весь Пражский Град и покинул его по Старой замковой лестнице. Прогулка заняла несколько часов. Эрик едва стоял на ногах. Внизу у подножия холма он перекусил и выпил прекрасного темного пива «Мастер» в уютной пивной на углу оживленной Кларов и набережной Бенеша. Крошечная тихая улочка, спрятавшаяся в глубине сквера, носила забавное название «У Железной Лавки». Эрику настолько здесь понравилось, что он решил поискать свободный номер в окрестных гостиницах. Ему повезло, и он устроился буквально в соседнем доме. Старинное здание, номер с высокими потолками, двумя огромными комнатами и чудесным видом на Карлов мост очаровали Эрика с первого взгляда. Немного отдохнув, он успел еще этим вечером подняться на соседний холм в Летенские сады к огромному метроному.

Утром Эрик выписался из гостиницы и отправился на метро в Вышеград. Станция «Малостранска» располагалась прямо напротив гостиницы, а в схемах он мог разобраться и на чешском языке. Помимо замка и живописного вида на Влтаву, целью его поездки было старинное кладбище. Он вспомнил свою давнюю страсть к прогулкам между древних могил. В свой первый же приезд в столицу около года назад он посетил Старое Донское. Потом при первой возможности навещался и на другие. Упустить случай побывать на старом кладбище в европейском городе он не мог. Туристов с утра оказалось не так много, и Эрик спокойно побродил по всей территории замка. Передохнув на скамейке в парке и попробовав для разнообразия дешевый «Браник», в сторону вокзала он решил пойти пешком через огромный овраг. Это была авантюра, но с помощью карты

и добродушной женщины, подсказавшей дорогу, когда он совсем заплутал, ему удалось выбраться на оживленную улицу, ведущую к Национальному музею. До отъезда еще оставалось время, и Эрик успел поужинать и выпить «Семь пуль» у «Фердинанда». К концу второго дня он влюбился в этот город окончательно и бесповоротно.

Обратная дорога домой оказалась не такой увлекательной. Эрик даже пожалел, что не полетел самолетом. На всем пути не случилось ничего примечательного. В Бресте он еще надеялся увидеть таможенницу Надю, однако досматривал их вагон пожилой усатый дядька. По возвращении он получил от Славы скромный гонорар и сдержанное: «Неплохая работа!»

Слава обращался к Эрику довольно редко и не мог предложить реальных денег. По сути это были «субботники». Поскольку надо было на что-то жить, Эрик напомнил о себе Молодому. Впрочем, тот и сам о нем не забыл. В отсутствие Маггиля он теперь общался с Эриком напрямую, продолжая держать его на расстоянии от рядовой братвы. Работы на самом деле только прибавлялось. Наступило совсем лихое время. Различные группировки валили друг друга направо и налево. Бандиты всех мастей делили страну.

После развала Империи криминальный мир сильно изменился. Раньше были воры в законе, которые жили «по понятиям». Теперь появился борзый молодняк. Кто-то шел под крыло к ворам, а кто-то сколачивал собственные банды, которые воровских понятий не знали и не признавали. С ворами они, конечно, общались, но жили по своим понятиям. Однако этот новый молодняк был в силе, пока не попадал на зону. Бандиты понимали, что там власть другая — воры. И им деваться некуда, нужно было общаться, чтобы решать свои вопросы. Безусловно, организованный криминальный мир поддерживали, прежде всего, воры. Все понимали, что рядовых участников банд рано или поздно убьют или посадят. И если они сядут,

на зоне им может прийти несладко. Поэтому воры ненавязчиво все курировали, помогали гревом на зонах, просили бандосов этот «грев» так или иначе туда направлять. Возник конгломерат воровского мира и новых бандитов. Они вроде бы начали сотрудничать, но неизбежно возникали конфликты, так как интересы постоянно пересекались, а прежнего порядка уже не было. Воровской мир сильно напрягся: их начали просто убивать, если они предъявляли претензии или свои права на территорию. Конечно, они отвечали тем же.

Нарушение любого порядка рано или поздно приводит к хаосу. Помимо разборок с новоявленными бандитами, стали возникать конфликты и внутри воровской среды. Для захвата территорий существующие группировки перешли к открытой войне.

Через какое-то время Эрик оказался на острие этой борьбы. В родном городе по сравнению со столицей было относительно спокойно. В целом территории были поделены. Молодой обращался к Эрику только в случаях, когда речь шла не о разборках, а об однозначном устранении противников. А вот Иван Иванович вспомнил о нем еще зимой и начал потихоньку привлекать к своим заказам. В столице шли настоящие бои, потери несли все, в том числе и цех наемных убийц. Так что практически сразу по возвращении из Чехии Эрик попал на передовую. К тому времени боевое оружие уже шло в криминальную среду потоком. Проблем со стволами и даже со взрывчаткой не стало никаких. В столице чуть ли не каждую неделю взрывали или расстреливали воров в законе и других криминальных авторитетов. Обычных бойцов никто вообще не считал.

Эрику выпала честь завалить одного из очень известных воров в законе — Глобуса. Тот возглавлял крупнейшую группировку, и его убийство прогремело на всю столицу. Эрик застрелил его из снайперской винтовки у модного клуба. Положил на выходе, по классике жанра, и в такое удачное время, что труп нашли только утром. Было немного обидно, что это убийство

приписали знаменитому в определенных кругах Слону, но Эрик за славой не гнался, лишь бы платили хорошо. В такой работе известность вообще ни к чему, а залогом выживания как раз является строгая конспирация и осторожность. Эрик общался только с диспетчером — Иваном Ивановичем, оружие забирал из закладок, при выполнении заказов перешел исключительно на винтовку. Знакомое оружие, позволяющее использовать давние навыки, сравнительно безопасные дальние дистанции — все это позволяло Эрику эффективно выполнять свою работу, оставаясь в живых.

Что касается Слона, то с ним Эрику пришлось столкнуться через два года в Греции и сполна отомстить за несправедливо отобранные лавры. Примерно за год до этого Слон был арестован, сбежал из следственного изолятора, долго скрывался, через какое-то время под чужим именем выехал за границу и, легализовавшись, стал почти открыто жить на вилле в элитном особняке недалеко от Афин. Ходили слухи, что он спелся со спецслужбами Греции и снабжал их информацией о русских преступных группировках, которых там к тому времени насчитывалось великое множество.

Эрика наняли ликвидировать его, поскольку он сильно зарвался и стал много говорить. Идея использовать греческое происхождение Эрика и знание языка на бытовом уровне пришла в голову Молодому, когда он случайно оказался при обсуждении уральскими ворами косяков Слона.

Выезд в Грецию по туристической визе не составил особого труда. За несколько недель слежки Эрику удалось установить точный распорядок жизни Слона, его привычки, места поездок. Слон был очень хитер и осторожен. Отсутствие ствола сильно усложняло задачу. Кроме того, при нем постоянно находилась подружка — молодая брюнетка модельной внешности.

В итоге на подмогу Эрику прислали двух бандюков, с которыми Слон был лично знаком. Бывшие коллеги не испытывали

к нему никакого пиетета: ничего личного, просто бизнес. Они поселились в такой же роскошной вилле неподалеку и пригласили Слона в гости «посидеть по-братски».

Расчет был на то, что он придет один, но тот притащил и подругу — как оказалось, на верную смерть. Потом, когда братки, склочно перебрехиваясь, пихали в чемоданы и сумки части тел, Эрик понимал, что переполнявшее его тяжелое, до рези в глазах, отвращение — и к их грязной работе, к бессмысленному мясницкому азарту, да и к себе самому, чего уж там, — что это отвращение — роскошь: он не должен был ничего чувствовать. Он выучил себя бесчувствию, как другие выучивают английский язык. Но он чувствовал — и это его встревожило. Когда братки уехали, набив багажник, он сказал себе: больше ни разу ни с кем. Только один буду работать, только один.

ГЛАВА 17

В целом поездка в Грецию Эрику понравилась. Помимо мягкого климата, живописных мест и моря, он при всем своем космополитизме ощущал в местной культуре что-то родное. Конечно, знание языка, который выступает важнейшим фактором формирования культурных кодов, сыграло свою существенную роль. Эрик никогда не задумывался о значении родного языка, он всегда считал главным в своей жизни языком русский. Но здесь, в иной культурной среде, его отношение к греческому языку стало меняться. Он с удовольствием разговаривал с местными жителями, читал вывески, однажды даже попытался осилить книжку на греческом. Правда, безуспешно. Первые же две страницы потребовали столько усилий, что он позорно капитулировал. В этот приезд Эрику не удалось как следует попутешествовать по исторической родине. Большую часть времени ему пришлось потратить на слежку. Но, воспользовавшись многократной визой, которую дали греки, он вернулся сюда еще раз обычным туристом. А потом еще и еще. Он брал машину напрокат и колесил из города в город, следуя туристическому путеводителю. Еще пару раз пришлось приехать сюда «по рабочим вопросам». В качестве альтернативы, конечно, есть еще братская Болгария. «Курица — не птица, Болгария — не заграница». Вот так и вышло, что за несколько лет Эрик побывал в Греции раз десять, объездил все побережье и острова.

Поскольку деньги теперь перестали быть проблемой, Эрик нашел себе еще одно увлекательное занятие, кроме книг. В свободное время он путешествовал, сосредоточившись пока исключительно на Европе. И вот, побывав за несколько лет во многих

замечательных местах, он все же нашел любимый уголок в родной Греции. Крит полюбился ему с первого посещения, которое случилось «по работе». Однако с бандитом, который скрывался в Ираклионе, удалось разобраться исключительно быстро. Эрик по обыкновению взял машину напрокат и просто поехал по главной трассе, петляющей вдоль моря среди скал.

Проехав на восток все северное побережье до Ситии, он спустился на юг к Иерапетре и двинулся обратно на запад. Дорога отошла от побережья и долго тянулась между пашен, виноградников и оливковых рощ. Лишь на западе снова началась живописная гористая местность. Самое удивительное, что Эрику понадобилось вернуться практически в исходную точку своего путешествия в окрестности Ираклиона, чтобы обнаружить место, которое заставило влюбиться в себя с первого взгляда, а потом найти новый смысл в жизни. В небольшом курортном городке Агия Пелагия он остановился в отеле, расположенном высоко на скале над живописной бухтой. Множество бунгало каскадом спускались с вершины к самому краю обрыва. Эрик заплатил за двухэтажный номер, балкон которого практически висел над морем на высоте около ста метров. Ничто вокруг не мешало наслаждаться видом, ни одно строение не попадало в угол обзора. Прямо напротив балкона из моря метрах в пятидесяти от берега торчала треугольная скала. Она напоминала то ли заблудившийся айсберг, то ли плавник гигантской окаменевшей акулы. Эрик сидел на балконе, часами созерцая море и эту скалу. Он стал чувствовать, что в этом месте пожирающий его изнутри огонь гаснет, влечение к разрушению начинает ослабевать. Он вдруг поверил, что сможет здесь просто жить. Эта мысль формировалась несколько дней и в конце концов захватила его окончательно.

Для начала Эрик обзавелся настоящим греческим паспортом. К знакомой братве он обращаться не хотел ни при каких обстоятельствах. Яркие примеры убиенных им же самим бандитов

говорили о том, что сегодняшние кореша продадут завтра за копейку. Паспорт помог сделать Костя Констанди. Среди его многочисленной родни в Греции были персонажи и не совсем законопослушные, в том числе уже успевший отсидеть в тюрьме троюродный брат Леонидас. С этим самым Леней, как он его представил, Костя и свел при случае Эрика. Тот пообещал за сто тысяч евро сделать Эрику настоящий, «бьющийся» по всем электронным базам паспорт. Цена показалась Эрику завышенной, но он не стал торговаться. Фокус оказался в том, что в настоящий паспорт вполне реального человека виртуозно клеивалась другая фотография и можно было спокойно жить с этим паспортом, предъявлять его в любых инстанциях и ездить за границу. Сам человек загадочным образом исчезал, освобождая жизненное пространство новому владельцу паспорта.

— Куда девается человек? — спросил Эрик.

— Тебе не все равно? — скривился Леонидас, — он точно не объявится, не беспокойся!

Разговор произошел во время очередного приезда Эрика в Афины. Дела у него в тот момент шли прекрасно, и он позволял себе свободно путешествовать. Ему на самом деле была безразлична судьба донора. Главное, чтобы не возникли недоразумения с его родственниками или знакомыми. Небрежность здесь недопустима. Время от времени кого-то находили и экстрадировали правоохранительные органы или человек тихо исчезал, если его находила «конкурирующая фирма». Поэтому хорошие документы были жизненной необходимостью.

Эрик отдал Леонидасу половину оговоренной суммы и спокойно посвятил себя изучению достопримечательностей Афин. Леня объявился через три дня.

— Держи, грек! — усмехнулся он, — теперь ты — полноценный гражданин Евросоюза.

Эрик взял в руки явно не новый с виду паспорт, открыл его и почувствовал неприятный холодок в груди.

— Это чувство юмора у вас такое?

— Что? Что? Я все проверил, — забеспокоился Леонидас. Вырвал паспорт из рук Эрика, развернул у него перед носом.

— Смотри — фотка твоя, как родная, комар носа не подточит!

Они же страницу целиком меняют. А данные все копируют один в один до каждой закорючки. Штрихкоды, голограммы — все на месте!

— Имя, — скривился Эрик, — мне вроде как лишнее внимание ни к чему.

В паспорте рядом с его фотографией было напечатано: Θάνατος Αμανατίδης, то есть — Танатос Аманатидис.

— Ну, имя, может, и редкое. Зато фамилия одна из самых распространенных. Как «Иванов» у вас в России.

— Ты хочешь сказать, что родители реально назвали своего ребенка Танатос?

— Но ведь назвали! Я тебе сотый раз повторяю: это настоящий паспорт. Никто имена не выдумывает. Забирай ксиву, давай сюда пятьдесят косарей и вали. Если думаешь соскочить, у тебя проблемы. И у Кости, кстати. Он за тебя просил.

— Все равно других вариантов сейчас нет, — продолжал кипятиться Леонидас, — там два старика каких-то еще есть. Но ты по возрасту никак не проходишь.

— Ладно, все нормально, — Эрик достал из сумки деньги.

Лезть в бутылку из-за редкого имени явно не стоило. На чужой территории это действительно могло обернуться проблемами. Для них он был очередным «русским бандитом», который хочет осесть в Греции. Не знал подробностей его работы и сам Костя. Он понимал, что Эрик довольно близок с Молодым, и этого было достаточно. Ему льстила дружба с серьезной криминальной фигурой. Кроме того, Эрик очень хорошо платил за услуги.

Леонидас позвонил этим же вечером. Видимо, история с именем не давала ему покоя. Во время встречи он думал только

о том, как получить деньги и побыстрее отщипнуть от них свой процент. Но когда все благополучно разрешилось, вспомнил, что Эрик все же Костин друг.

— Слушай, я тут со стариками поговорил. Так имя действительно редкое, сейчас почти не встречается. А в том году, когда Танатос этот родился, как раз «Черные полковники» переворот устроили, военная хунта пришла к власти. В один день демократии в Греции как не бывало. Людей реально хватали на улицах, пытали в тюрьмах. Может, родители его были коммунистами там или хиппи? И из протеста или еще по каким соображениям ребенка так назвали? Но, поверь, проблем у тебя не будет. Косте привет!

Опять хиппи! Да что же это такое, почти весело думал Эрик. Он на самом деле уже начал привыкать к новому имени, время от времени перекатывая его во рту, произнося вслух. Смирился с неизбежным: «Лучше, конечно, быть каким-нибудь Георгиосом Пападопулосом, которых в Греции не счесть, да что уж теперь!» Эрику много раз приходилось пользоваться поддельными документами и называться чужими именами. Но все это было на короткий срок, а с этим именем он собирался когда-нибудь начать новую жизнь.

Эрик все чаще стал наезжать в полюбившуюся ему Агия-Пелагию. Несколько раз останавливался в местных отелях, отдыхал, купался, одновременно осматривая окрестности и изучая рынок недвижимости. В конце концов, он купил на побережье небольшую виллу с хорошим участком. В саду была пара десятков апельсиновых деревьев, которые он предпочитал называть рощей, и старые, плодоносящие оливы. Эрик договорился через Костино агентство недвижимости с местными риелторами о сдаче виллы в аренду. Флигель никогда не сдавался, и Эрик мог приехать к себе в любое время.

Шли годы. За без малого десять лет в надежном тайнике внутри флигеля скопилось полмиллиона евро. В последние годы

Эрик брал за свои услуги дорого. Еще только заполучив греческий паспорт, он решил впрок создать канал, по которому в любой момент можно будет экстренно выехать из России. На свой новый греческий паспорт он получил сначала короткую туристическую визу на родину. Находясь в Греции по российскому загранпаспорту, выехал в Россию по греческому и вернулся по нему же через неделю. Позже получил российскую визу на девяносто дней, которую тоже как бы использовал, меняя паспорта. И, наконец, дав через нужных людей немаленькую взятку, оформил господину Танатосу Аманатидису вид на жительство в России, въехал по его паспорту и успокоился. В любой момент он мог просто купить билет на самолет и улететь в Грецию.

За несколько лет ситуация в стране кардинально поменялась. Завершились войны на Кавказе, закончилось лихое время бандитских переделов. Стрелять на улицах практически перестали, криминальные авторитеты стали солидными бизнесменами. К Эрику обращались все реже, а Слава, похоже, совсем про него забыл. Пришло время для новой жизни. По крайней мере, стоило попробовать. Серьезным имуществом в родном городе Эрик так и не обзавелся, жил на съемных квартирах, время от времени меняя адреса. Так что ничто его здесь не держало. С отцом отношения несколько не наладились. Эрик навещал его, иногда даже оставался ночевать, несмотря на возражения оставлял деньги. Но никакой душевной теплоты, естественной для отца и сына, так и не появилось.

Эрик практически уже был готов к отъезду, когда вдруг объявился Слава.

— Есть срочная работа, — заявил он, едва поздоровавшись.

— Я на пенсии, майор, — невозмутимо ответил Эрик.

— Во-первых, подполковник. Во-вторых, ты, может быть, забыл, но это не обсуждается. Я говорю — ты делаешь.

«Эх, не успел я свалить. Пары дней не хватило, — сетовал про себя Эрик, — интересно, нашел бы он меня в Греции?»

— Твой клиент приезжает завтра. Максимум на неделю, вероятнее дня на три-четыре. Когда будет в следующий раз — неизвестно. А у себя он недосягаем. На вопрос «кто он» Слава ответил сухо:

— Предприниматель, допустим.

— Вы теперь предпринимателей ликвидируете?

— Это не должно тебя касаться, но в данном случае скажу. Он финансирует террористов. Давно. Официально мы ничего не можем с ним сделать.

— Ох, не люблю я эту публику, полные отморозки.

— Просто сделай. Жить он будет не в отеле, а в загородном доме. Охрана там, как на военной базе, вряд ли подберешься. Расписание встреч, где с кем, когда — ничего не известно. В городе есть ресторан, который принадлежит ему через подставных лиц. Я думаю, он там появится. Мы завербовали там человека, он будет тебя направлять.

— Я работаю один.

— Это не обсуждается. Мы можем дать только адрес поселка. Тебе придется ждать, вести его оттуда, искать случайные возможности. А в ресторане — вполне реальный вариант.

Вся эта история не понравилась Эрику изначально. Он даже подумывал уехать прямо сейчас. Однако ссориться с Конторой не хотелось. Одно дело исчезнуть по-тихому, когда о тебе уже вроде никто и не помнит, совсем другое — подписаться на задание и неожиданно слиться. «Точно будут искать, — уныло думал он, — придется отработать дембельский аккорд, но потом сразу же свалить». Он даже собрал вещи. Кое-что нужно было забрать из отцовской квартиры. Эрик намеренно устроил небольшой тайник именно там. Тайник в съемной квартире — далеко не лучший вариант. Отец же никуда переезжать не собирался, да и со здоровьем вроде бы пока все было хорошо.

Эрик набрал домашний номер. Длинные гудки. Позвонил на сотовый. Отец не сразу, но ответил.

— Я на даче. Что-то случилось?

— Нет, ничего. Просто хотел тебя проведать. Ты когда вернешься?

— Дня через три буду, заезжай!

— Хорошо!

Конечно, Эрик мог попасть в отцовскую квартиру. Лезть в тайник в его отсутствие было бы даже удобнее. Но, несмотря ни на что, следовало попрощаться перед отъездом. Возвращение на родину Эрик не планировал.

Изучив подходы к загородному дому, в котором предположительно должен был остановиться клиент, Эрик убедился в Славиной правоте. Трехметровый каменный забор с острыми пиками поверху. По всему периметру камеры. Массивные глухие ворота открываются автоматически, въезд в этот момент контролируют два охранника. Штурм, вероятно, вызвал бы определенные трудности даже у группы спецназа. Дадаев прибыл на бронированном «мерседесе» в сопровождении большого внедорожника, по-видимому, с дополнительными охранниками и неприметной «тойоты», которая как бы незаметно следовала чуть поодаль.

Следующим утром кавалькада машин выехала из ворот только ближе к одиннадцати. Эрик последовал за ними. Здорово мешала «тойота», что, собственно, и было ее очевидной задачей. Она вдруг сворачивала в сторону и исчезала. Но стоило приблизиться к колонне, как через несколько минут она оказывалась позади тебя. Эрик после первого же такого маневра сообразил, что «спалится» очень быстро, и отстал. Каким-то чудом ему удалось не потеряться, и он увидел, что «мерседес» с внедорожником въехали на подземную парковку офисного центра. «Тойота» припарковалась снаружи. Попасть внутрь Эрику не удалось ни через центральный вход, ни через парковку. Только в кино главному герою без труда удаётся прикинуться доставщиком пиццы или украсть чей-то пропуск. В жизни

все гораздо прозаичнее. Эрику пришлось пару часов издалека наблюдать за выездом из парковки.

Из офисного центра клиент направился в сторону ресторана, который Эрику указали как лучшее место для операции. Каково же было его разочарование, когда машина с Дадаевым не остановилась у парадного входа, а въехала во двор через автоматические ворота. Эрик с трудом нашел место для парковки и подошел, чтобы оглядеться. Дворик, насколько он смог разглядеть через щель, был небольшой и глухой. В округе не было ни одного здания, откуда бы он простреливался. Классический вариант ликвидации на выходе отпадал. Клиент нигде не оказывался в поле зрения. Обстреливать же бронированную машину при выезде не имело смысла даже из «Мухи», не говоря про винтовку. Все вело к тому, что придется работать внутри.

По добытым сведениям, Дадаев имел отдельный кабинет на втором этаже и из общего зала попасть туда было невозможно. Лезть в это осиное гнездо пахло самоубийством. Даже если бы клиент выходил через парадное крыльцо, стрелять из винтовки было совершенно неоткуда. Ресторан располагался на узкой улочке, плотно заставленной припаркованными автомобилями. Все дома напротив — старые трех-четырёхэтажные особняки, занятые преимущественно солидными офисами. Ни квартиру снять, ни на чердак не проникнуть. Он вспомнил свое первое дело в столице, когда у него возникло стойкое убеждение, что покойный Маггиль со здравствующим Иваном Ивановичем отправляли его на убой. Сейчас не выривалось даже того шансика, который он использовал тогда.

Эрик остановился напротив ресторана. В окне второго этажа он вдруг увидел Дадаева. По-видимому, окна кабинета выходили на эту же улочку. Эрик решил осмотреться пошире. Окно могло быть видно из какой-нибудь многоэтажки. Конечно, идеально было бы найти такую точку, глядя из самого окна. Этим предстояло озадачить Славиного сексота. Вероятность попасть

метров с двухсот была мала, но была. Эрик вдруг заметил, что пассажиры «тойоты», припаркованной недалеко от ресторана, внимательно его разглядывают. Он отвернулся с равнодушным видом и прогулочным шагом отправился в противоположную от своей машины в сторону.

Следующий день не дал ничего нового. Эрик возил с собой и винтовку, и пистолет, готовый при случае импровизировать, но клиент очень тщательно озаботился своей безопасностью и шансов никаких не предоставлял. Точек для выстрела из винтовки Эрик не нашел, сексот тоже не смог подсказать ничего внятного, хотя доступ в кабинет у него якобы был. Зато он узнал, что Дадаев завтра утром улетает. Действовать нужно было сегодня и внутри ресторана. Оставался, конечно, еще вариант с аэропортом, но внутрь пронести серьезное оружие не представлялось возможным, работать пришлось бы на входе и при близком контакте. Шансы уйти от охраны невредимым тоже получались минимальными, плюс куча ментов вокруг.

Прекрасно осознавая опасность, Эрик решил идти в ресторан. Он хотел закончить дело, чего бы это ни стоило. Это был не страх перед Конторой и не азарт охотника. Чем больше трудностей возникало, тем сильнее разгоралось его влечение к смерти, разрушительное стремление повергнуть все в прах. Его тянула тьма. Он жаждал убить или умереть. А может: убить И умереть. Наконец, упокоиться. Робкая попытка найти покой в медитациях на берегу Критского моря виделась в его нынешнем тревожном состоянии совершенно наивной.

Получив сигнал от Славиного человека, Эрик подошел к служебному входу. Тот улучил момент, когда охранник отошел, и впустил Эрика в коридор. Они, никого не встретив, свернули на лестничную клетку, поднялись на второй этаж. Еще коридор, поворот. Остановившись перед аркой с задернутыми портьерами, человек едва слышно прошептал: «Охрана внутри. Четыре человека. Я буду ждать на лестнице», — и неслышно стал отходить назад.

Эрик достал пистолет. Патрон уже был в патроннике, снимать «Глок» с предохранителя не требовалось. Он заглянул в щель между тяжелыми портьерами. Скучно освещенный холл казался пустым, путь к двери был свободен. Эрик решительно направился вперед и сразу же получил сильный удар сзади по затылку. Сознание на миг померкло, он упал, выронив пистолет. Его подхватили с двух сторон, вывернули руки и потащили к двери. Он начал приходить в себя и попытался вырваться. В этот момент дверь распахнулась навстречу, из нее выскочили еще двое и Эрик получил удар ногой в живот. Один из охранников схватил его за волосы. Теперь его волокли втроем. Сознание окончательно вернулось, тупая боль в затылке казалась незначительной по сравнению с вывернутыми суставами. Его поставили на колени перед столиком. В первые секунды он видел только красивые резные ножки и край скатерти. Потом тот, который держал его за волосы, поднял ему голову и с силой прижал к столешнице. Эрик увидел перед собой Дадаева. Широкое лицо, рыжая борода, глубоко запавшие глаза. Он невозмутимо прожевал кусок, потом шутливо укорил охранника:

— Что ты делаешь, Аслан? Белую скатерть испачкал! Свиною голову на мой стол положил.

Вокруг гортанно засмеялись.

— Ты ведь свинья! — с улыбкой продолжил Дадаев, обращаясь к Эрику. — Разве может человек прийти к другому во время трапезы, чтобы убить его?

Эрик промолчал. Охранник надавил на голову. Показалось, что хрустнула какая-то кость, челюсть свело нестерпимой болью.

— Ай, Аслан! Отпусти немного! Он же не может говорить!

— Говори, свинья! — это уже Эрику.

Эрик молчал.

Дадаев спихнул остатки стейка с деревянной доски на тарелку, пододвинул доску к краю стола.

— Давай его руку! — сказал он, обращаясь к охраннику, держащему сзади Эрика.

Кисть левой руки поместили на доску. Дадаев взял в руки вилку, зубчатый ножик и снова обратился к Эрику:

— Я буду отрезать по одной фаланге. Это долго. Что, хочешь стерпеть, да? Может, ты и смерти не боишься? Вижу, что не боишься. Не знаю, как тебя готовили. Но я ведь могу сделать и по-другому. Ты в моих руках, я смогу узнать о тебе все. Поверь, у меня очень большие возможности.

— И в вашей конторе у меня есть люди. Я узнаю все о тебе и твоих близких. У тебя ведь есть близкие? Родителей мы не тронем. Мы же не свиньи, в отличие от вас. Родители — это святое! Наверняка у тебя есть женщина. Такая же свинья, как и ты. Будем резать свиней по кусочкам.

Произнося свою речь, Дадаев дирижировал ножом, то направляя его в сторону Эрика, то обращая лезвие к себе. Сосредоточившись на левой руке, прижатой к доске, охранники немало ослабили правую и увлеченно слушали босса, время от времени кивая. Эрик, собрав все силы, вырвал правую руку в тот момент, когда острое ножа смотрело на Дадаева, и ударил по торцу.

Нож целиком вошел в глазницу.

Эрик воспользовался секундным шоком окружающих и нырнул под стол. Он сделал пару шагов на карачках и вскочил, опрокидывая стол вместе с посудой и скатертью назад на охранников. Потом, оттолкнувшись от него, бросился в окно, моля всех богов, чтобы оно не оказалось бронированным. В тот миг, когда он спиной вперед вылетел со второго этажа, вся жизнь НЕ пронеслась у него перед глазами. Ничего не успело пронестись. После короткого полета он грохнулся на асфальт. Несколько мгновений он от шока не ощущал ничего. Потом показалось, что все кости перемолоты в труху. Тем не менее Эрик попытался рывком встать и тут же потерял

сознание от острой боли, буквально прострелившей от бедра в мозг.

Очнулся Эрик в незнакомом помещении. Долго приходил в сознание, пытался сфокусировать взгляд. Картинка расплывалась, мысли путались, он погрузился в сон. Придя в себя во второй раз, он сумел оглядеться. Помещение напоминало больничную палату, только очень мрачную. Эрик сделал безуспешную попытку пошевелиться. Он оказался в жестком корсете. Кроме того, отдельно в гипсе были рука и нога. Эрик пока был не в состоянии анализировать ситуацию. Ему, похоже, кололи какие-то препараты, от которых постоянно хотелось спать и путались мысли. Ни врач, ни медсестра, приходящая ставить уколы, не говорили ему толком, где он находится. Все разъяснилось на следующий день.

Похоже, что дозу препарата снизили, Эрик стал сносно себя ощущать. Он уже вполне серьезно начал обдумывать попытку встать, когда в палату быстрыми шагами вошел Слава.

— Мне сказали, что ты очнулся, — сказал он вместо приветствия.

— И вам здравствуйте! — нашел в себе силы съязвить Эрик.

— Я буквально на минуту и очень рискую...

— А я удивлен! Ты же говорил, что вы знать меня не знаете и вытаскивать не станете...

— Ты не понял. Я не собираюсь тебя вытаскивать. Я пришел напомнить, что тебя в этот ресторан никто не посылал, и ты убил этого человека из личной неприязни.

— Вторая часть — чистая правда! Я убил его из личной неприязни. Но меня там ждали, Слава. Слил меня ваш человечек...

— Не факт. Его самого убили. Растерзанный труп потом на помойке нашли... Возможно, протекло у нас... Чтобы ты знал: я сделал для тебя все, что смог. Дадаев проходил по нескольким делам, связанным с терроризмом, и мы настояли, чтобы дело передали нам. У тебя теперь половина Кавказа в кровниках.

Ты до сих пор жив только потому, что находишься в нашем изоляторе. Но следствие будет настоящим, и ты получишь срок за убийство из личной неприязни.

— Я помню, помню. А как я здесь оказался? Ну, после того как выпал из окна. Я же не смог убежать.

— Это даже везением сложно назвать. Чудо, да и только... Там стояла машина инкассаторов, они как раз деньги выносили, когда ты им под ноги упал. Ну, они напряглись, конечно. А когда из ресторана выскочили со стволами, они круговую оборону заняли и тревожную кнопку нажали. Парни эти по молодости в спецназе служили, в общем, не отдали тебя. Ни по-хорошему, ни по-плохому. Дождались подкрепления.

В дверь постучали, заглянул носатый молодой человек в сером костюме.

— Товарищ подполковник, я все инструкции нарушаю, — жалобно протянул он.

— Все, выхожу, — ответил Слава.

— Это следователь твой. Надеюсь, мы друг друга поняли, — это уже Эрику.

— Все будет, начальник, — пообещал Эрик, — просьбу можно? Раз уж ты принимаешь участие в моей судьбе. Мне бы в черную зону попасть, сколько ни впаяют. Не вытяну я на красной.

— Я подумаю.

Слава ушел.

Появился давешний молодой человек и началась новая эпопея с допросами, протоколами и прочей следственной лабудой.

На суде Эрик, как рецидивист, получил пятнадцать лет строго режима. Помог ли Слава, или так сложились обстоятельства, в колонию он попал очень отдаленную, но чернее некуда, как и хотел. Несмотря на прохладное отношение к блатным, в их среде он имел авторитет, знал законы и мог рассчитывать на относительный покой.

Колонию держал вор в законе Макай, строгий человек старых понятий. Кавказцев он недолюбливал, и Эрика принял относительно дружелюбно.

При первой же возможности Эрик позвонил Косте. Не сказать, что тот рад был этому звонку, но, по крайней мере, не удивился. Арендная плата за домик на Крите шла через его фирму, и он понимал, что теперь на него ложится еще и бремя поддержки Эрика на зоне. Слиться в такой ситуации было очень рискованно.

— Привет, дорогой! — перешел он на энергично деловой тон, узнав, кто звонит с незнакомого номера. — Как устроился на новом месте? Сообщи адрес, всем необходимым я тебя обеспечу, посылочки там и так далее. Постараюсь, так сказать, создать условия.

— Условия тут и так курортные, — невесело пошутил Эрик, — но дело не в посылках. Библиотека — совсем дрянь! Я с такой библиотекой и года не протяну. Ты организуй через какую-нибудь благотворительную организацию регулярное поступление сюда хорошей литературы в приличных объемах, денег на это не жалея.

— Хорошо, сделаю, — пообещал Костя.

— И, Костя, я понимаю, что это совсем не нужный тебе гемор. Половину суммы оставляй себе.

— Нет, ты что? Я же по дружбе, — как будто попытался возразить Костя.

— Мне пятнадцать лет сидеть. Любая дружба за такое время засохнет и опадет. А так у нас деловое соглашение, и тебе его придется выполнять. Так что без обид.

— Хорошо! — с облегчением согласился Костя.

Эрик вернул трубку хозяину и вернулся на свою шконку. Нужно было как-то обустраивать новую жизнь. Бытовые неудобства его теперь трогали мало. Требовалось в первую очередь занять чем-то голову, а по возможности и руки. «Шить я умею

хорошо, — размышлял он, лежа на жестком матрасе, — надо освоить еще какую-нибудь полезную специальность. А может, и две». Пятнадцать лет — целая вечность.

Конечно, всегда существовала возможность закончить всю эту историю раз и навсегда. Возвращение в неорганическое состояние — абсолютная гарантия покоя. Но в этой ситуации суицид выглядел проявлением слабости. Он и так проиграл, попался и жил по чужим правилам. Покончить с собой сейчас — умереть под давлением чужой воли. А он стремился умереть по-своему, обрести покой в тот момент, когда сам найдет это нужным. На самом деле влечение к смерти — это то, что позволяет нам умереть по-разному. Возможно, только это и имеет значение, выходит из рамок усталости от жизни: не способность жить вечно, но способность умереть по-своему.

Умирать именно сейчас Эрик не собирался. Ему предстояло стоически принять нынешнюю участь и лишь потом, на воле, свободно распорядиться своей судьбой.

ЭПИЛОГ

Эрик стоял под дождем перед темными окнами Киры. Он не собирался делать попыток снова увидеть ее. Прошла целая вечность. Это давно была не любовь и даже не воспоминания о ней. Может быть, единственное человеческое, что еще оставалось в нем, мерцало изредка в душе тусклым отблеском. Он приехал мысленно попрощаться с единственным человеком, который был ему когда-то по-настоящему дорог.

Сев в машину, Эрик включил радио, посидел немного, глядя, как капли тонкими ручейками стекают со стекол.

Эрик посмотрел на часы. До утра было еще далеко. Поспать несколько часов в машине или поехать все-таки к старику? Отец по-прежнему жил один. После смерти матери Эрика он не женился, стал нелюдимым, из дома выходил редко. Но выбора не было. В квартире отца были спрятаны документы и деньги, которые были ему необходимы как воздух. «Поеду сейчас, — решил Эрик. — Не каждый же день сын освобождается. Потерпит...». Больше одного дня Эрик в городе задерживаться не собирался. Нужно было уезжать, и уезжать очень срочно.

Подъехав к дому, Эрик нашел место для парковки, заглушил двигатель и посидел немного в темноте. Двор был пуст и темен так же, как и дворы в Изумрудном. Он внимательно осмотрел припаркованные вокруг автомобили. Не заметил никаких силуэтов, никакого огонька сигареты. Эрик вышел из машины и не спеша пошел к подъезду. Никакого движения вокруг.

Отец молча и очень внимательно оглядел его и все-таки сухо приобнял.

— Проходи. Есть хочешь? — спросил, отворачивая лицо.

— Нет, спасибо! Я только переночую, — ответил Эрик, — в кабинете мне постели, пожалуйста.

Понял, что получается совсем холодно, добавил неуверенно:

— Может, чаю только.

За столом обменялись пустыми вопросами и такими же, ничего не значащими, ответами. Эрик, наконец, сказал:

— Слушай, я уеду завтра. Наверное, навсегда. Не знаю, увидимся еще или нет. Деньги буду присылать.

— Деньги мне твои не нужны. И куда ты собрался?

— Далеко, за границу.

— Как это ты за границу уедешь, мне интересно? — немного язвительно спросил старик. — Границы закрыты все, не выпускают никуда.

— Так я же не турист, — усмехнулся Эрик, — мне виза не нужна.

Отец крикнул, поморщился и сказал:

— Может, ты и не турист. Только с понедельника рейсы все отменены, даже внутри страны. С поездками, я думаю, такая же история. Про пароходы не скажу, не интересовался.

Четкий, давно продуманный план Чума, конечно, сломала. Еще в начале весны он был уверен: освободившись, заедет за документами и сразу улетит. Когда срок его начал подходить к концу, Эрик бессонными ночами раз за разом представлял себе, как он уедет на свой остров. Выходить ему предстояло в начале лета, и к этому моменту должны были открыться прямые чартеры из его города на Крит. Так было все последние годы. Эрик внимательно следил из колонии за предложениями турфирм. В крайнем случае можно было доехать до столицы и лететь оттуда. Он немного забеспокоился, когда из-за Чумы стал сворачиваться туристический бизнес. Но регулярные рейсы между столицами еще оставались. Эрик уже понимал, что о прямом чартере мечтать не приходится, придется как-то добираться до столицы, лететь в Афины и уже оттуда — на Крит. Самым сложным представлялся как раз первый отрезок. Но все

это было решаемо, обычные трудности. Новость о том, что отменены вообще все рейсы и, кажется, по всему миру, застала его врасплох. Потихоньку достав из тайника документы, небольшую сумму и пистолет «Глок», он лежал и рассеянно листал паспорт. Ну что, Танатос, дорога на остров может оказаться трудной?

Отец заснул, и Эрик вдруг почувствовал, что нет, не может, не в силах, не удержится.

Простой кнопочный телефон с «левой» симкой он купил у контролера. На пару звонков сгодится, но нужен был новый, желательно смартфон с легальной симкой. В этом Эрик надеялся на Костю.

Он спустился в подъезд. Никого не было. Десять вечера, еще не критически поздно...

Ему ответил бесконечно усталый, густой женский голос:

— Киры нет. И не будет.

— А когда я мог бы...

— Никогда.

Женщина помолчала.

— Вчера похоронили.

Эрик толкнул дверь подъезда, вышел во двор и сел прямо на мокрый газон.

— Простите. А что...

— Ну что, — уже с тихим негодованием ответила женщина, — ну что могло случиться в эти светлые дни? Поражение легких девяносто процентов. Неделю держали на ИВЛ, не могло... Не звоните больше.

И с ненавистью добавила:

— Берегите себя.

* * *

Светало. Эрик уже мог разглядеть корешки книг на полках. У родителей всегда была большая библиотека. В детстве Эрик

взялся было из любопытства считать количество томов, но после двух тысяч сбился и бросил.

Едва вытерпев до восьми, он набрал Костю.

— Здорово, братан! Освободился? Уже в городе? — голос Кости был нарочито бодрый.

— Привет! Сможем срочно встретиться?

— Да! Приезжай к девяти. У меня новый офис в Темниковке. Нас заставили закрыться из-за карантина. Но я открою, поговорим спокойно. Адрес эсэмэской сброшу. Жду!

Отец варил кофе на кухне.

— Садись завтракать.

— Спасибо, я только кофе. Поеду, договорился уже.

— Ах, да! Искали тебя дружки твои, видно, соскучились очень. Подходили тут на днях, я сказал, что ничего не знаю.

— Да, все нормально, никто тебя больше не побеспокоит.

Отец принес две медицинские маски и какой-то листок.

— Маски возьми, тебя без них даже в магазин не пустят. Перчаток, извини, лишних нет, купишь.

...Вначале, на выезде из маленького городка, в котором располагалась колония. Гайцы, посмотрев документы на машину и права, потребовали «Заявление о прерывании режима самоизоляции». Эрик аж поперхнулся! «Режим самоизоляции» звучало очень издевательски по отношению к человеку, только что освободившемуся. Изоляцию он, конечно, прервал, и был это му несказанно рад. Но заявление...

Эрик не ожидал столкнуться с ТАКОЙ реальностью через час после освобождения. Про «подгон» машины он договорился заранее, еще из колонии. За воротами его встретил хмурый дядька в рыбацкой брезентовой куртке. Эрик забрал ключи с документами и направился прочь от ненавистного серого забора. Когда его остановили, он больше всего тревожился за водительское удостоверение. Оно было самое настоящее, только чужое. С фото смотрел ничем не примечательный тип

неопределенного возраста. Учитывая качество таких снимков, Эрик вполне мог за него сойти, если не приглядываться внимательно. Он совсем не рассчитывал на частые проверки документов, нужно было только доехать до места, не привлекая лишнего внимания.

Эрик тогда просто напел что-то о необходимости срочно попасть в Город. Широколицый плотный сержант покачал головой, подумал и вернул ему документы. Здесь, практически в деревне, еще не столкнулись с настоящей эпидемией. Не было ни одного знакомого, кто бы заболел или умер. Чума существовала пока только в телевизоре и, возможно, где-то там, в большом мире. Кто-то хочет ехать в чумной Город? Счастливого пути!

Останавливали еще, везде история примерно повторялась.

...Обнял на прощание отца. Понимал, что больше не увидит. Но ничего не почувствовал.

Перед тем как выйти из подъезда, приоткрыл дверь, осторожно выглянул. Двор был пуст. Эрик вышел и, придерживая, чтобы не закрылась, дверь, постоял несколько минут на пороге. Половина девятого в обычное время — это час пик. Все должны разъезжаться по своим делам. Но сейчас ничто не нарушало сонную тишину. Дождь на время прекратился, ветер нес обрывки туч, казалось, прямо над крышами домов. Воздух был влажный, свежий и пока достаточно прохладный. Эрик с удовольствием подышал, осторожно прикрыл за собой дверь подъезда и двинулся к своему автомобилю. Не заметив ничего подозрительного, сел в машину, завел двигатель и опять немного подождал, украдкой оглядываясь.

Через пустой город Эрик пролетел на удивление быстро, не встретив ни одного поста. Автомобили и редкие прохожие на Проспекте попадались, но для этого времени все вокруг выглядело, как в фильме про постапокалипсис.

Подъезжая к названному Костей адресу, Эрик вдруг понял, что это дом, в котором прошло его детство. Тот самый облезлый

темниковский Корабль. Название улицы сменилось еще в 90-е, на месте заброшенного пустыря разбили красивый парк, который обступили новые высотные дома.

Корабль остался на месте и был по-прежнему сер и уныл.

Эрик на мгновение почувствовал себя маленьким мальчиком, находящимся в одном шаге от родного дома. Только прийти домой, к маме и папе, он никак не мог. Да и никуда больше не мог он прийти... На этом асфальте чертили стрелки. Там играли в казаков-разбойников. Там взрывали дымоухи... С тобой ли все это случилось? Ты ли был тем мальчиком?

Эрик снова посидел несколько минут в машине, осматриваясь. Мимо быстро прошли, переговариваясь на ходу, две женщины, вдалеке за деревьями старик выгуливал собачку.

Он не знал, на каком автомобиле сейчас ездит Костя, соответственно, не мог понять, здесь он уже или нет. Рольставни на окнах офиса были опущены, а лампу сигнализации Эрик не видел. Ничего не происходило. Окончательно успокоившись, он вышел из машины и медленно двинулся в сторону крыльца. Кажется, все тихо. Из-за угла появился парень с черным пакетом в правой руке. Он был в медицинской маске, надвинутой почти до глаз. Эрик напрягся. Кажется, рыжая окладистая борода, но из-под маски толком не видно.

Парень спокойно прошел мимо, равнодушно мазнув взглядом по Эрику.

Ничего не произошло. Напряжение стало отпускать, Эрик сделал шаг по направлению к крыльцу офиса и краем уха услышал шелест упавшего на асфальт пакета.

Начав оборачиваться, увидел, что парень уже поднимал пистолет с глушителем.

— Наконец-то, — сказал Танатос и, отбросив пистолет, пошел навстречу парню.

Тот посмотрел на него с изумлением и сделал шаг назад.

— Ну давай, — ласково сказал Танатос. — Давай уже.
Парень быстро, два раза подряд выстрелил ему в грудь.

* * *

Кира ехала на работу к девяти, злилась на светофоры. Всех отправили на удаленку, но троим велели выйти на короткое совещание. Она не роптала: слава Богу, еще держат, не отправляют на пенсию, — в архитектурном бюро попросили на выход уже троих ее ровесников, ее пока не трогали, но по задумчивому взгляду тридцатилетнего босса Кира понимала: не за горами. С тех пор как она овдовела, она все больше боялась будущего: вдруг оказалось, что бедность, стыдная, некрасивая, совсем близко, — а она и не помнила, как это — пересчитывать копейки, ловить скидки... всегда был достаток, прочность, опрятная, надежная жизнь. Год назад купили красивый дом в интеллигентном пригороде, пристроили роскошную веранду, она увлеклась гортензиями — и вдруг: у мужа скоротечный рак. Деньги, больницы, уколы, хоспис, «Кирочка, спасибо за жизнь». — Господи, да что же это такое, за что мне и ему — за что? Сын давно осел в Германии, жил какой-то своей тонкой жизнью, писал электронную музыку. Приехал на похороны, всплакнул. На поминки не остался: самолет, видите ли.

Зато живой. Как началась Чума, она стала звонить ему каждый день, проверять. Вчера бывшая соседка Римма сообщила, что похоронила сына. Кира разрыдалась. Двадцать семь лет, как это возможно? Когда Кирилл — его, как и ее, называли Кирой — программист с женой и двумя детьми, купил ее квартиру, поближе к маме Римме, — она любовалась этой парой, стройные, светловолосые, Дети Солнца! — влюбленные, летящие. Такой летающей, светящейся она и сама была страшно сказать когда — тридцать, нет, тридцать пять лет назад, когда обнимала Эрика. С мужем не так, с ним был ровный, негромкий

свет, приязнь, сора́тничество, — товарищество даже. Эрик был любовь и сияние. Сияние и любовь. Главное событие ее жизни.

Но Кира не сомневалась, что однажды увидит его. Надо только выучиться ждать! — и она выучилась. Она ехала через Темниковку, родину его детства, — сколько раз она приезжала сюда, бродила вдоль серого облезлого Корабля, сидела у пруда, словно могла увидеть там какие-то кораблики, лодочки, плоты его самых ранних лет, словно могла узнать в мутных, грязно-кофейных водах его отражение. Он где-то есть, Эрик. Он ведь не может не присутствовать в этом мире. Она примет его любого, любым: испорченным, злым, больным, каким угодно, она отмоет его от всего страшного зла, что с ним сделали, — и от того, что сотворил он, — она понимала, что выбор всегда больше обстоятельств, и он этот выбор сделал: за́предельный, чудовищный, умонепостижимый.

Но она посадит его в ванну, возьмет мягкую губку... Все злое уйдет в сток. Прольется чистая вода, время повернется вспять, останется прежний, юный Эрик. Потому что любовь не проходит, объяснит она ему. Ты знаешь, что любовь не проходит? Ну вот знай.

Притормозила на переходе, пропуская высокого парня с рыжей бородой. Он вдруг повернул голову, коротко улыбнулся ей. Она — ему, снисходительно: что, мальчик, я еще вполне? Да, женщина за стеклом выглядит моложе... Но парень уже не увидел ее улыбки, — он быстро уходил, а где-то вдалеке орала полицейская сирена.

Кира перестроилась в правый ряд, готовясь пропустить машину с мигалкой.

Господи, пусть все будут живы.

Пронеси, Господи.

Декабрь 2021 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издателя. Не брать бы вовсе в руки тяжелого меча!	3
Пролог	5
ЧАСТЬ 1	11
Глава 1	13
Глава 2	26
Глава 3	48
Глава 5	75
Глава 6	86
Глава 7	101
Глава 8	120
ЧАСТЬ 2	135
Глава 9	137
Глава 10	165
Глава 11	186
Глава 12	195
Глава 13	209
Глава 14	230
Глава 15	246
Глава 16	264
Глава 17	276
Эпилог	292

Литературно-художественное произведение

Динислам Набиев

ЭРОС И ТАНАТОС

Роман

Руководитель издательского проекта *Роман Косыгин*

Литературный редактор *Евгения Долгинова*

Дизайн *Александр Петриков*

Верстка *Елена Потапова*

Корректор *Римма Болдинова*

Подписано в печать 22.11.2022.

Формат 64 x 90 ¹/₁₆. Гарнитура Charter.

Тираж 500 экз.

Заказ №

АСПИ

121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 52/55, стр. 1

Отпечатано в АО «Т8 Издательские технологии»

109316, Россия, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5

t8print.ru

18+